

ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

На правах рукописи

ТИКУНОВА Светлана Владимировна

СЕМИОТИЗАЦИЯ ПРИРОДЫ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ

24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, доцент

Г.Н. Калинина

Белгород, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Философское понимание культурного ландшафта	13
1.1. Философско-культурологическая экспликация понятий «природный», «антропогенный» и «культурный» ландшафт	13
1.2. Культурно-историческая типология и семиотика культурного ландшафта	41
Глава 2. Семиотика взаимодействия природы и культуры в пространстве культурного ландшафта	64
2.1. Природно-антропогенные и геоэкологические факторы генезиса культурных ландшафтов	64
2.2. Семиотические смыслы и образы природы в культурно-исторических типах ландшафта	92
Заключение	121
Библиографический список	126

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Парадигма «человек – природа» стара как мир, а хрестоматийный тезис о том, что «природу надо охранять», известен, наверное, не меньше, чем категорический императив И. Канта. К сожалению, тезис о том, что природа не храм, а мастерская, утвердился в качестве основной новоевропейской парадигмы взаимодействия культуры и природного мира и продолжает доминировать в качестве такового и сегодня. В погоне за утилитарными, потребительскими ценностями техногенное общество наращивает интенсивность эксплуатации геосистем, словно не замечает деструктивного антропогенного воздействия на ландшафт. Парадокс состоит в том, что оберегать природный мир все в большей мере надо от самого человека.

Всё это предполагает философско-культурологическое осмысление самого факта привносимых человеком в природу изменений и их преломления в социокодах культуры, проблематики семиотизации природы в культурном ландшафте, которая заметно присутствует в междисциплинарном социально-гуманитарном исследовательском поле. Сама ситуация требует и философско-культурологического осмысления классической оппозиции «природа – культура», в контексте которого именно человек оказывается той творческой силой, которая не просто преобразует природу в искусственных артефактах, но и задаёт смысловое напряжение семиотическому бытию природы в культуре.

Это тем более важно, что последствия современных ландшафтных трансформаций определяются уровнем не вполне удовлетворительной культурной и нравственной зрелости человечества. Мы должны соответствовать вызовам времени, глобальным трансформациям природы и культуры, в орбиту которых попадает и культурный ландшафт, в равной мере социоприродное и знаково-символическое формообразование.

Всё это определило актуальность нашего диссертационного исследования, посвящённого проблематике формирования семиотического среды бытия человека в пространстве и времени взаимодействия природы и культуры, природы и общества.

Степень научной разработанности проблемы связана с усвоением значительных наработок в отечественной и зарубежной литературе выделенного тематического поля. Рассмотрение истории культуры как универсального процесса с приматом разума восходит к гегелевской рационально-логической философии, которая вызвала к жизни многообразные теоретические версии истории, релевантные гегелевской диалектике или отрицающие её. Гегелевской теории истории и культуры оппонируют рационально-объективистские интерпретации культуры, в частности, представленные в работах классиков марксистской философии.

Философско-культурологическая концепция И. Канта центрируется понятиями «духа» и «морали», продолжается в аксиологическом ключе неокантианцами (М. Вебером, В. Виндельбантом, Г. Риккертом, Э. Кассирером, Р. Карнапом и др.) и получает переосмысление в герменевтико-феноменологической культурологической модели культуры (от раннего немецкого романтизма, Ф. Шлейермахера и И.Ф. Шеллинга до В. Дильтея, Л. Ранке, Э. Гуссерля, Г.Г. Шпета, Х.Г. Гадамера и др.). Иррационалистская версия взаимодействия природы и культуры испытала влияние А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Х. Ортега-и-Гассета и др.

В работе мы исходим из семиотического понимания и трактовки культуры как способа производства знаков и символов, значений и смыслов, их кодирования, освоения и трансляции, разработанных западными и отечественными исследователями (Э. Кассирер, К. Леви-Строс, В.С. Библер, А.А. Григорьев, Вяч. В. Иванов, Ю.М. Лотман, С.С. Неретина, М.К. Петров, А.М. Пятигорский, В.П. Руднев, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и другие). В русле семиотики идеи функционирования языка по отношению к трём

мировоззренческим типам развивали Э. Бенвенист, В. Гумаускайте, А.М. Карапетьянц, Ю.С. Степанов, А. Тойман, Т. Цивьян и др.

Одним из первых понятие «культурный ландшафт» ввели К. Зауэра, О. Шлюте, осуществив его концептуализацию в рамках системы «человек-природа», но пальма первенства в этой области по праву отдается А. Гумбольдту, идеи которого были развиты русскими учёными – Л.Л. Бергом, А.И. Войковым, В.В. Докучаевым, С.С. Неуструевым, Б.Б. Родомановым, В.П. Семёновым-Тян-Шанским и другими. Отечественный географ В.Л. Каганский и другие авторы, предприняли продуктивную попытку систематизации и видов культурного ландшафта дали их научные и практически ориентированные интерпретации (Ю.А. Веденин, Д.А. Дирин, А.Г. Исаченко, М.Е. Кулешова, В.Н. Калущков, Е.Ю. Колбовский, М.Е. Кулешова, Ф.Н. Мильков, В.А. Низовцев, В.А. Николаев, Б.Б. Родоман, А.Н. Ямсков и пр.).

Можно выделить основные концептуальные подходы к изучению ландшафта: выделяются *геоэкологический* (В.В. Докучаев); *эколого-ландшафтный* (А.Г. Исаченко, В.Б. Сочава, А.А. Чибилев и другие) и *культурологический* (он представлен в работах А.Г. Исаченко, В.А. Николаева, В.С. Преображенского, которые понимают под «культурным ландшафтом» только целесообразно преобразованные природно-территориальные комплексы. Ноосферная парадигма «русского космизма» (В.И. Вернадский) позволяет философски осознать процессы культурно-пространственного взаимодействия в глобальных трансформациях.

Сегодня сложилось относительно целостное представление о генезисе и функционировании антропогенных ландшафтов: исследованы процессы антропогенной трансформации природных территориальных комплексов (В.И. Булатов, В.С. Жекулин, А.Г. Исаченко, Ф.Н. Мильков, В.И. Федотов и другие). При этом пристальная роль отводится вопросам современной динамики отдельных типов ландшафтной сферы, мониторингу его трансформаций в связи с антропогенным фактором.

Проблематика ландшафтной геоэкологии в эпицентре изысканий В.И. Андрейцева, И.А. Бриньке, Д.М. Гродзинского, В.М. Ермоленко, И.И. Каракаша, П.Ф. Кулинича, А.М. Маринича, А.Н. Мирошниченко, В.Л. Мунтяна, В.В. Носика, А.И. Рипенко. Сущность и генезис юридического понятия «ландшафт» в ракурсе экологической политики исследует Е.В. Лозо; в то время как сетевая интерпретация данного феномена представлена В.Н. Калуцковым, Т.М. Красовской и другими. К ним примыкают исследования по рефлексии этических аспектов разработки и применения биотехнологий российских (Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко, Е.И. Кириленко и другие) и зарубежных ученых (Е. Ветулани, М. Клиновски, П. Сингер, Ю. Хабермас, Я. Хартман, Т. Щлипко и другие). С позиции соблюдения «буквы закона» алгоритм сохранения природного и исторического наследия включает в себя ландшафтно-региональную и культурную сферы, включая традицию и жизнеобеспеченность, что подчеркивает целостность природного человеческого и географического пространства.

Однако данное смысловое поле не является исчерпывающим – особенно это касается вопросов семиотики природы в культурном ландшафте. В целом мы фиксируем, что общая концептуализация нашей проблематики идёт по пути исследования культурного ландшафта в рамках коэволюционного его понимания. Отсутствие специальных философско-культурологических работ, посвященных целостному изучению данной проблематики, подводит нас к необходимости восполнить имеющийся пробел путем систематического диссертационного исследования.

Исходя из вышеизложенного, мы определили **объект диссертационного исследования:** *культурный ландшафт как сфера пространственных знаков, символов и социокодов.*

Предмет исследования: *процессы семиотизации природы в основных культурно-исторических типах культурного ландшафта.*

Цель диссертационной работы: *реконструкция парадигм и видов антропогенного ландшафта как семиотической системы культуры.*

Реализация обозначенной цели обусловила постановку и решение конкретных **задач**:

- философско-культурологическая экспликация концептов «природный ландшафт», «антропогенный ландшафт» и «культурный ландшафт»;
- определение специфики культурного ландшафта в культурно-исторической типологии как семиотической системы;
- выявление природно-антропогенных и геоэкологических факторов генезиса культурных ландшафтов;
- дескрипция семиотики природы в процессах формирования культурно-исторических типов ландшафта.

Теоретико-методологическими основами исследования послужили классические естественнонаучные, философские, социологические и культурологические труды видных западных и отечественных учёных, в которых ставились и решались проблемы социального преобразования природного мира, культурной антропологии пространства (прежде всего, с позиций семиотических интерпретаций).

Общефилософская интерпретация культуры не могла обойтись без нашего обращения к диалектике, сравнительно-историческим методам, культурно-цивилизационному и деятельностному подходам.

Методологическим каркасом работы выступает *семиотическая концепция культуры*, позволяющая исследовать ландшафт в процессе его воплощения в знаково-символических системах и кодах культуры. Вместе с тем, необходимость реконструкции смыслов и коннотаций ключевых концептов диссертации («природный», «антропогенный», «культурный ландшафт» и др.), задача репрезентации геокультурного пространства как знаковой системы, а также реализация семиотического анализа взаимодействия культуры и пространства обусловили использование в работе феноменологического и системного принципов, тезаурусного и контекстного подходов, герменевтического и культурно-семиотического методов.

Научная новизна исследования:

1. Философско-культурологическая экспликация понятий «природный», «антропогенный» и «культурный» ландшафт позволила выработать понимание культурного ландшафта как целостного феномена, включающего в себя человеческий и природный миры, и дать трактовку природно-культурной среды как освоенной в утилитарных, семантических и символических практиках человека.

2. В своей специфике культурный ландшафт представлен в качестве природной среды, преображённой в пространственных представлениях человека и кодах культуры, как универсальная семиотическая система и целостное знаково-символическое тело культуры.

3. Доказано, что природно-антропогенные и геоэкологические факторы генезиса культурных ландшафтов полагают культурный ландшафт как специфическую ноосферную геосистему, обладающую аксиологическими и проективными измерениями.

4. Описана семиотика взаимодействия культуры и природного пространства, воплощённая в знаково-символических и информационно-знаковых образах культурно-исторических типов ландшафта, обладающих собственным семантическим полем и особой «генетикой» культурно-цивилизационных эпох.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуализация смысловых значений понятий «природный», «антропогенный» и «культурный» ландшафт выявляет метаморфоз их сущностного определения: от нематериального и специализированного понимания (изображение местности, результат композиционно-художественного упорядочения) до широкой репрезентации ландшафтной сферы как исторически обусловленной геосистемы, генетически единой, целостно однородной, антропогенной и окультуренной. Интегральное понимание культурного ландшафта позволяет представить его как синтетический и пограничный, телесно выраженный и морфологичный

феномен, объемлющий собой социальный и природный миры в сотворчестве человека и природы.

2. Культурный ландшафт является универсальной семиотической системой, сферой воплощения пространственных представлений человека и кодов культуры на всех стадиях ее формообразования. В этой системе происходит самоорганизация семантических и экзистенциальных смыслов человеческого бытия, создающих семиотическую сеть целостного ландшафтного пространства, что позволяет рассматривать культуру в качестве географической реальности, визуализирующей в знаково-символических образах природы. Культурный ландшафт также представляет собой универсальную объект-субъектную, личностно-окрашенную форму бытия культуры, синтетический природно-антропогенный феномен, генезис которого генетически релевантен культурной эволюции и проявлению человеческих творческих потенций.

3. Пространственная специфика природно-антропогенных и геоэкологических факторов генезиса ландшафтной сферы и культурного ландшафта позволяет осуществить их геоэкологическую и философско-антропологическую концептуализацию и представить их в единстве континуальной природно-антропогенной геосистемы, в ноосферных моделях проектирования будущего, в качестве целостных социоприродных и знаково-символических формообразований. В контексте генезиса культурного ландшафта правомерно говорить о синтезе и сопряжении природно-антропогенных и геоэкологических факторов, обладающих собственной спецификой, но не вычленимых в «чистом» виде. Границы ландшафтных трансформаций маркируются уровнем культурной и нравственной зрелости человека и человечества.

4. Универсальная семиотизация ландшафта непосредственно связана со сменой человеческих «картин мира»: от магико-мифологических до рационально-научных и технологически прагматичных. Они и определяют специфику знаково-символических образов природы – прагматику и эстетику,

логику и поэзию ландшафта. Критерий «читаемости» и воспринимаемости культурного ландшафта образуется двумя оценочными факторами: 1) базовый визуальный код (эстетика пейзажа) и 2) сила «ключей» прочтения (понимание рациональной системы пейзажа). Источниками символики культурного ландшафта выступают: «открытые символы» предметного мира в его морфологических формах; глубинная семантика онтологического человеческого опыта.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальными и новыми философско-культурологическими результатами и выводами, полученными на основе понимания процессов семиозиса природы в культурном ландшафте. Материалы диссертации могут быть использованы в контексте дальнейших научных разработок проблем взаимодействия человека и природы, пространственной среды и общества (аксиология измерения геокультурного пространства, оптимизация системы взаимодействия общества и природы, эстетика культурного геопространства и другие актуальные направления). Полученные результаты способствуют решению сложных проблем исследования современного общества и культуры.

Практическое значение работы состоит в возможности разработки культурно-экологических проектов разного уровня и внедрении основных результатов в практику преподавания дисциплин философского, культурологического, искусствоведческого цикла, в их преломлении к схемам взаимодействия дискурсивных практик, связанных с культурным ландшафтом, в изучении специфики информационно-знаковых процессов в сфере ландшафтной архитектуры, ландшафтного дизайна, в системе мониторинга культурно-просветительской и культурно-социальной сферы.

Личный вклад автора заключается в философско-методологическом обосновании проблемы семиотизации природы в культурном ландшафте в процессе его генезиса; в собственной разработке философско-культурологического понимания таких феноменов культуры, как «природный», «антропогенный», «культурный ландшафт», выработанных на

основании семиотического подхода к культуре. Это позволило идентифицировать феномен «культурный ландшафт» в качестве сферы семиотизации пространственных представлений человека и кодов культуры; выявить культурно-пространственную специфику природно-антропогенных и геоэкологических факторов генезиса культурных ландшафтов, в ходе чего была осуществлена геоэкологическая концептуализация культурного ландшафта как природно-антропогенной геосистемы, а ландшафтное пространство репрезентировано как знаково-символическая система культуры в образах природы. Это позволило сформулировать авторский вклад в научных публикациях и пунктах новизны, отражающих ход и результаты диссертации.

Апробация результатов исследования. Теоретические и методологические результаты работы над темой исследования обобщались в выступлениях и докладах диссертанта на научных конференциях и семинарах: V Международный студенческий форум «Образование, наука, производство» (Белгород, 2011 г.); IV Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Гражданская позиция личности средствами графического дизайна» (Белгород, 2012 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.); «Международная научная конференция «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (21 апреля 2016 г., Ростов-на-Дону – 25-26 апреля 2016 г. Белгород); Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (Белгород, 8 февраля 2019 г.) и другие.

По теме диссертации опубликовано 12 научных работ общим объёмом 5,1 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертационная работа обсуждена на заседаниях кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. Философское понимание культурного ландшафта

В данной главе нами рассматриваются основные концептуальные подходы к пониманию и трактовке культурного ландшафта. С этой целью, во-первых, осуществляется философско-культурологическая экспликация базовых концептов исследования «ландшафт», «природный», «антропогенный», «культурный» ландшафт, вырабатывается интегральное определение «культурного ландшафта». И, во-вторых, в контексте культурно-исторической типологии определяется качественная специфика культурного ландшафта как семиотической системы.

По мере необходимости мы показываем, что в одном из важных аспектов «культурный ландшафт» выступает формой ценностного отношения человека к миру и характеризуется с этой стороны, в связи с чем мы обоснуем тезис о том, что усилия по сохранению, восстановлению и развитию культурного ландшафта плодотворны для преодоления современного системного кризиса, затрагивающего сущность человеческой духовности и телесности.

1.1. Философско-культурологическая экспликация понятий

«природный», «антропогенный» и «культурный» ландшафт

В рамках проблемного поля данного параграфа речь пойдет о концептах «природный ландшафт», «антропогенный ландшафт» и «культурный ландшафт», их философско-культурологической экспликации. Разумеется, мы не можем обойти стороной понятие «ландшафт», поскольку оно выступает «родовым» для указанного «терминологического ряда». Мы полагаем, что первоочередное уяснение существа данных концептов, широко задействованных в современном мыслительном дискурсе, будет способствовать выработке полной картины генезиса культурного ландшафта в синхронном и диахронном измерении, поможет утвердиться в собственном

понимании относительно данного культурно-исторического феномена. По мере необходимости мы покажем, что в одном из своих ракурсов «культурный ландшафт» выступает формой ценностного отношения человека к миру и характеризуется с этой стороны, в связи с чем мы обоснуем тезис о том, что усилия по сохранению, восстановлению и развитию культурного ландшафта плодотворны для преодоления современного системного кризиса, затрагивающего сущность человеческой духовности и телесности.

В цикле наших ранних публикаций по данной проблеме отмечался исследовательский интерес к проблеме ландшафтного пространства в ее предельно широком плане, то есть сквозь призму понимания категории «реальность» и ее репрезентации в знаково-символической форме. «В самом деле, в истории философии и науки мы находим немалый массив фундаментальных наработок по обоснованию природы «реальности» и «текста», начиная с античных и средневековых мыслителей до современных. Это и работы Аристотеля (в частности, трактат «Об истолковании», отдающий дань логике и логическим формам суждения)¹; и тексты Аврелия Августина (о способах и основе всякого толкования)²; и труды отечественных ученых, наших современников»³.

Таким образом, как мы ранее отмечали: «Даже небольшой обзор говорит нам о глубине проблемы семиозиса человеческого бытия, о том, что весь наш мир представляет собой реальность – систему знаков. А открывателем и толкователем смыслов является сам человек, который, собственно, и придает им уникальную лично-субъектную окраску»⁴. И теперь мы можем напрямую обратиться к понятию «ландшафт», сразу

¹ Неретина С.С. Комментарий к книге Августина «О христианской науке» // Электронная библиотека по философии. URL: [http:// filosof.historic.ru](http://filosof.historic.ru).

² Это известный герменевтический текст Августина Аврелия «О христианском учении», его «герменевтический поход», в терминологии С.С. Неретиной, анализирующей особенности средневековых представлений реальности.

³ См. подробнее: Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 105-110.

⁴ Там же. С. 106-107.

отметив, во-первых, его синонимичность (природный, культурный, антропогенный, сельскохозяйственный, городской и сельский, политический и пр.); во-вторых, нередкую взаимозаменяемость («ландшафт» – «экосистема»)⁵, а также метафоричность. То есть, ситуация со словоупотреблением не отличается категориальной четкостью и строгостью (Скорее она говорит о размытом «статусе» данного понятия, одновременно удостоверяет его востребованность в гуманитарном (и не только) дискурсе).

Что касается этимологии термина «ландшафт» («land» и «schaft»), то она восходит к немецкому «die landschaft» (вид, пейзаж) начала XIX века, появившись в сфере географической науки и означая определенный участок земной поверхности (территория) с благоустроенными на ней элементами природного и (или) антропогенного происхождения⁶; как «окружающая территория, которую можно осмотреть единым взглядом»⁷. Интересно, что слово «lantschaft» («единственная земля, упорядоченная в соответствии с общим планом, соответствующая содержанию форма) обнаруживается уже в германских исторических источниках – монастырских и богословских сочинениях, датированных периодом IX века. В дальнейшем понятие «ландшафт» укладывается в рамки административно-территориального контекста⁸. В последующем (XVI-XVII вв.) на фоне развития европейского искусства (прежде всего пейзажной живописи, в том числе библейской) термин «paysage» стал ассоциироваться с изображением как правило, «природной» или сельской местности на картине, в значении «определенной местности как результата композиционного упорядочения»⁹.

⁵ Небезынтересно, что за период с 1980 по 1998 гг. издано 8126 научных публикаций, в названиях которых употребляется слово «ландшафт», против 3637 публикаций со словом «экосистема», то есть «ландшафт» используется вдвое чаще, чем «экосистема». См: Гродзинський М. Д. Наукометрія буття ландшафту // Фізична географія та геоморфологія. 2001. № 40. С. 11-19.

⁶ Лозо Е.В. Сущность и генезис юридического понятия «ландшафт», Харьков.

⁷ Тютюнник Ю.Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Известия РАН. Сер.: геогр. 2004. № 4. С. 116–122.

⁸ Тютюнник Ю. Г. Ландшафт: етимологія, герменевтика, екзегетика // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження. К., 2003. Вип. 10. С. 54-71.

⁹ Слькін С. В. Категорія «ландшафт» у земельному та екологічному законодавстві України та інших держав // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та. Серія: Юрид. науки. 2010. Т. 23 (62). № 2. С. 161-168.

История собственно научных формулировок (опять-таки в географии) в XX столетии по праву олицетворяется с наработками Л.С. Берга, в определении которого ландшафт предстает специфическим «географическим индивидом», основным объектом географического исследования¹⁰. В основу такого понимания был положен принцип гармоничной взаимодополняемости природных компонентов (рельефа, климата, почв, растительного покрова), определенных естественными границами. Сегодняшнее традиционное значение термина в области наук о земле (и смежных с ними) – это «рельеф», «территория», в экологии же он синонимичен понятию «природного территориального комплекса» – целостной материальной системы, геокомплекса. Как правило, данное понимание присутствует в имеющихся современных определениях ландшафта (в отличие от прежней трактовки ландшафта как пейзажного образа: «Но если вид местности – это образ, феномен нематериальный, то геокомплекс (в традиционном понимании) – чисто материальный объект»¹¹).

Дадим небольшой обзор наиболее типических определений. Так в самом общем виде, «ландшафт», он же «географический ландшафт» – это природный территориальный комплекс, представляющий собой единую целостную геосистему, однородную по зональным и азональным признакам и заключающую в себе специфический набор сопряженных локальных геосистем»¹². Отсюда выделяют группы ландшафтов, в ряду основных: зональные интразональные, и экстразональные¹³. С точки зрения географии, ландшафт – это «природный географический комплекс, в котором все компоненты находятся в сложном взаимодействии, образуя единую

¹⁰ Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978 [Электрон. ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/102099/Ландшафт>.

¹¹ Ковалёв А. Что же следует понимать под ландшафтом? // Fundamental Problems of Geography 17.11.2010 [Электрон. ресурс]. URL: http://www.geography.pp.ua/2010/11/blog-post_17.html.

¹² Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск, 2009. С. 498.

¹³ Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=7997>.

систему»¹⁴, «часть земной поверхности, для которой характерно определённое сочетание рельефа, климата, почв, растительного и животного мира»¹⁵.

Предельно развернутая и одновременно уточняющая формулировка дается Н.А. Солнцевым: «Ландшафт – это генетически однородный природный территориальный комплекс, имеющий одинаковый геологический фундамент, один тип рельефа, одинаковый климат и состоящий из свойственного только данному ландшафту набора динамически сопряженных и закономерно повторяющихся в пространстве основных и второстепенных урочищ». Оно хорошо тем, что здесь вычленены типические характеристики ландшафта как понятия и культурного феномена (во-первых, территориально-генетическая целостность; во-вторых, геологическая, рельефная и климатическая однородность в пределах единой системы; структурная специфика и одновременно генетическая и динамическая общность природно-территориальных комплексов, в совокупности складывающихся в целостную природную территориальную систему.

Обратим особое внимание на базовый признак ландшафта – однородность. С данным определением конкурирует трактовка А.Г. Исаченко: «Ландшафт – генетически единая геосистема, однородная по зональным и азональным признакам, и заключающая в себе специфический набор локальных геосистем»¹⁶. Имеются и другие определения: «Каждый рукотворный ландшафт – это особая форма культуры, которая формируется в определенный исторический промежуток времени»¹⁷. По выражению культуролога и географа Д.Н. Замятина: «Пространство и время – наиболее

¹⁴ Ландшафт // Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. С. 644 [Электронный ресурс] URL: <http://sis.slovarnik.ru/html/1/landqaft.html>

¹⁵ Ландшафт // Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. 1-е изд., СПб, 1998. С. 436. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/kuznetsov/20815/ландшафт>.

¹⁶ <https://knowledge.allbest.ru/geography/>.

¹⁷ Дроздов А.В. Проблемы семиотики культурного ландшафта Коктебля // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Т. 27 (66), 2014. № 1. С. 57.

естественные и органичные координаты культуры»¹⁸. Здесь уместно привести наиболее устоявшиеся на сегодняшний день трактовки термина «ландшафт» и подходы к его исследованию.

Первая – региональная, она же индивидуальная¹⁹ (она подчеркивает индивидуальность, уникальность и специфику ландшафта как природно-территориального комплекса – Л.С. Берг, А.А. Григорьев, С.В. Калесник, Н.А. Солнцев, А. Г. Исаченко). Заметим, что данный подход стимулировал развитие целого ряда направлений в области отечественного ландшафтоведения: от морфологии и систематики ландшафтов до достаточно свежего актуального сегодня направления прикладного ландшафтоведения.

Вторая типологическая трактовка (Л.С. Берг, Н.А. Гвоздецкий, В.А. Дементьев), рассматривающая ландшафт в качестве типовой разновидности природного территориального комплекса, давшей толчок отечественным разработкам по части ландшафтной классификации. Наконец, так называемая общая (в известном смысле научно-популярная) трактовка (Д.Л. Арманд и Ф.Н. Мильков), утверждающая приоритеты синонимичного понимания ландшафта как «природного территориального, географического комплекса»²⁰.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает подход, отдающий предпочтение понятию мы бы сказали – концепту «геосистема», авторство которого связывают с именем В. Б. Сочавы. Концептуальным обоснованием для подобной замены (вместо «природный территориальный комплекс» – «геосистема») послужила идея системной взаимосвязи компонентов природы как определенной целостности, о взаимодействии природы с космической сферой и человеческим обществом. Являясь природным образованием геосистема подлежит исследованию с позиций общей теории систем. Такой

¹⁸ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006. С. 288.

¹⁹ В качестве основной единицы в ландшафтоведении выступает ландшафт в региональной трактовке, как сопряженный ряд фаций, значительная устойчивость, типичные черты ландшафтной зоны/природы.

²⁰ Например, ландшафт Русской равнины, Кавказа, или, скажем, болотный ландшафт.

подход представляется нам перспективным на фоне общемировой экологии и онтологии современного человечества. Мы, со своей стороны, отдаем предпочтение пониманию ландшафта как исторически обусловленной генетически и территориально единой, целостной и однородной по своим зональным и аональным признакам геосистемы, которая включает в себя (и образуется) специфический комплекс локальных геосистем» (А.Г. Исаченко).

Далее общая логика рассуждений подводит нас к необходимости уточнению смыслов, значений и коннотаций понимания «природного» ландшафта и «антропогенного» ландшафтов. И сразу напрашивается небольшое уточнение. Суть его в том, что, на этапе «предыстории человечества» культурный ландшафт – обогащенный продуктами человеческой деятельности и измененный ею ландшафт природный.

В самом сжатом виде природный ландшафт может быть сформулирован так. Это пространственная некультуренная среда, целостная система, в границах которой основные ландшафтные компоненты (рельеф и почва) сформировались и функционируют помимо внешнего вмешательства человека. Геоморфологическая структура природного ландшафта определяет размещение и движение вод, непосредственно влияя на качество и движение воздушных потоков. Его основные три компонента обеспечивают процессы качественной эволюции живой природы – совокупности биогенных компонентов. Литогенная основа природного ландшафта отличается статикой и устойчивостью, в то время как «живая природа», напротив, подвержена динамике. При том, однако, что именно последняя служит «гарантом» саморегуляции и самообеспечения ландшафта, поддержания его стабильного не рискогенного развития. Иначе говоря, благодаря протекающим в ландшафте как целостной системе процессам биогеоценоза природный ландшафт предстает единым, снабженным механизмами самозащиты и самовосстановления и репродуктивности. Основной цементирующей конструкцией в таком организме так сказать, его скелетом,

выступает рельеф: его изменения с неизбежностью тянут за собой цепочку трансформаций всех образующих его частей – компонентов.

В том случае, когда природный ландшафт как целостный живой организм подпадает под преобразовательную деятельность человека, по мере чего его основные природные компоненты (водный режим, растительность, фауна, рельеф и почва) в той или иной степени и форме претерпевают изменения, можно говорить о возникновении такого (синтетического) феномена как антропогенный ландшафт.

Если говорить предельно сжато, то основной массив определений, касающихся выполнен с позиции антропогенного ландшафтоведения, рассматривающего антропогенный ландшафт в качестве комплексов, формирующихся под влиянием хозяйственной деятельности человека. И здесь, пожалуй, нет ничего удивительного. В самом деле: масштабы и территориальное распространения «вольного» или «невольного» вмешательства человека в природу сегодня ни у кого сомнений не вызывают. Пожалуй, наши современники больше удивляются тому обстоятельству, что в XXI столетии еще остаются островки «воды и суши», куда не шагнула нога человека и нашему удивленно-восхищенному взору открываются уголки «первозданной природы».

Приведем несколько авторитетных определений, общепринятых сегодня среди специалистов в области географического ландшафтоведения и смежных отраслей знания, а также представленных в справочной литературе. Так, антропогенными ландшафтами называют как заново созданные человеком ландшафты, так и все те природные комплексы, в которых коренному изменению (перестройке) под влиянием человека подвергся любой из их компонентов, в том числе и растительность с животным миром (Ф.Н. Мильков)²¹. Есть и такое понимание: это «любой природный комплекс независимо от того, коренным или некоренным образом он перестроен» (В.Н. Солнцев). Толковый словарь корреспондирует их «как сознательно,

²¹ Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты, М., 1973.

целенаправленно созданные человеком для выполнения тех или иных социально-экономических функций, так и возникшие в результате непреднамеренного изменения природных ландшафтов»²². С учетом изложенного очевидна общность характерных черт, образующих специфику антропогенного ландшафта при одновременном наличии признаков, роднящих его с природным. Не лишне отметить наиболее острый дискуссионный момент, вызывающий разнообразие точек зрения современных специалистов и ученых-гуманитариев. Небольшого обзора, мы думаем, будет вполне достаточно для уяснений существа расхождений и несогласий.

Итак, при ближайшем рассмотрении выделяются, по меньшей мере, две позиции. Из них первая полагают, что антропогенное изменение любого компонента (не зависимо от охваченной преобразованием территории и площади) чревато необратимостью процессов, результатом чего с необходимостью оказывается та или иная трансформация и изменение комплекса как такового (целиком). Эта, достаточно широко представленная в научных кругах, группа исследователей (Ф.Н. Мильков, А.М. Рябчиков) позиционируют антропогенные комплексы в качестве самостоятельной природной системы, структура которой ни в коей мере не идентична структуре естественного ландшафта и отлична от нее.

Другая часть исследователей настроена довольно скептически по поводу устойчивости антропогенных преобразований природных комплексов, не без достаточного на то основания, будучи уверенными в силе, в энергии восстановительных процессов в природе. (В.Б. Сочава, А.Г. Исаченко) рассматривают измененные комплексы в качестве модификаций, генетически связанных с неизменной структурой. Отсюда акцент делается не на коренных преобразованиях ландшафтов со стороны человека, а на временном характере такого рода антропогенных измененных воздействий. Обе позиции достаточно аргументированы и имеют своих

²² Толковый словарь. Охрана ландшафтов. М., 1982, С. 109.

апологетов и критиков, что, в конечном счете, вылилось в результат по классификации антропогенных опосредованных ландшафтов, имеющих длительную историю своего генезиса и эволюции. Притом, разумеется, что период их жизненной функциональности различен.

Так, например, мы, жители третьего тысячелетия, можем встретить и долговременные успешно саморегулируемые, самоподдерживающиеся, ландшафты – самостоятельно и «без помощи» человека функционирующие как природно-естественные; и, скажем, такие, которые специалисты классифицируют как «частично регулируемые» (само дополнение «частично» говорит наличии определенного рода потребности в «услугах» и внешней помощи со стороны человека (очищение, орошение, сенокошение и пр.). Самым простым и повсеместно распространенным примером необходимого внешнего вмешательства человека для поддержания и сохранения долговечности жизни такого рода ландшафтов являются пруды, луга (как пойменные, так и суходольные), лесополосы и др. разновидности.

Наконец, нередки и так называемые «кратковременные регулируемые ландшафты», самым типическим примером которых может быть назван полевой ландшафт, систему специальной поддержки которого могут ежегодно наблюдать жители сельских регионов нашей страны. Здесь мы также наглядно видим антропогенные изменения ландшафтов.

Еще на один аспект следует обратить наше внимание. Примечательно, что, как правило, антропогенные измененные ландшафты градируются по трем большим направлениям. Во-первых, по степени изменения природного комплекса (неизмененные, слабоизмененные, сильноизмененные); во-вторых, по уклону (или специфике) технологического воздействия населения на природу (в широком диапазоне от сельскохозяйственных до промышленных.); в-третьих, по сопряженности природных и антропогенных процессов, взаимовлияющих на строение ландшафтов.

В настоящий момент принято различать: а) антропогенные естественные; б) антропогенные восстанавливаемые; в) антропогенные

деградирующие, то есть формирующиеся при разрушении преобразованных комплексов и не возвращающиеся к первоначальному состоянию; г) преобразованные, то есть целенаправленно измененные) ландшафты. При этом культурный ландшафт во многом сопряжен «квазиприродному»²³. (М.А. Оболенская), отражающему эмоциональную сферу человека и погруженному в ландшафтное пространство.

Таким образом, в нашей интерпретации антропогенный ландшафт представлен пространственной средой, характеризующейся измененными в ходе человеческой деятельности природными компонентами, специфика которой состоит в сочетании природной самоорганизации, с одной стороны, и управления со стороны человека. Поскольку же «человеческий фактор» сегодня весьма зримо обнаруживает себя буквально во всех культурно-исторических системах природы, постольку большинство современных ландшафтов носят антропогенный характер, открывая широкий ряд культурных ландшафтов как процесса трансформации природного ландшафта.

Так, в ходе предшествующих рассуждений мы логично подошли к ключевому понятию, работающему в нашем диссертационном исследовании – культурный ландшафт, в одной из своих характеристик выступающий результатом и спонтанной, и целенаправленной культурно-созидающей деятельности человека как внешнего источника воздействий. И здесь важно оговориться: парадигма исследования культурного ландшафта как трансформированного природного, станет основной в нашей аналитике данного феномена культуры. Надо сказать, она не нова и общепринята в отечественной науке и философии. То есть, по сути, налицо его идентификация с антропогенным, трансформированным природным ландшафтом. Сегодня актуализируется направление по комплексному изучению состояния ландшафтной сферы с точки зрения изменений природных угодий как таковых (в диапазоне «утрата – восстановление»),

²³ Культурный ландшафт как объект наследия. М., 2004. С. 57.

научно-обоснованной комплексной диагностики процессов трансформации ландшафта и прогнозирование векторов развития антропогенного ландшафта в ходе такого рода изменений.

Систематизация наиболее распространенных концептуальных подходов трактовки культурного ландшафта, представленным в современной специальной (прежде всего в географической науке) и справочно-энциклопедической литературе показывает, что в «пальма первенства» принадлежит традиционному пониманию культурного ландшафта как «хорошего» антропогенного ландшафта, целенаправленно изменённый человеком по определённой программе и, что важно, обладающий высокими эстетическими и функциональными качествами. В этом плане можно сказать, что в идеале каждый человек стремится устроить мир, так сказать, «почеловечески». На данный «терминологический нюанс» мы обращали внимание выше. Разумеется, данное обстоятельство усиливает необходимость выделения концепта «культурный ландшафт» из общепринятой системы географических ландшафтов²⁴. Это, во-первых.

Во-вторых, столь же значительны, как мы выяснили, трактовки культурного ландшафта, «увязывающие» его понимание с тем или иным местом (местностью) обитания исторически сложившихся локальных общностей, коллективов людей – носителей культурных ценностей, на протяжении достаточно длительного исторического периода.

В-третьих, названный подход сближается с трактовками, развивающими тему наследования культурный ландшафтом своей природной основы (этот аспект мы также подчеркивали несколько ранее по тексту работы). Речь идет о взаимном дополнении антропогенных (они же – культурные) и сугубо природных компонентов при доминировании последних.

²⁴ Ранее в ряде публикаций мы уже касались данного аспекта: Тикунова Е.В. Культурный ландшафт как форма ценностного отношения к миру // Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.) в 4 т. Белгород: ИПК БГИИК, 2016. Т.1. С. 361-364.

В-четвертых, выделяют актуальный сегодня подход, рассматривающий в контексте специфичность культурного ландшафта сквозь призму «категории «природно-культурного наследия» (в России он особо развивается «под эгидой» Института природного и культурного наследия). Заметим, данная концепция оказывается достаточно широкой на российской почве именно в силу специфики своей практической направленности, что, конечно же, вполне объяснимо и справедливо, с учетом актуальности самой проблематики культурного наследия и национального достояния. Поэтому, в русле обозначенных позиций, понятие культурного ландшафта максимально наполнено духовными и интеллектуальными ценностными характеристиками (сами же ценности, понимаемые как генетический компонент ландшафта, передаются будущим поколениям в виде информации).

Здесь, на наш взгляд, важно подчеркнуть значение для ценностного освоения мира такой формы человеческого мировосприятия, как нравственное отношение. Она означает следование человека (как представителя традиционной или же, скажем, техногенной культуры), определенному жизненному укладу, моральным канонам. Исходя из них, человек строит свою жизнь и мироотношение в соответствии с императивами собственной совести. Или же, напротив, вопреки морали и совести (последняя модель находит обычно осуждение со стороны социума, так как она расходится с базовыми императивами и нормами материнской культуры. И это представляется нам правильным. В информационно-аксиологическом подходе (при некоторой «равновесности» их парадигмальности) упор делается на таких компонентах, как «наследие, информация, эстетизация природы, предметная ценность, природно-культурный территориальный комплекс, развитие (эволюция), аутентичность, целостность»²⁵. Несколько отдельно, на наш взгляд, стоит теоретико-географический подход, в рамках которого культурный ландшафт трактуется как явление, несводимое к

²⁵ Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия [электронный ресурс]. URL: <http://heritage.unesco.ru/index.php?id=101&L=9> 4.

природному ландшафту, но содержащее природные и культурные компоненты как равноправные и взаимосвязанные.

Далее перейдем к определениям, одновременно обратившись к генезису самого термина «культурный ландшафт», отметив сразу же, что «в географическом смысле под культурным ландшафтом принято понимать не просто результат сотворчества человека и природы, но также целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный территориальный комплекс, со своей структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях»²⁶.

Культурный ландшафт это «земное пространство, включающее все присущие ему природные и антропогенные компоненты»²⁷, которые образуют характерные сочетания, будучи взаимообусловленными и взаимосвязанными друг с другом²⁸. Это и пространство, которое формируется в результате сознательной, целенаправленной деятельности человека для удовлетворения тех или иных практических потребностей – «географический ландшафт, изменённый хозяйственной деятельностью человеческого общества и насыщенный результатами его труда»²⁹. То есть мы видим, что с позиций ландшафтоведения культурный ландшафт понимается как результат сотворчества человека и природы, как произведение человека и природы³⁰.

Генезис термина «культурный ландшафт» связан с именем немецкого географа Отто Шлютера, который понимал его как материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека. Ключевую роль в генезисе культурного ландшафта Шлютер отводил

²⁶ Культурный ландшафт: основные концепции в Российской географии URL: <http://refleader.ru/red>

²⁷ Культурный ландшафт // Википедия – свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_ландшафт.

²⁸ Данная категория используется для характеристики географических зон, признанных в качестве всемирного культурного наследия.

²⁹ Ландшафт // Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 436.

³⁰ Там же.

человеку³¹. Существенный вклад в развитие концепции культурного ландшафта внес американский физический географ Карл Зауэр, который в книге «Морфология ландшафта» (The Morphology of Landscape) определяет культурный ландшафт, как пространственное отражение накопленной эволюции культур в определенной местности, своеобразную проекцию культур на природный ландшафт³². В центре внимания, по Зауэру, должны находиться «слепки» образов жизни, оставленные человеком в ландшафте. При этом культура трактуется как целостность человеческого опыта. Культура — основная сила, формирующая рукотворный облик земной поверхности³³.

Мы уже писали в наших работах: «Одним из первых критиков морфологической концепции Зауэра о культурном ландшафте был американский географ, основоположник поведенческой географии Р. Хартшорн, который вообще исключил понятие ландшафта, обосновывая это необходимостью ухода от путаницы в понятиях в науке. «Определение К. Зауэром ландшафта как суммы природных и культурных составляющих, по мнению Р. Хартшорна, не даёт целостного представления»³⁴. «Как отмечал Дж. Голд, главный недостаток школы культурного ландшафта К. Зауэра заключается в недостаточно полном рассмотрении отношений человека к тем или иным ландшафтами символических значений, которыми наделяют ландшафт»³⁵. «А по мнению В.Л. Каганского, современного российского географа, напротив, за этим подходом потенциально немалое будущее – коль скоро будущее за меньшинствами, если идентификация

³¹ Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М., 2003. С. 42.

³² Карл Зауэр. Морфология ландшафта. The Morphology of Landscape.

³³ Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: История и современность // Известия Иркутского государственного университета, 2013. Т. 6. № 1. С. 177.

³⁴ Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Четвертый выпуск научных трудов семинара «Культурный ландшафт». 2009. С. 81. <http://www.geogr.msu.ru/science/mdis/land/publ/kultlandscape4.pdf>.

³⁵ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 106-107.

последних идет по этническому типу. Вопрос только в том, будут ли программисты, дизайнеры, ретейлеры образовывать эндогамные сообщества (атрибут этнических групп), селиться компактно и формировать собственные хотя бы микроландшафты. То есть он увязывает возникновение новых культурных ландшафтов с все возрастающей активностью меньшинств. Он исходит из того, что «на сходной природной основе разные этнические группы ведут себя совершенно по разному, применяют разные технологии воздействия на среду, избирают разные угодья, что ведет к формированию разных культурных ландшафтов на единой природной основе»³⁶, что крайне важно и плодотворно для горизонтов культурного пространства»³⁷.

«При этом, однако, он весьма невысоко оценивает состояние и понимание роли, значимости культурного ландшафта в современной российской массовой культуре. Так, он считает, что культурный ландшафт в российской массовой культуре совершенно бессвязен и фрагментарен, представлен отдельными разрозненными, бессвязными местами; большая часть поверхности суши буквально является ничем и культурно-семиотически не существует. Он полагает, что места заданы сугубо внешним образом (например, как точки обнаружения старых прялок, местожительство культурных героев, место действия художественных произведений и мифов)»³⁸ (этому аспекту посвящен цикл работ В. Л. Каганского)³⁹. Ландшафт (культурный ландшафт) в массовой культуре – это совокупность точек с небольшими и неясно очерченными окрестностями, притом это представление центрировано по месту постоянного или рекреационного

³⁶ См. об этом подробнее: Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62-70; Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта // Наука о культуре: итоги и перспективы. Вып. 3. 1995. С. 31-46; Каганский В.Л. Культурный ландшафт (2) (Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5. М., 2008. С. 243-246.

³⁷ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 107.

³⁸ Там же. С. 107-108.

³⁹ См.: Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001; и др.

пребывания. В.Л. Каганский с одной стороны замечает, что представление о культурном ландшафте в массовой культуре часто поверхностно сакрализовано, то есть во время массовых экскурсий склонны воспринимать окружающую обстановку как нечто действительно «прекрасное».

В качестве примеров В.Л. Каганский приводит сакрализацию «авторского» ландшафта, например, ландшафт Толстого, Достоевского, Чехова, Шишкина. С другой стороны, по мнению Каганского, массовой культурой игнорируются такие обобщенные изображения культурного ландшафта, как, например, в «Котловане» А. Платонова или «Сталкере» А. Тарковского, хотя именно они глубоко и адекватно представляют отечественный ландшафт.

«Существует также версия о том, что в будущем культурные ландшафты должны покрыть Землю целиком, разрываемые лишь сетью заповедных территорий, выступающих в качестве экологического каркаса. В данном случае концепция культурного ландшафта близка идее ноосферы (ноосфера, от греческого «нус» – ум) – сфера разума, которая, по мнению В.И. Вернадского должна заменить биосферу, являясь естественным этапом её развития⁴⁰. Обратим особое внимание, на этот особо важный аспект для нашей проблематики: сегодня концепция ноосферы по вполне объяснимым причинам на общем фоне геоэкологической ситуации⁴¹ находится в ряду основных современных концептуальных подходов. Ее суть состоит в превращении деятельности человека в мощную геологическую силу, а сама мысль, направляющая эту деятельность, становится особым фактором воздействия на окружающую среду. Под воздействием идей изменяются техногенные процессы и, как следствие, меняет свой облик оболочка Земли. Биосфера, сфера живого вещества с развитием «нового агента» претерпевает качественные изменения, эволюционирует в ноосферу. В целом

⁴⁰ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Москва, 2002. С. 78.

⁴¹ Экологический кризис инициировал первый международный правовой инструмент, регулирующий защиту культурных ландшафтов, которым и стало «Соглашение о Всемирном наследии», принятое ЮНЕСКО (1992 г.).

подходы О. Шлютера и К. Зауэра к понятию «культурный ландшафт» определяли развитие этого направления в географии западных академических кругов на протяжении всего XX века. Но они, как видим, не потеряли своей актуальности и сегодня»⁴².

Итак, безусловно, перед нами достаточно «сложная система, имеющая определённую целостность, которая воплощается в облике города и других объектов», «...система символов, выработанных историей культуры»⁴³ в зависимости от контекста и точки зрения может быть представлен и как сложная текстовая структура, и как «слово» в тексте другого уровня культуры, и как знак – «минимальная единица знаковой системы, или языка, несущая информацию»⁴⁴. «То есть, с одной стороны, культурный ландшафт – это преобразованные человеком элементы окружающей природы, с другой – это вся «среда обитания человека, в сочетании своих естественных и искусственных элементов»⁴⁵. Многие культурные ландшафты (как комплексы или отдельные их компоненты) стали знаками-символами (Эйфелева башня – романтика Парижа; Ласточкино гнездо – солнечная и дорогая Большая Ялта).

Узнаваемые изображения компонентов местных культурных ландшафтов используются в гербах городов, в логотипах различных организаций и т.д. Символы эти могут нести различную информацию для разных людей, по-разному читаться в зависимости от контекста. С позиции философской рефлексии культурный ландшафт понимается как любые надстройки природы, которые связаны с человеческой деятельностью и ее целеполаганием в плане «культивирования», «возделывания», качественного преобразования чего-либо для получения определенных жизненных

⁴² Калинина Г.Н., Тихунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 107-108.

⁴³ Берестовская Д. С. Культурные ландшафты Крыма // Культура народов Причерноморья. № 210. 2011. С. 7.

⁴⁴ Руднёв В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1997. С. 105.

⁴⁵ Культурный ландшафт: // Культурология: краткий тематический словарь / под ред.: Г.В. Драч, Т.П. Матяш. Ростов н/Д, 2001. С. 92.

материальных или духовных благ. То есть здесь акцент делается на факте целенаправленного изменения природы человеком и его самого (как «второй природы», по Парацельсу)⁴⁶. В рамках семантики культурного ландшафта, он рассматривается как «явление, лежащее в том срезе семиосферы, где знаковые системы культуры оказываются напрямую связанными с географическим пространством в целом и его отдельными объектами в частности»⁴⁷.

Культурные ландшафты – системы, имеющие пространственно-временной характер, предстают как сложные текстовые структуры, повествующие нам об истории культуры конкретной территории, о различных аспектах современной культуры, они же влияют на дальнейшее развитие местной культуры. Примером такого культурного ландшафта является историческая часть Бахчисарая – Старый город, расположенный в предгорьях, на склоне Внутренней гряды Крымских гор, в долине реки Чурук-Су, для которого характерна сохранившаяся со средних веков традиционная планировка (узкие кривые улицы) и крымско-татарские дома.

«Культурное пространство и культурный ландшафт – это формы отражения культуры»⁴⁸. «Причем, заметим, сложность и многоуровневость целостной системы культуры позволяет одно и то же явление культуры рассматривать с позиций семиотики и как текст и как знак в тексте»⁴⁹. Рассматривая культурный ландшафт как текст, в данном случае мы можем считать данный объект текстом в тексте. Так, скажем, изображения достопримечательностей могут выступать одновременно и знаками, словами, и как вполне самостоятельные тексты, нагруженные индивидуальными

⁴⁶ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 108.

⁴⁷ Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта. Автореферат дисс. д. филос. н. (Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры). Москва, 2010. С. 3.

⁴⁸ Шишкина А.А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 7. Ч. 2. С. 219-223.

⁴⁹ Кокорина Е.Г. Культурный ландшафт как текст и культурный ландшафт как знак.

смыслами. В этом реализуются функции текста в общей системе культуры – «адекватная передача значений и порождение новых смыслов»⁵⁰.

И как отмечалось в нашей статье: «Мы, со своей стороны, склонны разделить достаточно развернутое и цельное представление (не определение) о культурном ландшафте выработано в работах В.Л. Каганского: «Культурный ландшафт – земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически»⁵¹. Он же сформулировал идеальное представление о культурном ландшафте: «мир земной поверхности, где протекает жизнь всех людей (кроме космонавтов/астронавтов)... сплошная многослойная ткань, целостный ковер культурных ландшафтов, сопрягающий природные и культурные компоненты. Все места и отдельные объекты на поверхности Земли – это узелки самой ландшафтной ткани, имеющей целостный рисунок; места осмыслены лишь как детали этого общего рисунка. Такой рисунок, хотя и очень сложен, но имеет (не всегда очевидные) регулярности, подчиняется определенным закономерностям. В ландшафте соседство мест не случайно – а мотивировано, ... каждое место имеет некоторый смысл»⁵².

«Обобщенно можно вывести определение культурного ландшафта как целостной, территориально-локализованной совокупности природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате влияния природных процессов и одновременно художественно-творческой, интеллектуально-созидательной, жизнеобеспечивающей деятельности людей. То есть, это не только сугубо

⁵⁰ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 108.

⁵¹ Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62-70.

⁵² Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 109.

географическое понятие, но и некая специализированная форма отношения человека к миру, которая подразумевает определенное художественно-эстетическое отношение, с необходимостью предполагающее восприятие мира человеком сквозь призму гармонии и красоты (включая природу) воплощение категории прекрасного в своей непосредственной деятельности. В таком контексте в качестве наиболее существенного критерия концепта «культурный ландшафт» исследователи справедливо называют гармоничное сочетание культурного наследия, сопряженность традиционной и современной культур. И с таким подходом мы склонны согласиться»⁵³.

«Рассмотрим наиболее общепринятые современные подходы к исследованию культурного ландшафта. «Предварительно укажем на их рановекторность и концептуальную неоднородность, сославшись при этом на важное, как нам представляется, уточнение авторитетного исследователя в данной области. Его суть в том, что сегодня «наиболее разительны расхождения по вопросу о том, какой именно компонент культурного ландшафта является ведущим – природный или антропогенный.

Второй, столь же острый, вопрос о том, всякое ли антропогенное воздействие является фактором, формирующим культурный ландшафт (это связано с различным пониманием культуры и культурного, т.е. нейтрального или оценочного)»⁵⁴. «В современных исследованиях культурного ландшафта в определении сущности культурного ландшафта за основу берется характер взаимодействия и взаимовлияния культуры и природы. Этот вопрос решается по-разному, в связи с чем выделяются три основных подхода: информационно-аксиологический, этнокультурный, феноменологический»⁵⁵.

⁵³ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 109-110.

⁵⁴ Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62-63.

⁵⁵ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 3 (11). Белгород, 2016. С. 108.

«Информационно-аксиологический подход, который в отечественной науке развивается Ю.А. Ведениным, М.Е. Кулешовой⁵⁶. Он предполагает понимание культурного ландшафта как ландшафта, в формировании которого значительную роль играют передаваемые в виде информации от поколения к поколению духовные и интеллектуальные ценности, которые в свою очередь испытывают на себе влияние материальных компонентов ландшафта⁵⁷. В основе разработки концепции «культурного ландшафта» представителями информационно-аксиологического подхода лежит «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» и «Руководящие указания ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии» (1992 год), согласно которым культурный ландшафт является объектом историко-культурного наследия»⁵⁸.

«В рамках этнокультурного подхода культурный ландшафт является объектом изучения этнокультурного ландшафтоведения, научного направления, возникшего на стыке ландшафтоведения и этнологии, топонимики, а также других естественных и гуманитарных наук, тесно связанного с антропогеографией⁵⁹. Основываясь на работах В.П. Семенова-Тян-Шанского, Л.С. Берга⁶⁰ и др., этнолого-географический подход формирует представление о ландшафте как о сложном природно-культурном комплексе, базовыми понятиями которого служат «природный ландшафт» и «этнос (сообщество)»⁶¹. Феноменологический подход, в русле которого, по

⁵⁶ См. например: Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1. С. 3-17, Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 7-14.

⁵⁷ См.: Кулешова М.Е. Культурные ландшафты: общие представления, понятия, подходы к оценке. Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М., 2000. С. 37-52.

⁵⁸ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 3 (11). Белгород, 2016. С. 109.

⁵⁹ См.: работы: Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 5. География. 2006. № 2. С. 6-12.

⁶⁰ Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. № 9. С. 463-75.

⁶¹ Это исследования: Калуцков В.Н., Красовская Т.М. Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5.

мнению его основоположника В.Л. Каганского, «культурный ландшафт – это земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, освоено утилитарно, семантически и символически»⁶². Таким образом, культурный ландшафт предстает в качестве текста, структурно-семантического образования, наполненного знаками и знаковыми системами⁶³. Представителями данного подхода также выступают О.А. Лавренова и В.В. Абашев»⁶⁴.

«В.Л. Каганский прав, говоря: «Полноценный культурный ландшафт включает культурные и природные компоненты как дополнительные места и взаимопронизывающие сети. Его отличает диалектическое сочетание континуальности и дискретности (непрерывности и прерывности), сочетание объектов разных форм и размеров, продуктивное соседство мест и позитивные, чаще контактные погранично-переходные зоны (экотоны), умеренный полицентризм, значительная автономия компонентов, многоуровненность с автономией уровней, широкий масштабный спектр с функционально-прагматической, семантической, символической дополнительностью масштабов, огромная емкость для смысла и деятельности, сосуществование разных групп населения, сложная дополнительность пространства и времени, эволюции и истории, спонтанности и сконструированности. Местам присущ единый стиль ландшафта; такой ландшафт часто персонализирован. Культурный ландшафт наследует и обогащает особенности природных ландшафтов и экосистем.

География. 2000. № 4. С. 3-6; Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт». М., 2003.

⁶² Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта // Наука о культуре: итоги и перспективы. Вып. 3. 1995. С. 31-46.

⁶³ Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. №1. С. 134-145.

⁶⁴ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 3 (11). Белгород, 2016. С. 109.

«Хороший ландшафт» равно и красив и удобен (но отнюдь не прост, а крайне сложен) для жизни»⁶⁵.

«Для нас же очевидно, что в современном гуманитарном дискурсанализе культурного ландшафта как концепта и феномена, предпочтение отдается именно так называемой «культурообразующей» составляющей, в то время как его сугубо «природная» компонента отходит на «теневой план» исследования. Соответственно, культурный ландшафт репрезентируется в качестве функции культуры и ее рефлексия на географическое пространство, генезис и структура образов которого изучаются в культуре»⁶⁶. Мы вполне согласимся с О.А. Лавреновой, трактующей концепт культурного ландшафта как «процесс и результат наделения человеком окружающего мира смысло-ценностными категориями, как непрекращающийся процесс и результат семиозиса, как составляющую семиосферы и кластер геокультурного пространства», а морфоструктура культурного ландшафта представляет собой производную от ментальности культуры»⁶⁷.

«Прибегнем в данном контексте к герменевтическому рассуждению Августина Аврелию, писавшему: «Есть две вещи, на которых зиждется всякое толкование Писания: способ находить то, что нужно понимать, и способ выражения того, что было понято»⁶⁸, то есть «фактически речь идет о дифференциации семиотического противопоставления вещи и знака, ее выражающего»⁶⁹. И еще важный аспект: Августин Аврелий, которого можно назвать «первооткрывателем» новоевропейской типологизации на Природу и Культуру, выстраивает четкую иерархию вещей, поделив их на три рода:

⁶⁶ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 3 (11). Белгород, 2016. С. 109.

⁶⁷ Лавренова О.А. Семантика культурного пространства. Автореф. д. дис. / 24.00.01 – Теория и история культуры. М., 2011. С. 20.

⁶⁸ Августин. «О христианской науке». Col. 19, 89.

⁶⁹ Климова С.М. Философия текста и возможные интерпретации реальности // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы / под ред. В.П. Римского. Белгород, 2007. С. 220.

1) те, которыми нужно наслаждаться, 2) те, которыми нужно пользоваться, и 3) те, которыми можно наслаждаться и пользоваться»⁷⁰. По всей видимости, «речь идет о двух типах представления реальности: нетварной и тварной, каждая из которых оказывается для человека субъектной – личностно окрашенной, ибо только человек является открывателем и толкователем смыслов»⁷¹.

В целом намечается некоторый «общий знаменатель», объединяющий, отчасти даже «роднящий» рассмотренные нами концептуальные позиции. «Во-первых, дают соотносительный анализ культурного и природного ландшафта, при этом исходя из парадигмы рассмотрения культурного ландшафта как сопряженного единства природных и культурных факторов. Во-вторых, центрируют факт зависимости человеческой деятельности от «дикой природы» (от природной основы) и одновременно их взаимодействия на пути заметной трансформации этой природного ландшафта по мере активности человека. В-третьих, выделяется пространственная и функциональная структура культурного ландшафта, его миссия в культуре. Одновременно, на наш взгляд, с известной долей уверенности можно говорить о некоторой ослабленности исследовательских поисков в направлении крайне интересной проблематики, как, например: образы и символы ландшафта – его особый семиотический компонент; синтетически-ценностный аспект ландшафта, подразумевающий гармоничность сотворчество в сфере «человек – природа»). Данный ряд, разумеется, не исчерпывает всего концептуального разнообразия»⁷².

Таким образом, в ходе рассмотрения вопроса параграфа, касающегося выявления смыслов, значений и коннотаций ключевых понятий, работающих

⁷⁰ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 3 (11). Белгород, 2016. С. 110-111.

⁷¹ Климова С.М. Философия текста и возможные интерпретации реальности / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы / под ред. В.П. Римского. Белгород, 2007. С. 221.

⁷² Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 3 (11). Белгород, 2016. С. 111.

в проблемном поле диссертации, мы подошли к предварительным выводам и обобщениям, характерным для данного, первичного этапа работы, связанного с задачей философско-культурологической экспликации концептов: «природный ландшафт», «антропогенный ландшафт» и «культурный ландшафт».

Итак, мы пришли к выводам. Во-первых, понимание ландшафта, эволюционируя в культурно-исторических системах знания и познания, не отличается единообразием и строгостью своего определения, допуская разные вариации его трактовки. Во-вторых, аналитика генезиса понимания данного концепта показывает, что в основном массиве современных определений ландшафта (в отличие от прежней трактовки ландшафта как пейзажного образа) он, как правило, интерпретируется в качестве – природного территориального комплекса – генетически однородной целостной геосистемы – как чисто материальный объект. При ближайшем рассмотрении понятно, что сегодняшние интерпретации, выполненные в основном в «духе» ландшафтоведения, ландшафтной географии и др., отличны от его «нематериального» понимания, характерного для доиндустриальной стадии духовного производства. А именно – как изображения «природной» или сельской местности на картине, в значении «определенной местности, как результата композиционного упорядочения» (пейзаж). В-третьих, мы, со своей стороны, постарались, произведя аналитику имеющихся позиций, выработать собственное понимание ландшафта, подчеркнув принцип целостности, однородности и генетического единства ландшафта как исторически обусловленного природно-территориального комплекса.

На наш взгляд, под ландшафтом следует понимать не просто «узловую единицу геосистемной иерархии»; или, скажем, «окружающую территорию, которую можно осмотреть единым взглядом»⁷³, или же «часть земной

⁷³ Тютюнник Ю.Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Известия РАН. Сер.: геогр. 2004. № 4. С. 116-122.

поверхности, для которой характерно определённое сочетание рельефа, климата, почв, растительного и животного мира»⁷⁴. Эти определения не охватывают в полной мере сущностной специфики данного понятия. Предпочтительнее рассматривать ландшафт под углом зрения его понимания в качестве генетически и территориально единой, целостной и однородной геосистемы, функционирующей на основе взаимодополняемости природных компонентов (рельефа, климата, почв, растительного покрова), которая (геосистема), являясь носителем типических характеристик, одновременно наделена качественной структурной спецификой и динамической общностью всех локальных геосистем».

Далее мы показали, что в основании конструкции природного ландшафта как пространственной «неокультуренной» человеком среды лежит особая («природная») интерпретация антропогенного ландшафта. Это целостная система, в границах которой основные ландшафтные компоненты сформировались и функционируют помимо внешнего вмешательства человека, а «гарантом» саморегуляции и самообеспечения ландшафта, поддержания его стабильного не рискогенного развития служит «живая природа». То есть, в нашем понимании природный ландшафт предстает единым организмом, снабженным механизмами самозащиты, самовосстановления и репродуктивности; при том, что «несущей конструкцией», «скелетом» выступает рельеф, изменения с неизбежностью тянут за собой цепочку трансформации всех образующих его компонентов.

Также мы пришли к заключению о том, что, в случае преобразовательной экспансии со стороны человека в сферу природного ландшафта – целостного живого организма, в ходе чего его основные природные компоненты претерпевают существенные изменения, можно говорить об «антропогенном ландшафте» (хотя нам представляется предпочтительнее термин «природно-антропогенный» как более глубокий). Данный концепт понимается нами в качестве пространственной

⁷⁴ Ландшафт // Большой толковый словарь русского языка. СПб, 1998. С. 436.

«антропогенно-нагруженного», то есть трансформированной человеком природной среды, специфика которой состоит в сочетании природной самоорганизации, с одной стороны, и управления со стороны человека.

Активность воздействия «человеческого фактора» на природу создает питательную почву для процессов трансформации природного ландшафта, создавая повышенные антропогенно-природные риски, требуя адекватной природоохранной политики, упреждающей неразумную деятельность человека, а также рефлексии данной тенденции в целом.

По части ведущего концепта нашей работы «культурный ландшафт» мы, во-первых, склонны разделить авторское (на наш взгляд, наиболее цельное в массиве общепринятых) представление о культурном ландшафте В.Л. Каганского – это целостная панорама культурных ландшафтов, сопрягающая природные и культурные компоненты. В идеальном представлении – «мир земной поверхности, где протекает жизнь всех людей.

Во-вторых, наша собственная идентификация, достигнутая выводным рефлексивным способом путем синтезирования основных концептуальных подходов и трактовок (от традиционно-географического, экологического до информационного) резюмируется в понимании культурного ландшафта как целостной, территориально-локализованной совокупности природных, технических и социально-культурных явлений – результата влияния природных процессов и одновременно художественно-творческой, интеллектуально-созидательной деятельности человека. То есть, это отнюдь сугубо географическое понятие, но специализированная (специфическая) форма ценностного (в том числе художественно-эстетического) отношения человека к миру, и способ самоидентификации себя самого и мира.

Наконец, культурный ландшафт предстает в качестве текста, структурно-семантического образования, наполненного знаками и знаковыми системами⁷⁵. Он может рассматриваться двояко: и как самостоятельный

⁷⁵ Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. №1. С. 134-145.

текст, функция которого в принципе идентична функциям «обычного» текста в культуре – адекватная передача значений и порождение новых смыслов.

1.2. Культурно-историческая типология и семиотика культурного ландшафта

В данном параграфе мы предпринимаем попытку исследования генезиса культурного ландшафта как знаковой системы в ракурсе семиотического подхода к исследованию культуры, взяв за основу семиотическую концепцию М.К. Петрова. Как таковой семиотический подход к культуре предполагает изучение способа производства значений, смыслов и символов, их распространения, закрепления их освоения. Изначально определяясь с собственной базовой теоретико-методологической установкой, мы уточняем, что в ряду основных современных концептуальных подходов, актуальных для нашей проблематики мы отдаем предпочтение двум.

Это, во-первых, концепция семиосферы Ю.М. Лотмана, введшего в научный оборот термин «семиосфера», понимая под таковым «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением»⁷⁶. По ходу заметим: «семиотика» – от греч. учение о знаках – комплекс научных теорий, предметом которых являются общие принципы, лежащие в основе структуры всех знаков с учетом их использования в составе сообщений, а также особенностей различных знаковых систем и сообщений⁷⁷. Понимая культуру как «генератор кодов», Ю.М. Лотман описывал ее в категориях «коллективного», «коммуникативного», «по природе символического», а под «текстом» следовало понимать «любое

⁷⁶ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. М., 1996. С.4.

⁷⁷ Культурология: энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону, 1997. С. 434.

отдельное сообщение, отделенность которого (от «не текста» или «другого текста») интуитивно ощущается с достаточной определенностью»⁷⁸.

Обратим внимание на один «терминологический нюанс» такого плана: в исследованиях Ю.М. Лотмана смысловая наполненность концепта семиосферы претерпевает заметную эволюцию. От «узкого» ее понимания (скажем, в отличие от концепта «ноосфера», охватывающего собой всю географическую оболочку) – как ограниченной пространством распространения одной доминирующей культуры и ее системы кодов (в ранних работах термин «сфера» дан автором концепции в значении «всеохватности» семиотических процессов, зачастую когерентных в кардинально разнящихся меж собой культурах). До расширенной интерпретации – как «среды, обеспечивающей возможность появления и существования культур»⁷⁹. Такая динамика говорит как о важности исследований по изучению семиотического пространства культуры в ее знаково-символической репрезентативности, так и о наполнении концепта семиосферы пространственным содержанием, указывающим на «повсеместность семиотических процессов, создающих многоуровневую семантическую сеть на земной поверхности»⁸⁰.

«Во-вторых, наше внимание центрируется на культурологической концепции культуры М.К. Петрова, исследования которого в части тезаурусной динамики, объясняющий движение людей и идей в мире знака⁸¹, служат методологическим «обеспечением» для репрезентации культурного ландшафта в семиосфере – области соприкосновения культуры и географического пространства, и его пониманию как «динамического единства географического пространства и человеческой деятельности во всех

⁷⁸ Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 17.

⁷⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. М., 1996. С.4-5.

⁸⁰ Лавренова О.А. Семантика культурного пространства. Автореф. д. дис. / 24.00.01 – Теория и история культуры. М., 2011. С. 5.

⁸¹ См.: Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996; Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М., 2004; Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М., 1991. С. 9; Петров М.К. Язык и категориальные структуры // Науковедение и история культуры. Ростов-на-Дону. Изд-во РГУ. 1973.

ее проявлениях»⁸². Одним из важных постулатов, который мы намереваемся развивать в проблемной части параграфа, базируясь на семиотической трактовке и понимании культуры, выступает тезис том, что, поскольку процесс преобразования (или превращения) культурой всякой области материального мира, соприкасающейся с ней в знаковую систему, затрагивает и географическое пространство, постольку оно в «лице» культурного ландшафта с необходимостью и посредством (при участии) человеческой творчески-преобразовательной деятельности включается в семиосферу – семиотическое пространство культуры»⁸³.

На наш взгляд, такой подход в совокупности с избранной нами методологией исследования культуры позволяет рассматривать культуру как географическую реальность, представленную знаково-символическими образами природы, а ландшафтное пространство – как сферу и универсальную культурно-историческую форму бытия культуры⁸⁴. Сущность бесконечного процесса семиозиса можно выразить так: это бытие культуры в ходе ее интерпретации, это визуализированное проявление духовной природы человека, связанной с эйдетической и феноменологической реальностью, адекватно представленной системой «знаков» и «символов», образно выражаясь, – семантическим «телом» культуры.

Согласно Э.Кассиреру, «символ – ключ к природе человека»: «Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта... Физическая реальность как бы удаляется по мере того, как растет символическая активность человека»⁸⁵. Столь же адекватная интерпретация

⁸² Лавренова О.А. Семантика культурного пространства. Автореф. д. дис. 24.00.01 – Теория и история культуры. М., 2011. С. 6.

⁸³ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 107-108.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 29.

знаковых систем актуальна для репрезентативного научного описания культуры и идентичной рефлексии всего ландшафтного пространства.

«Если связать положения о семиосфере с реалиями географического пространства, осмысливаемого культурой, – говорит О.А. Лавренова, – становится очевидным, что его субъективная разнородность географического пространства, возникает не только из объективной разнородности географической оболочки, но и благодаря неравномерному осмыслению его объектов»⁸⁶. Итак, мы видим, что концептуально-семиотический подход культурного ландшафта центрируется рядом положений.

Во-первых, бытие культуры есть постоянное порождение смыслов, с необходимостью претерпевающих в ходе своего истолкования определенные трансформации и становясь в результате «набором» символов-знаков», а по мере своего закрепления в культуре – культурными кодами. Именно единый непротиворечивый культурный код выступает той универсальной «единицей» (матрицей»), которая обеспечивает жизненное функционирование любой социокультурной системы как культурной целостности. Такой «метакод» в совокупности и взаимосвязи с общепринятой сложившейся в ходе социализации общества моделью обмена информацией конституирует культурную самоорганизацию коллектива и определяет векторную парадигматику развития семиотической системы. Кроме того, это «процесс семиозиса, результаты которого подвергаются считыванию, интерпретации и снова возвращаются в «плавильный котел» смыслообразования»⁸⁷.

В русле современных исследований культурного пространства приняты следующие характеристики семиосферы: во-первых, (неоднородность как следствие неравномерности процессов культурного семиоза и осмысления объектов внешнего мира, в ряду которых культурный (в том числе географический) ландшафт, что влечет за собой семантическую неоднородность ландшафтного пространства. И, во-вторых, обновляемость,

⁸⁶ Лавренова О.А. Семантика культурного пространства. Автореф. д. дис. 24.00.01 – Теория и история культуры. М., 2011. С. 6.

⁸⁷ Там же.

так сказать, непрерывное «омоложение» семиотической культурной сферы в понятийном и смысловом контексте вмещающего ландшафта – семиотическая неоднородность географического пространства выступает в качестве субъект-объектного фрейма культуры, провоцирующего и направляющего процессы семиозиса⁸⁸. С данных позиций базовая доминирующая культура одновременно выступает универсальным объектом семиотики и субъектом семиотизации ландшафтного пространства.

То есть, подходя к исследованию ландшафтного пространства с позиции семиотики, мы приходим к выводу о том, что модель семиосферы представляет собой достаточно сложный симбиоз культурных кодов и систем коммуникации. Внутри понятой таким образом семиосферы, подчеркивает О.А. Лавренова, «любая внеязыковая реальность, в том числе и географическое пространство, наделяется смыслом, переводится в разряд знаковых категорий. Появляется еще один язык, код семиосферы – пространственный, геокультурный»⁸⁹. Одной из базовых единиц культурной жизни считался культурный код, то есть подвижная, меняющая свое лицо в конкретные культурно-исторические периоды матрица, которая определяет собой (фундирует) процессы самоорганизации общества. К тому же она (матрица) является механизмом трансляции накопленного культурой социального опыта и его передачи в знаковой форме, в качестве содержания различных семиотических систем.

Специфическим и широким «языком» пространства культуры выступают исторически сложившиеся знаковые символические комплексы (шире – системы), информационно наполненные и обладающие множественностью смысловых интерпретаций. Иными словами, есть основания для идентификации «языка символов» как некоего кода, призванного обеспечить внешнее выражение эмоционально-ментальной сферы человека.

⁸⁸ Там же. С. 6-7.

⁸⁹ Там же. С. 6.

Примечательно, что, относительно природы символов нет единообразия мнений: так, согласно мнению значительной части специалистов в данной области, они (символические комплексы) так или иначе детерминируют влияют ход человеческой жизни исключительно в своей частной, исторически обусловленной форме, – независимо от своей структурной и содержательной универсальности. Другие же исследователи настаивают на обратном, считая, что действенность, эффективность символов кроется именно как раз таки в свойстве универсальности, подвижной категории, способной принимать самые разнообразные культурно-исторические формы.

Следует также указать на функциональное назначение любой знаковой системы, предполагающее определенную внутреннюю ее организацию, подразумевающую «набор» различных знаков и законов их сочетания. Это, во-первых, передача информации и смысла; во-вторых, коммуникативная (функция общения). В таком ракурсе и при таком подходе к трактовке культуры с позиции ее рефлексии как небιологической системы передачи, она (культура) предстает в качестве целостной и глобальной системы «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни»⁹⁰, по В.С. Степину.

В данном контексте, по-видимому, нелишними будут некоторые, укорененные в истории культуры (и отдельных «локальных» культур) иллюстрации социальных кодов: это язык тела, мотивированный на результат того или иного телесно-знакового эффекта; сюда примыкает и модель средневекового полисемантического костюмирования – как культурная форма и социальный код, с выраженной статусной стратификацией, высокой мерой символизма многих элементов этого типа одежды, выступающей к тому же и носителем специфического (сакрально-религиозного) средневекового миропредставления, а шире – мировоззрения мирянина или верующего

⁹⁰ См.: Степин В.С. Теоретическое знание: структура, история, эволюция. М., 2003; Степин В.С. Философия науки: общие проблемы. М., 2006; и др.

человека, типического представителя той эпохи. Здесь как бы костюм моделирует социальное иерархичное и статусное устройство общества в его вертикальном и горизонтальном срезе.

Наконец, скажем, социальным кодом испокон веков является трапеzia – как доступная большинству людей (в том числе современным) форма пролонгирования и укрепления мобильных коммуникативных отношений и связей и одновременно выступая регулятивным механизмом. Иными словами, из приведенных фрагментов становится вполне понятно: исторически укрепившийся в культуре ритуал имеет семиотическую, знаковую сторону, выполняя определенную миссию, в том числе и стереотипно-сакральную.

Так мы подошли к анализу семиотической концепции культуры М.К. Петрова, который, решая проблему адекватного сопоставления фактов культуры и языка и поисков формально-знакового ядра социокультурных феноменов, вводит понятие социокода, обосновывая его в качестве базовой знаковой реальности культуры, одновременно выявляя особенности его взаимодействия с языком. Тем самым вырабатывается новая культурологическая парадигма, согласно которой, знак приобретает (и имеет) такой же статус условия существования общества, как и деятельность. А социокод, представляя собой высокий уровень теоретической абстракции, рассматривается как базовая реальность культуры, основа жизненного функционирования человеческого общества. Понятие «социокода» у М.К. Петрова – результат семиотического истолкования конкретно-исторических явлений культуры, преемственно сопрягаясь с рядом положений моделей культурно-исторического развития О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби.

Согласно М.К. Петрову, социокод в эпоху цивилизаций оптимально сопрягается с мировоззрением, а в функционировании социокода миссию ведущей конструкции выполняет язык, выступая не только средством коммуникации, способом перевода знания из поведенческой в осознанную, знаковую форму, но и способом реализации созидательно – способности

человека (что крайне важно для перевода «продукта» в «творчество»). Это, во-первых.

Во-вторых, структурно-семиотический подход, раскрывая понятие диалога культур на новом уровне, наполнил понятие диалога и диалогичности качественно новым содержанием. В основание диалога культур была положена качественная культурно-типовая специфика, базирующаяся на парадигме собственных традиций, значимых в контексте «другого» культуры, «чужого» культурного типа. Это позволило реанимировать возможность диалога в рамках одного культурного типа в различные периоды истории. А межкультурные коммуникации идентифицировались в качестве процесса социального взаимодействия и общения культур.

В-третьих, важной составляющей воспроизведения и интерпретации художественной модели, полагалась проблема построения текста, с учетом структуры его самопорождения. В-четвертых, культура, культурный ландшафт понимаются в качестве способа социальной наследственности, как «потомственное воспроизведение в смене кратко живущих поколений определенных характеристик... т.е. всего того, что составляет социальность как таковую и без чего, если социальная наследственность исчезнет и преемственность прервется, человечеству незамедлительно придется вернуться в животное царство неорганизованных и некооперированных особей с обычными, основанными на биологическом кодировании шансами на выживание»⁹¹. И далее подчеркивается: «Знаковая форма существования безлична и вневременна, она, по сути – знание, понятое как обобщенная, типизированная и свернутая для передачи новым поколениям запись видов социально необходимой деятельности»⁹².

Исследователи отмечают: «Именно знаковая форма создает то, что М.К. Петров называет ментальностью. Сопряжение между ней и деятельностью как раз и обнаруживает внутреннюю пружину –

⁹¹ Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М., 1990. С. 28.

⁹² Там же. С. 29.

двухполюсность – культуры»⁹³. Говоря о связи общего (ума) и возможностей индивидуального социокода, М.К. Петров пишет: «Мерка индивида или субъекта оказывается тем критерием, который дает возможность понять, как структурируются в различных типах культуры формы перевода общезначимого смысла в особые для каждой культуры ячейки, ведущие и к изменению форм общения»⁹⁴.

Со своей стороны, трансмутация (по Петрову) объемлет собой «все разновидности общения, в результате которого в социокоде, в одном из фрагментов и в соответствующем канале трансляции появляются новые элементы знания или модифицируются наличные, или одновременно происходит и то, и другое»⁹⁵. То есть, отношение людей друг к другу и к природе включает, во-первых, общение как согласование деятельности (коммуникацию) и, во-вторых, общение как передачу опыта (трансляцию). При этом знак выступает носителем социальной памяти и средством ее трансляции. И если цель трансляции – социализация индивида, то цель трансмутации – накопление новых качеств, способных изменить существующие обстоятельства. Знаковые системы человека кардинально отличаются от того набора знаков-звуков и знаков-жестов, которые встречаются среди животных.

Весь животный мир (без исключения) передает накопленный предшествующими поколениями массив знаний и навыков по биокоду; в человеческом же сообществе любого типа культуры процесс трансляции «суммы обстоятельств» осуществляется при помощи знаковых систем – социокода. Любой элемент «мира знания нуждается в имени человека, чтобы появиться на свет и начать существовать для человека. Они, эти элементы, как боги мифа, рождены для бессмертия, рождены усилиями смертного

⁹³ Чернышева А.В. Культура как способ социальной наследственности: философия культуры М.К. Петрова / Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 199.

⁹⁴ Там же. С. 199-200.

⁹⁵ Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М., 1990. С. 46.

человека»⁹⁶. В контексте изложенного, нам представляется, что такое инновационное решение, выполненное в русле нового семиотического подхода к исследованию и трактовке культуры, означало, что она (культура) может (и должна) рассматриваться не только через деятельность человека, но и как знаково-семиотическая структура»⁹⁷. «В результате культурно-семиотических изысканий М.К. Петрова открывались новые горизонты исследования мира и человека, когда любые фрагменты человеческого мира, приобретающие функцию знаков, на достаточных на то основаниях относимы к сфере культурологического анализа. Сами же способы человеческой жизнедеятельности в различные исторические эпохи и в различных культурах объясняются различием в процессах социального кодирования, коррелируя по целям, средствам и результатам»⁹⁸.

Примечательно, что на пути поисков формулы нормирования уникального М.К. Петров прибегает к понятию «творчество репродукции». «В рамках семиотической концепции М.К.Петрова бытие культуры, генезис ландшафтосферы проходит три стадии именную, профессионально-именную и универсально-понятийную, являясь областью соприкосновения культуры и географического пространства. Они соответствуют исторически сложившимся трем основным типам кодирования и обновления социально необходимого знания: индивидуально-именному, профессионально-именному и всеобще-именному. Ниже мы остановимся на данном аспекте более подробно.

Как удостоверяют культурно-антропологические изыскания, предыстория культурного ландшафта реализуется в конкретно-исторических формах культурной жизнедеятельности людей, взаимообмена смыслами и

⁹⁶ Петров М. К. Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992. С. 53.

⁹⁷ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 3 (11). Белгород, 2016. С. 108-109.

⁹⁸ Там же.

продуцирование новых, в разных контекстах опыта, создавая ситуацию социального производства знания.

Хорошо известно: «началом» – прелюдией – предысторией всего исторического развития общества и человека было сознание мифологическое. Оно и являлось той исходной формой сознания, которая стало первичной формой идеального и рационального с функциями регулирующей деятельность первых людей и социальных коллективов знания. Нам для уточнения специфики способов самодетерминации и саморазвития любых органических систем культуры, их трансформации в новые целостнообразования, а также для анализа первичных форм бытия идеального и форм мышления, представляется необходимым использовать ряд таких начальных понятий, как «отражение», «снятость», «представленность», некий метаморфоз.

Здесь оговоримся: К. Маркс, применяя категорию «человеческая предметная деятельность» к исследованию форм сознания и знаковых культурных систем, он показал, что они существуют «как идеальное выражение господствующих материальных отношений», указав также на зависимость мыслительных форм от накопленной духовной культуры общества, правомерно поставив тем самым явления общественного и индивидуального сознания в систему социальной деятельности⁹⁹. Как отмечал И.Т. Касавин, «выражением магического творчества является перенос значений в ходе смещенного поведения в виде взаимозамены природных ситуаций социальными, и, наоборот, интерпретация социальных проблем как причин природных событий, и понимание природных процессов в терминах социальных взаимосвязей»¹⁰⁰. Миф завершил деление мира на профанный и сакральный, став, по сути, первым длинным интересубъективным текстом – всеобъемлющим ресурсом культуры. Примечательно, что Ф. Бекон впервые данный период в развитии культуры

⁹⁹ Калинина Г.Н. Наука. «Другое знание». Человек. Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 78.

¹⁰⁰ Там же. С. 69.

связывает не с реформаторами человечества или его «обманщиками», а с коллективным, устным народным творчеством: мифы-идолы у него многофункциональные формообразования¹⁰¹.

В концепции Фонтенеля мифы трактуются как «смесь фактов с современной им философией», были первой историей народов, способом восприятия природы¹⁰². Оригинальный подход к проблеме перехода от мифа к рациональному знанию принадлежит Вико, который впервые, сопоставляя этимологию слов «миф» и «логос», в научной форме связывает проблему возникновения мифологии, начала человеческой истории, с генезисом языка и речи, интерпретируя мифы как истинную речь: «первая речь Поэтов-Теологов была фантастической речью первоначально посредством идей, потом – посредством знаков и, наконец, – посредством артикулированных слов».

Теперь мы знаем: гениальные прозрения Вико сейчас во многом подтверждаются в новых научных концепциях культурной эволюции. Шарль де Бросс в контексте культурно-ментального феномена фетишизма, впоследствии ставшего универсальным при характеристике всех иллюзий человеческого сознания, подчеркивает специфическую алогичность первобытного мышления¹⁰³. Шеллинг, в свою очередь, впервые применил к анализу мифологического сознания символический и системно-структурный метод, дав глубокий гносеологический анализ мифологии как объективно-мыслительной формы, развив тем самым идеи Вико и романтиков о символической природе мифа¹⁰⁴. Боги мифологии Шеллинга – это мистифицированные объективно-мыслительные формы искусства и науки, в которых отражена развивающаяся природа как органическая целостность. Это был новый уровень исследования, нежели сравнительно-исторические методы просветителей, оставлявшие их на уровне эмпирическом,

¹⁰¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. Л., 1940. С. 128.

¹⁰² Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979. С. 193.

¹⁰³ Шарль де Бросс о фетишизме. М., 1973. С. 84.

¹⁰⁴ Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1973. С. 106.

предметном, причем, подвергнув критике варианты аллегорической и просветельски-психологической трактовки.

Интересно также, что, со своей стороны, Гегель, будучи далеким от идеализации мифологии и древнего сознания, и подойдя с позиций диалектики целостнообразования к движению форм человеческого сознания и культуры, резко выступает против всяких идеализаций первобытности как «естественного состояния человечества» и просветительского понимания первобытного сознания как «естественной религии» разума, извращенного последующим развитием¹⁰⁵. Он, трактуя их лишь как низкий уровень мышления по сравнению с понятийным и пытаясь представить само первобытное сознание в развитии, как метаморфоз, дает описание ряда формообразований первобытного сознания¹⁰⁶. Однако их субординация и интерпретация в гегелевской системе, с позиций современной науки, не свободна от определенного произвола – следствие фундаментального принципа его системы, в угоду которой он, не покидая почву абсолютного духа, по сути, игнорирует реальные, культурно-исторические основания всех формообразований сознания.

На наш взгляд, положительной инновацией стала попытка «мифологической школы» связать исследование мифов с языком, что повлекло рождение методов сравнительного языкознания. Так, на базе этой школы выросли и самостоятельные, в теоретическом отношении более совершенные концепции. Характерна в этом смысле теория А.А. Потебни, в которой миф предстал уникальным явлением, не сводимым ни, скажем, к поэзии, ни к науке, ни к религии. Тонко подметив нерасчлененность в первобытном сознании образа и предмета, знака и значения, мифа и речи, он определил миф как «специфическую деятельность мышления, в которой происходит отождествление звеньев цепочки «образ – значение –

¹⁰⁵ Гегель. Лекции по философии религии //Философия религии. В 2 т. М, 1976. Т 1. С.432.

¹⁰⁶ Там же.

предмет»¹⁰⁷. Сказанное лишь подтверждает то, что в подобных ситуациях множественной противоречивости, дополненной характерной для мифов плюралистичностью и поливариантностью, процесс истолкования мифических образов приобретает повышенную сложность. Анализ мифологического концепта осложняется также тем, что, как справедливо отмечает В.П. Римский, «большинство исследователей вообще «пугает» использование понятия «мифология» при характеристике древних форм сознания. Тогда и начинаются поиски рядом с сознанием мифологическим некоего «практического», «реального» и т.п. сознания. Эти опасения пытается преодолеть трактовка мифа как сознания «синкретического»¹⁰⁸.

Как мы уже писали ранее в наших статьях: «Начинаясь в глубинных, доисторических природно-этнических пластах, бытие человека, в котором материальные и идеальные формообразования тесно переплетены, проходит в своем становлении сквозь ряд последовательных, рядоположенных или пересекающихся «измерений» социального мира. В самом деле, экономико-политические реалии, знаково-символические, сознательно-рефлексивные и бессознательные «поля» задают экзистенциальные формы бытия, микрокосма, с необходимостью включенного в макрокосм Универсума. Этот категориальный ряд, выстраивается в логическую цепочку: человеческое бытие – идеальное – субъективные и объективно-мыслительные образования индивидуального сознания – знаково-символические уплотнения социокультурной реальности – коллективно-мыслительные и идеологические формообразования»¹⁰⁹.

Надо сказать, сегодня все еще сильна тенденция «дологичности» или наличия в нем одновременно элементов логики и мистики, партипаций, коллективных представлений (Дюкгейм, Леви-Брюль, школа Марра,

¹⁰⁷ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 447.

¹⁰⁸ См.: Ковальчук О.В., Римский В.П. Между мифом и рациональным знанием: к истории европейской философии и социально-гуманитарных наук // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы. Белгород, 2007. С. 7.

¹⁰⁹ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. Вып. 3 (11). Белгород, 2016. С. 108-109.

Кассирер и др.) – эта традиция объяснения специфики мифологического мышления воспроизводится многими авторами и сейчас.

Категории первичного (антропоморфного) мифомышления, выступали объективными мыслительными формами, схемами, регулятивами орудийной, социальной и знаково-коммуникативной деятельности, обретая в нем сложную, метаязыковую и метаидеальную, «фантастическую» форму. Генезис, становление и метаморфоз мифомышления в системах первичных социокультурных организмов проходили в условиях уникального симбиоза с природной экологической средой, где исходным и основным элементом первобытной универсальной адаптивной системы выступала родовая община как форма первобытного социума, что, в конечном счете, и определяло особого рода «интерес» к пространственно-временным характеристикам природы. «Адаптивная» экономика первобытности определяла и ограниченный характер предметной информации в идеальных образах, преобладание в них ценностных мотиваций и аффектов. Этот приоритет императивно-коммуникативной функции мифа над интеллектуальной объясняется при анализе механизма особо рода подражания и суггестии в коллективном общении.

При этом феномен массового общения в древности вряд ли правомерно квалифицировать как магию, поскольку в данном случае мы имеем дело не с лишенными самостоятельного ценностного, или утилитарного, значения, формами деятельности (то есть, магией), а с самой деятельностью общения, имеющей самостоятельно-ценностное и непосредственно утилитарное значение, которая и создает первые ценности человеческой культуры (хотя, конечно, здесь можно выделить и ритуализированные, символические действия и операции, транслируемые в новые структуры из предшествующих форм жизнедеятельности (семиотические комплексы). Механизм массовой суггестии-внушения мифа, обращенный на антагониста, в рамках «дуально-этнического отношения» (В.П. Римский), неминуемо сталкивается с другой суггестией, взаимное пересечение которых на стыке отношений двух

первобытных коллективов неминуемо оборачивалось массовой контрсуггестией - специфическим рациональным целеполаганием: «Это была исторически первая форма культурного диалога, одного из компонентов мыслительной деятельности»¹¹⁰.

Строго говоря, специфика жизнедеятельности первобытных коллективов определяла не только рационально-эстетический, содержательный момент мифосознания, но и его фантастический, «метафизический» уровень, который и отразился во всей причудливой феноменологии мифа. Есть основание предположить, говорит далее В.П. Римский, что орудийная деятельность в первобытных обществах регулировалась в основном языком жестов, а звуки первоначально выполняли тормозную функцию – запрет на ненужное действие¹¹¹. Все это, будучи детерминировано жизнедеятельностью людей в специфической социальной и природной метасистеме, и определяло специфику мифологических образов мышления конкретно-исторической формы бытия идеального.

Итак, мы ранее делали из этого вывод: «Ученые показывают, что на этой ступени свободное оперирование человека с многочисленными классификациями мира и категоризация мышления в «языках», знаковых системах мифа, обеспечивали семантическое единство этих «языков», способствуя тем самым переводу неявного знания в явное и его интерпретации на конкретной области: при сохранении единства знаковых систем мифа, тем не менее, уже происходит их структурирование, язык жестов и «ручное мышление» уступает место членораздельной речи»¹¹².

Важно отметить, что анализ инкорпорированных лексических структур позволил А.Ф. Лосеву уточнить гносеологические характеристики этой

¹¹⁰ Ковальчук О.В., Римский В.П. Между мифом и рациональным знанием: к истории европейской философии и социально-гуманитарных наук // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы. Белгород, 2007. С. 22.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Калинина Г.Н. Наука. «Другое знание». Человек. Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 94-95.

стадии мифомышления, развернутые в его ранних работах. Он отмечает, что все логические категории в инкорпорированном мышлении существуют и действуют в слитном и взаимоотжествленном виде. Причем, оно постепенно закрепляется в обособленных сферах жизнедеятельности одной из своих функций: или императивно-коммуникативной (суггестивной), или познавательно-интеллектуальной (контрсуггестивной). Здесь уже наблюдается начало определенного разведения мифа (рассказа, эпоса) и речи (логоса), мифа и ритуала, мифа и магического действия, мифа и вещей, мифа и танца, мифа и музыки, т.е. формирование мифа как собственно повествовательного феномена.

Окончательное разведение и усложнение семиотического культурного комплекса первобытного мифа происходит в условиях производящего или специализированного присваивающего хозяйства, что напрямую отразилось и на социальных структурах. Происходит процесс становления социальной прослойки по воспроизводству мифосознания, «миф» уступает место «логосу» как разуму, создаются предпосылки понятийно-теоретического мышления, искусства и морального сознания.

Исследования А.Ф. Лосева показали, что фетишистский первобытный миф трансформируется в развитый анимистический и далее – в сложную политеистическую мифологию, охватывающую своим взором и Землю, и Космос, и человека в структуре космической мифологии. В основе этого периода лежит производящая, патриархальная община как субстанция всех прогрессивных формообразований мифологии, которая (община) из глубин родового общества трансформировалась в раннеклассовые регионально-этнические цивилизации.

Это и был действительный базис генезиса и формообразования на почве племенных мифологий не только развитых религиозных систем, началом институализации религии, но и форм рационального знания. Именно здесь появился сверхъестественный, трансцендентный мир, противопоставленный миру общины. Это говорит о наличии у исторически «ископаемых» племен

форм развития сознания, уже приближающихся стадияльно к первичным цивилизациям: под действием стагнации родовых структур и внешних влияний, они, тем не менее, прогрессировали в области духовной культуры и вплотную подошли к «западному» номинативно-понятийному мышлению.

Иначе говоря, мы видим, что логико-рациональное мышление связано с мифом, лежащим в основе всей прежней, длительное время существовавшей, мифолого-олимпийской схемы связей, и который (субстрат) послужил основой для формирования нового типа мышления, связанного с лингвистической и логической структурой.

С точки зрения М.К. Петрова, решающим фактором движения в сторону накопления и специализации профессионального знания, объясняющим «греческое чудо», является прогресс кораблестроения в бассейне Эгейского моря. Он говорит: «Корабль потребовал другого распределения профессий: за спиной каждого незащитного земледельца должен был встать ремесленник, воин, чиновник, правитель, писарь. Совмещение профессий и переход профессиональных навыков в личные становился в этих условиях навязанной экономической необходимостью, условием выживания в новой ситуации»¹¹³. «Тот факт, что акты речи, устной или письменной, обнаруживают близкую... структуру изменения смысла, сдвига значения, обновления, может свидетельствовать только об одном: творчество всегда было и всегда остается с нами. Любой человек, владеющий любым языком, не только способен к творчеству, но фактически приговорен к нему. Всякий раз, когда он выступает в роли говорящего, он волей-неволей вынужден действовать по правилам трансмутационного акта общения – творить новый смысл и изменять наличный»¹¹⁴. «Каждое традиционное общество неизбежно достигает «предела развитости», – отмечает М.К. Петров, – и гибнет, чтобы начать все сначала. История великих

¹¹³ Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря. М., 1995. С. 71.

¹¹⁴ Там же. С. 82-83.

традиционных цивилизаций дает именно такую картину; достаточно вспомнить царства Египта и Двуречья»¹¹⁵.

Примечательно, что на пути поисков формулы нормирования уникального М.К. Петров прибегает к понятию «творчество репродукции», оговариваясь что репродукция может пониматься как «основной тип биологической и социальной деятельности, на котором держится все то, что мы называем реальностью, деятельностью, определенностью, объективностью, законом, системой»¹¹⁶. Различие этих двух реальностей образно выразил А.Ф. Лосев: «огонь горит, а идея огня не горит», при этом средства постижения этих реальностей тоже различны. На «открытие» особой способности мышления трансцендировать оказало влияние то, что рациональность, возникшая в античности на границе и религиозно-мистического рационализма, была восприимчивой сакрального знания, в противоположность знанию профанному¹¹⁷. Платон, отталкиваясь от священных книг древних иудеев, построил самосуший идеальный умопостигаемый образ мира. Божественный ум занял приоритетные позиции в философствовании, а ум человеческий был уподоблен уму Божественному.

Однако, в отличие от «чистого» эзотерика, античные философы называли словом открывающуюся им в эзотерическом опыте реальность – именно слово являло присутствие отсутствующего в чувственном опыте. Философ получал возможность работать с «отсутствующим», благодаря его представленности в слове. Как замечает Т.П. Матяш, «в связи с возникшей необходимостью выражать в слове надситуационное, всеобщее содержание идеальных объектов, изменилась семантика слов естественного языка; рефлексия, обращенная на такое слово, сопровождалась кодификацией правил риторики, поэтики, грамматики; работа мышления со

¹¹⁵ Петров М. К. Язык и категориальные культуры // Науковедение и история культуры. Ростов-на-Дону, 1973. С. 68.

¹¹⁶ Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря. М., 1995. С. 15.

¹¹⁷ Плотин почтительно склонялся перед полной божественного ума, а Прокл считал, что философия есть теургия – богодействие, богослужение.

сверхчувственной реальностью породила гносеологическую проблематику и кодификацию правил логики¹¹⁸.

Как отмечал М.К. Петров, «после элеатов нет уже ни одного философа, который не признавал бы дуализм существований «по истине» и «по мнению» и скрытой за этим дуализмом парности оснований логического и традиционно-мифологического¹¹⁹. Причем сами античные философы остро ощущают этот дуализм именно как парность несводимых друг к другу оснований¹²⁰. Такая парность эквивалентных объяснений присуща и сегодня странам традиционной культуры, пытающихся привить на своей почве науку и удивляющих нас трактовкой природы знания, индифферентизмом к формальной стороне объяснения, незамкнутостью формы на содержание. Уподобление идет по связям мифа с замкнутостью на фигуру Бога-творца, изобретателя и покровителя.

Приоритет в исследовании содержательного формализма отдается Демокриту, который первым, до Платона, заговорил о постигаемых не чувствами, а умом идеях. Этот спор о природе идеального восходит к их размышлениям об идеях-эйдосах и идеях-атомах: атомы-идеи (формы) Демокрита телесны и недоступны чувствам только из-за слишком малой величины, «формы» Платона – бестелесные умопостигаемые формализмы, познание (созерцание) которых принципиально иное, нежели чувственных вещей». «В пределах лично-именного и профессионально-именного типов социального кодирования язык выступает в основной функции средства коммуникации, оставаясь одним из кодов мифопоэтической модели мира, а воздействие языковой специфики на мировоззрение составляет характерную особенность универсально-понятийного типа культуры»¹²¹.

¹¹⁸ Матяш Т.П. Рациональность нерациональности // Эпистемология и философия науки. Т.IV, 2005. № 2.

¹¹⁹ Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996. С.159.

¹²⁰ Характерный пример даёт начало спора о природе добродетели Протагора у Платона: «но как мне вам это показать: с помощью ли мифа, какие рассказывают старики молодым, или же с помощью рассуждения?».

¹²¹ Взаимосвязь «язык – мировоззрение» – это проблема лингвокультурных соответствий. См.: Кузьменко Н.М. Семиотическая концепция культуры М.К. Петрова:

Иначе говоря, анализ мифологического концепта (его природы, гносеологических параметров, способов накопления и трансляции социально-полезных знаний) позволил нам, во-первых, проследить логику и стадийность перехода от мышления, базирующегося в своем функционировании на миф, – к мышлению, связанному с лингвистической и логической структурой, и выявить семантическое единство универсального знакового комплекса первобытного мифа.

И, во-вторых, обосновать мифологический субстрат в качестве базисного основания мышления нового типа, связанного с лингвистической и логической структурой. Также показать, что процесс социализации нового знания в профессиональной форме осуществляется с опорой на миф. Все это в совокупности дает основание судить об открытом и векторном характере мифологической схемы кодирования. Рассмотренный в контексте семиотической парадигмы трактовки культурного ландшафта «мифологический субстрат» выступает основанием генезиса нового типа мышления, объективной прелюдией лингвистическо-логической структуры мышления. В культуре античного рационализма (и в последующих культурно-исторических системах знания и познания) он выполнил необходимую подготовительную работу для перехода от теогонической к логической аргументации и способам освоения мира.

Как мы показали, первичной формой кодировки «текста» как феномена культуры и составной части языковой деятельности выступает мифологическое мышление – «факт первобытной культуры» (выражение Ю.М. Лотмана), а такие тексты, как, например, «словесная формула», «ритуальный жест» и др. выступают подуровнями одного текста культуры. Возникновение текстов типа «ритуал» и «обряд» приводит к совмещению различных типов семиотического универсума.

Изложенное выше подводит нас к некоторым предварительным итогам. Анализ семиотического дискурса в преломлении исследование ландшафтного пространства как знаковой системы позволяет в концентрированном виде вычленив основную концептуальную специфику тезаурусного подхода, объясняющего движение людей и идей в мире знака. Она состоит в том, что, во-первых, понимание культуры приближено к ее идентификации как сложной знаковой системы, которая именно своей «знаковостью» и «втягивает» эту природную не/знаковость в себя, преобразуя ее семиотически (термин «не/культура» и «не/знаковость» активно используется в парадигме теории культуры Ю. Лотмана)

Во-вторых, дается знаковое истолкование культурно-исторической динамики всех (и любых) формообразований, входящих в культуру и обнаруживающих себя на самых разных стадиях ее эволюции (язык, социальная сфера, формы духовного производства – наука, религия, обычаи и пр.), где базовым ядром выступает понятие традиционного и универсально-понятийного «соцкода» – ядра культуры. Причем, введенное базовое операциональное понятие социокода и его разновидностей дало возможность возможность и увенчалось созданием масштабной типологии культуры, объемлющей все многообразие ее форм и формообразований.

В-третьих, в полной мере в предельно широкую семиотическую культурную сферу включается ландшафтное пространство, которое рождается в лоне культуры как глобальной семиотической системы. В этом плане культурный ландшафт правомерно рассматривать как семиотический – знаково-символический способ бытия культуры, часть ее универсума.

Итак, осуществляя репрезентацию культурного ландшафта в культурно-исторической типологии как семиотической системы, мы исходим из расширенной трактовки семиосферы как «всеохватного синхронного семиотического пространства культуры (матрицей, ядром которой выступает социокод, система кодов) и являющегося условием функционирования

(жизнедеятельности) семиотических структур и одновременно, их порождением».

Поскольку в процесс преобразования культурой всех феноменов материального мира, соприкасающихся с ней в знаковую систему, вовлечено ландшафтное пространство, постольку оно, будучи опосредованным человеческой творчески-преобразовательной деятельностью (антропогенным фактором) с необходимостью включается в семиосферу культуры. Можно сказать, что семиотизация природы, представленной в культурно-исторических типах ландшафта, есть ничто иное, как визуализированное проявление метафизических образов самой культуры, а, значит, и духовной природы человека, связанной с эйдетической и феноменологической реальностью, адекватно репрезентованной системой «знаков» и «символов: образно выражаясь, это неотъемлемая часть семантического «тела» культуры, грань ее бытия, а в известном плане – «текст» культуры.

В целом эволюция логико-рационального типа мышления, гентически связанного с мифологическим, становление его лингвистическо-логической структуры, рассмотренные нами с позиции семиотической культурно-исторической типологии, позволили осуществить репрезентацию культурного ландшафта как универсальной семиотической системы и целостного семиотического, то есть, знаково-символического пространства культуры, функционирующего в границах социокультурных кодов – основного системнообразующего ядра, подвижной матрицы, изменяющейся в разные культурно-исторические периоды и определяющей собой все процессы самоорганизации социума.

ГЛАВА 2. Семиотика взаимодействия природы и культуры в пространстве культурного ландшафта

Глава вторая посвящена исследованию геокультурного пространства как знаковой системы с позиции семиотического анализа проблемы взаимодействия культуры и пространства и ее последующего развития в современном гуманитарном дискурсе.

В границах проблемного поля данной главы исследуются природно-антропогенные и геоэкологические факторы генезиса культурных ландшафтов и описываются знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта. Особое внимание уделяется вопросу об аксиологических измерений геокультурного пространства в ноосферных моделях проектирования будущего. Обозначенные аспекты помогут ответить на поставленную нами проблему.

2.1. Природно-антропогенные и геоэкологические факторы генезиса культурных ландшафтов

Приступая к аналитике проблемного поля, очерченного рамками данного параграфа, определимся с исходными категориями, присутствующими в его формулировке – «культурный ландшафт», «генезис», «природно-антропогенный» и «геоэкологический» фактор, сразу оговорившись, что концепт «культурный ландшафт», на рефлексию эволюции которого направлены наши усилия в данном параграфе, был рассмотрен нами достаточно подробно в главе первой (1.1.).

С целью уточнения указанного понятийного аппарата, в первую очередь, обратимся к энциклопедической и справочной литературе, прояснив этимологическое наполнение данных феноменов, а также их трактовку в исследованиях современных специалистов. Разумеется, мы постараемся выработать собственное понимание по каждому из них. Поскольку понятие

культурного ландшафта в его конкретно-исторических типах продолжает находиться в эпицентре нашего внимания, не будет излишним уточнить нашу собственную концептуальную позицию его понимания и трактовки, и парадигмы, в русле которой мы выстраиваем наши изыскания в данном вопросе.

Мы исходим из того, что «культурный ландшафт» не столько географический феномен (это все же «узкое» его понимание, зачастую распространенное в сфере ландшафтной географии, ландшафтоведения), сколько специализированная форма ценностного (в том числе художественно-эстетического) отношения человека к миру, и способ самоидентификации себя самого и мира. Это первое уточнение.

Второе касается трактовки концепта «культурный ландшафт» с точки зрения семантической компоненты взаимоотношений культуры и пространства. Здесь мы, изучив и синтезируя концептуальные наработки современного гуманитарного дискурса, определились в следующем. С позиции семиотического подхода к исследованию бытия культуры (а, следовательно, и образов природы, представленных в культурном семиотическом пространстве), культурный ландшафт – это текст, структурно-семантическое образование, наполненное знаками и знаковыми системами; одновременно его правомерно рассматривать как в качестве самостоятельного текста, функция которого в принципе идентична функциям «обычного» текста в культуре – адекватная передача значений и порождение новых смыслов», так и в качестве знака-символа, составного элемента унифицированного метатекста культуры (глобальной знаковой системы).

Напомним основные, общепринятые специалистами данной области, принципы классификации ландшафтного пространства, в ряду которых насчитывается, по меньшей мере, четыре подхода (или принципа их выделения). Это исторический, генетический (нередко употребляемые как синонимы, на что мы уже обращали внимание чуть выше); структурный и, наконец, последний тип – позиционный (он же региональный). В основание

такого рода ландшафтной градации положены, во-первых, типические классификационные признаки, и, во-вторых, их относительная роль в ландшафтогенезе, а также (что существенно) в структурном построении «скелете» ландшафта.

Как отмечает О.А. Лавренова, «Структура культурного ландшафта определяется его физико-географическими константами, аксиологической и семиотической структурой культуры – ее системой ценностей, парадигматикой и неравномерностью семиотических процессов, которые порождают в культурном ландшафте узлы (центры) и периферии смысла, его внутренние (культурные разломы) и внешние границы»¹²². Строго говоря, ранжированный набор признаков образует понятие «ландшафтной классификации», разные компоненты которого меняются в разной мере¹²³. Так, человек мало изменил рельеф Невской дельты или долины средней Москвы-реки, но растительность сменена почти целиком, говорит В.А. Низовцев¹²⁴. В этой связи позволим себе небольшую ремарку: Г.А.Исаченко в своей книге «Окно в Европу»: история и ландшафты пишет о некоторых парадоксальностях, говоря, что, например, «..весь наблюдаемый ландшафт северо-западной России досконально описан и объяснен просто досконально, в то время как Санк-Петербурга в этой ландшафтной панораме слово бы и нет (белое пятно на карте), поскольку его культурный ландшафт подобному объяснению явно не поддается»¹²⁵.

Относительно самого понятия генезиса¹²⁶, скажем так: оно является базовым (или одним из таковых) в ландшафтоведении, хотя до сих пор и не имеет унифицированной своей трактовки. Отчасти такое происходит по причине нерасчленения генетического и исторического принципов, нередкой их взаимозаменяемости, употребления как синонимичных. Чаще всего

¹²² Лавренова О.А. Семантика культурного пространства. Автореф. д. дис. 24.00.01 / Теория и история культуры. М., 2011. С. 9.

¹²³ Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 64.

¹²⁴¹²⁴ Низовцев В.А. Антропогенный ландшафтогенез: предмет и задачи исследования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1999. № 1. С. 26–30.

¹²⁵ См.: Исаченко Г.А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб., 1998.

¹²⁶ Различают также и «генетический принцип» – активно используемый, например, в физико-географическом районировании.

генезис связывается с изучением обусловленных определенным видом процессов и факторов способов возникновения ландшафтного комплекса. На данном основании систематизируют генетические ряды (также – группы) комплексов, в числе которых: климатогенный, тектогенный, вулканогенный, флювиального происхождения, которые градируются так: эрозионные и аккумулятивные, криогенные, эоловые, нивально-гляциальные, гидрогенные, литогенные, гидродинамические, биогенные и антропогенные. Эта классификация, в принципе, считается на настоящий момент общепринятой (с теми или иными разностями). Нам со своей стороны, будет достаточно утвердиться в том, что под «генезисом ландшафта» принято понимать историю его развития, включающую и периоды трансформаций, вплоть до становления его современной структуры (то есть, с момента исчисления возраста ландшафта).

И кроме того, мы акцентируем внимание на таком проблемном моменте: сегодня ситуация такова (и о ней открыто говорят ведущие специалисты в области ландшафтоведения), что нуждается в расширении трактовка ландшафта как телесно-составного организма с присущей ему морфологией, или анатомией, и одновременно ландшафтная сфера, будучи предельно сплошной и континуальной, то есть непрерывной), закономерно генетически связана и происходит, точнее – вырастает из прошлого. Надо заметить, такое понимание ландшафтного пространства не является новым – история культуры отсылает нас к позапрошлому XIX столетию, когда утверждалась традиция понимания и видения организма «как выделенной во всех отношениях самоочевидной отдельности, «атоме жизни»¹²⁷.

Далее мы направляем наши мыслительные усилия на понятие «антропогенного фактора», который, как известно, находится в центре исследовательского интереса целого ряда наук, объектом которых является вся окружающая среда. Прежде всего, речь идет о глобальной экологии,

¹²⁷ Цит. по: Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62.

экологии человека, охране природы и природопользовании и прочих, смежных с названными и занимающихся проблематикой природы и человека.

Особенно актуально понятие «антропогенные факторы» для теоретической экологии (что вполне объяснимо с учетом современных общепланетарной экологической проблематики – об этом мы скажем несколько ниже, так или иначе касаясь экологического аспекта по ходу работы). Обратившись к справочным источникам, видим следующее: первая часть: «anthropos» – слово греческого происхождения, в смысловом переводе – «человек», «genos» означает «происхождение»; вторая часть: «фактор» (от лат. «factor» – «делающий, производящий что-либо»). Отсюда вполне логично, что данный термин применяется для обозначения совокупности условий, детерминирующих собой определенные процессы (в нашем случае – процессы, явления, обусловленные деятельностью человека, то есть опосредованные «человеческим фактором»).

Иначе говоря, под «антропогенным фактором» (или под «антропогенным воздействием») целесообразно понимать все разновидности (независимо от их положительного или негативного результата) воздействий человека на живые организмы; а предельно широко – любое воздействие человека на всю окружающую (природную) среду, связанное с его сознательной и бессознательной жизнедеятельностью.

Заметим по ходу: статистика сегодняшнего дня, к сожалению, имеет резкий крен в сторону именно отрицательных (а не благоприятных – как это в принципе должно быть при разумном подходе человека к среде своего обитания) примеров, касающихся антропогенного фактора. Наверное, излишне даже говорить, что в шкале плюсов и минусов первые показатели значительно уступают место второй (минусовой) категории. Причем, в такой степени, что природоохранная деятельность человека сегодня выдвигается как задача «номер один» в парадигме «человек-природа». Увы, современный социум с его определенно низким уровнем экологического мышления ведет

себя крайне неразумно, разрушительно и деструктивно воздействуя на биосферу. На эту тему активно писали представители отечественной науки и философии, русские религиозные мыслители – классики русского космизма (Н.Ф. Фёдоров, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, Н.Г.Холодный и др.)¹²⁸.

Е.П. Маркова отмечала: «Они признавали за человеком его созидательно-доопределяющую космическую функцию. Писали о том, что ее реализация предполагает превращение части мира, доступной Человеку, в ноосферу, которая есть не что иное, как «развивающаяся гармония». То есть взаимодополнительное единство общества, личности и природы на основе признания самоценности этих сторон и образуемого ими Целого. Создание ноосферы есть Общее дело (в терминологии родоначальника космизма Н.Ф.Федорова), добровольно объединяющее всех его участников. А его духовной основой является любовь к миру и отношение к нему как к Дому и Саду, а не как к полигону для разрушительных экспериментов»¹²⁹. Этой идее, заметим, посвящены многие научные изыскания наших современников, но проблема остается «под большим вопросом»...) ¹³⁰. Мы, со своей стороны, тоже обращались к данной теме в ряде публикаций ¹³¹.

В конечном счете, получается не очень оптимистичная картина: как правило, термин «антропогенный», употребляемый в связке с категорией «природа» нагружен негативным смысловым контекстом, иллюстрирующим

¹²⁸ См.: Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела // Сочинения. Т.2. М., 1982; Вернадский В.И. Ноосфера. М., 2004; Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1981; Холодный Н. Избранные труды. Киев, 1982; Флоренский П.А. Оправдание космоса. СПб., 1994; и др.

¹²⁹ Маркина Е.П. Философско-культурологическая интерпретация феномена антропокосмизма. Дис. 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры. Орел, 2016. С. 80.

¹³⁰ См: Гагаев А.А., Скипетров В.П. Философия А.Л. Чижевского. Саранск, 1999; Мотрошилова Н.В. Жизненный мир // Новая философская энциклопедия. Т. 2, М., 2001; Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб. 2004; Брагин А.В. Онтологический аспект ноосферного соотношения мира и человека. Дисс. ... д. филос. наук: 09.00.01. Иваново, 2003 и многие другие весьма актуальные и интересные работы в данном направлении.

¹³¹ Тикунова Е.В. Культурный ландшафт как форма ценностного отношения к миру // Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.) Белгород, 2016. Т.1. С. 361-364.

остроту проблемы в сфере взаимодействия человека на природный (сугубо географический) ландшафт. Это и понятно: практически повсеместно сегодня мы с сожалением (а то и болью) наблюдаем постепенное общее истощение природных ресурсов, причем, как в «живой», так и в «неживой» природе (хотя, заметим, в парадигме восточных культур вся природа «живой организм», что, на наш взгляд, вполне правомерно и гуманно).

Анализ природно-антропогенного фактора показывает, что он играет существенную роль в процессе культурно-исторической эволюции ландшафтного пространства как такового. В самом деле, можно без труда описать множество объектов и комплексов, которые можно отнести к природным ландшафтам, опосредованным «рукой человека». В ситуации, когда «чисто природная» ландшафтная территория изменяется и формируется, корректируется под влиянием хозяйственной деятельности человека – разграничение (граница, демаркация) между природно-антропогенным и антропогенным разновидностями ландшафтов становится во многом как бы условной. Лично мы не усматриваем здесь принципиальной проблемы. Тревогу скорее вызывают две вещи: качественный характер (целевая направленность трансформаций, ее миссия в культуре) и степень данной трансформации (если речь идет о деятельности человека).

В качестве «говорящих» примеров показательных взаимозависимостей (по типу: причина-следствие, когда изменение одного влечет за собой модификацию другого развития измененных человеком ландшафтов приведем следующие ситуации: Первая связана с «антропогенно-восстанавливаемыми» ландшафтами, когда, к сожалению, мнется животный мир – исчезают клесты, снегири, появляются тетерева, – возникает стабильный, то есть вполне равновесный ландшафт. Он, как видим, развивается отныне по природным законам, при том, однако, что своим новым обликом, и вообще – возникновением он обязан именно человеку. Идентичная картина нередко наблюдается и с суходольными лугами,

которые обычно служат для сенокосения. В случае прекращения активной деятельности человека на них (прекращение сенокосения и пастьбы) они легко и достаточно в короткий срок трансформируются в иные естественные ландшафты – то есть в кустарниковые пустоши (этот случай, разумеется, негативный: замена лугов пустошами – явление мало положительное и неравноценное в плане эффективной эксплуатации и целевого назначения, – речь об эстетической стороне вообще вести не представляется возможным и уместным.

Самым простым, расхожим, можно сказать, «классическим» примером природного комплекса, созданного человеком, являются лесозащитные полосы (скажем, в Каменной степи на юге-востоке Воронежской обл.). Ученые говорят, что на данном участке практиковал сам В.В. Докучаев. Разумеется, нас радует то, что такие ландшафтные зоны не могут быть отнесены к «минусовой» категории ландшафтов, то есть к тем, которые все же деградируют, то есть, разрушаются, будучи вначале эффективными и поддерживаемыми человеком при его участии и интересе. Скажем о них кратко, но по существу, следующее. Они создаются при разрушении весьма «полезных» ландшафтных сфер. Когда же (чаще всего в результате недалёковидной, а то и халатной, деятельности человека происходит «гармональный сбой» в организме ландшафта неизбежно его разрушение.

Увы, тому много показательных-печальных примеров: участки Средиземноморья, экстремально южные лесные массивы, которые, будучи уничтожены, к большому сожалению, более не восстанавливаются. Логика здесь достаточно понятна и в комментариях, с учетом теории вопроса, представленной текстом параграфа, не нуждается. А более глубокая рефлексия войдет в обобщающие выводы в завершении рассматриваемого вопроса проблемного поля параграфа 2.1. В данном же случае наш комментарий ограничится тезисом о необходимости формирования у людей вообще (но особенно у молодежи, ответственной за будущее благосостояние

нашей страны) системного подхода к географическому и геоэкологическому познанию окружающего мира.

К типическим образцам негативного влияния антропогенного фактора относят: сокращение залежей полезных ископаемых; сведение лесов; загрязнение почвы; охота и рыболовство; истребление дикорастущих видов и др. Список, разумеется, далеко не полон, а приведенные примеры, к сожалению, в результате всякой (причем, безотносительно к ее разновидности) хозяйственной деятельности человека, возникает определенная форма подобного влияния, затрагивающая (прямо или косвенно) сложившиеся «генетические» связи между живыми организмами и естественной средой обитания. В случае же перехода границ человеческого вмешательства в природу возникает отрицательное следствие – нарушение этих связей и, как следствие взаимозаменяемость «чисто природных» комплексов и ландшафтов на их «антропогенные разновидности» - от полей, садов и огородов до более укрупненных: водохранилища, пруды, каналы; лесополосы и пр.

На фоне такой ситуации крайне своевременной и позитивной (и чрезмерно необходимой для решения глобальной проблематики) стала тенденция в области экологизации целого ряда естественных и гуманитарных наук. Она органично инициировала и более широкое толкование «экологии», выйдя за рамки его сугубо биологического прочтения, сформулированного, как известно в свое время Э. Геккелем (1866 год.), а также понятие «геоэкологического фактора». Отныне термин «экология» становится общеупотребимым в сфере описания широкой проблематики, касающейся взаимодействия «общество-природа-человек». Ну, а экологический подход в совокупности с ролью «геоэкологического фактора» в генезисе культурного ландшафта получил статус и признание общенаучного, применяясь в вопросах, требующих рефлексии человеческой деятельности человека и природы, изучения «обратной связи» между человеком и природой. Одним из важных разделов экологии становится в этот период геоэкология, в рамках

которого понятие геоэкологического фактора прочно вошло в лексикон не только естественных наук, но и всей современной гуманитаристики, которой, конечно же, не чужда проблематика «здоровья (экологии) Земли».

Определившись с понятийным аппаратом параграфа, перейдем непосредственно к проблеме генезиса культурных ландшафтов и выявления роли в этом процессе природно-антропогенных и геоэкологических факторов. Наверно мы не откроем новации, сказав, что в процессе хозяйственного освоения любой территории человеком с необходимостью наблюдается последовательная смена состояний культурных ландшафтов (в том числе, разумеется, региональных). Специалисты, занимающиеся этой проблематикой отмечают, что «наиболее важную социокультурную роль в формировании природного и исторического наследия в культурном ландшафте... играют национальные, религиозные, социально-политические и экономические факторы – вся целостная совокупность факторов»¹³². При этом каждый период хозяйственного освоения той или иной территории характеризуется типичным для них состоянием культурных ландшафтов.

То есть, правомерно говорить о наличии определенных не только природно-антропологических, но и геоэкологических закономерностях хозяйственного освоения ландшафтов, что, в первую очередь, удостоверяется археологическими изысканиями – вещественными источниками, иллюстрирующими период «предыстории человечества», то есть раннюю стадию культуры. Скажем, сохранившиеся памятники (или образцы материальной культуры) бронзового, железного веков могут оказаться надежным «рассказчиком» не только о древнем заселении конкретной территории, но и поведать нам о критериях выбора для проживания и расселения людей, принимавших участие в непосредственном хозяйственном освоении ландшафтов.

¹³² Культурный ландшафт Мордовии (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / А.А. Ямашкин, И.Е. Тимашев, В. Б. Махаев и др. Саранск, 2003. С. 59-60.

И если природно-антропологические факторы исследованы достаточно широко и «на слуху» специалистов междисциплинарных отраслей знания, то геоэкологическая проблематика не распространяется (в силу своей специфики, прежде всего) на столь широкую аудиторию: она – в сфере более «узкого», специализированного круга исследователей (в том числе и зарубежных). Поэтому, анализируя геоэкологическую компоненту в генезисе ландшафтов мы обращаемся к изысканиям специалистов в данной области, по мере необходимости ссылаясь на них.

Так, коллектив авторов А.А. Ямашкин, И.Е. Тимашев, В.Б. Махаев и др. пишут: «Для истинно культурного ландшафта характерно определенное единство между естественной средой и создаваемыми человеком материальными объектами, которые в совокупности отражаются в духовной культуре населения»¹³³ и, исходя из такого подхода, определяют культурный ландшафт как «многоуровневое историческое образование, формирующееся при сложном взаимодействии разнокачественных природных, технических и социальных процессов в результате хозяйственного и информационного освоения природных территориальных комплексов и отражающее особенности материальной и духовной культуры местного населения»¹³⁴. В принципе, логика здесь вполне правильна и понятна, совпадая с нашей собственной рефлексией относительно культурно-исторических факторов и причин, влияющих на динамику ландшафтного пространства в процессе длительной эволюции его генезиса.

В ряду этих факторов, по нашему мнению, находится такая важная компонента, как природно-культурное наследие, которая совершенно определенно оказывает влияние на облик ландшафтной сферы. Не случайно поэтому в ряду широкой разновидности современных концептуальных подходов описания, изучения, культурного ландшафта, интерпретации его типов особое место отводится соотношению «культурный ландшафт» и

¹³³ Культурный ландшафт Мордовии (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / А.А. Ямашкин, И.Е. Тимашев, В.Б. Махаев и др. Саранск, 2003. С. 59-60.

¹³⁴ Там же.

природно-культурное наследие. Причем, в силу специфики задач этот «культурологический» подход характеризуется специалистами отдельно и более подробно, одновременно являясь достаточно развитым и теоретически, и методологически. Действительно, вряд ли следует оспаривать очевидность того, что сегодня, в условиях распространенного мнения о тотальном кризисе культуры (и самого человека как ее «прямого носителя»), нужно все еще доказывать очевидное – культурное значение ландшафтной сферы в региональной и пр. жизнедеятельности¹³⁵.

По нашему мнению, объективно свершающаяся смена состояний культурных ландшафтов, изменения (или глубже – трансформации), которые происходят нередко буквально «на глазах» и при непосредственном участии тех или иных поколений людей – вещь вполне закономерная и естественная. Но при всем этом процессы ландшафтных преобразований, особенно направляемые мудростью человека», предполагают парадигму гармонии и сотрудничества с природой, а не модель конфронтации и потребительства по принципу «природа не Храм, а мастерская». Такие образцы мышления, мы убеждены, более не работают (по причинам указанным несколько ранее). Сама непростая сегодняшняя ситуация с человеком и природой подтверждает данный «сбой», а то и «разрыв», апеллируя к кардинально новым (коэволюционным и этическим) образцам мышления на прекрасной и хрупкой планете Земля. С позиции философских смыслов здесь нужна корректировка бытия человека в мире¹³⁶.

И, тем не менее, мы думаем, что человечество вправе рассчитывать на свои силы и обеспечить себе стратегию будущего выживания. Для этого есть все резоны. Хотя бы потому, что, как свидетельствует аналитика, в настоящее время оно (человечество) «достигло той степени развития, которая позволяет рассматривать его в качестве автономного, совершенно особенного географического компонента планеты, главными

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Феньвеш Т.А. Ноосферная концепция в системе космического направления развития научного и философского знания // Дис. ... к. филос. наук: 09.00.01. Красноярск, 2003. С. 153.

отличительными свойствами которого являются: 1) двуединство естественно-биологического и социального начал; 2) подчинение как законам природы, так и законам общественного развития; 3) несоизмеримо более быстрая эволюция по сравнению с остальными компонентами; 4) функция не только как компонента, взаимосвязанного и взаимодействующего с остальными компонентами геосистем и географической средой в целом, но и как могучего средоизменяющего и средоформирующего фактора; 5) выход в космическое пространство, начало его освоения и активного взаимодействия с ним»¹³⁷. Было бы желание самого человека утверждаться и далее в такого рода работе с ландшафтной сферой.

Тем более, что уже наработан определенный позитивный локальный, и что особенно отраднo, региональный опыт построения культурных ландшафтов, создания благоприятной геоэкологической среды, что лишь еще раз подтверждает высказываемые нами по ходу диссертационного исследования мысли о потенциальных возможностях человека – «творца истории». О его способности развиваться в гармонии с природой по направлению к сфере разума – ноосфере. На наш взгляд, есть какой-то особый, почти сакральный, смысл в том обстоятельстве, что один из видных представителей антропокосмизма, выдающийся ученый В.И. Вернадский, определил понятие «ноосферы» как «охват планеты научной мыслью»). В этой формулировке – вера в могущество человеческого разума и в нравственный потенциал человечества, употребляющего разум исключительно «во благо», а не катиться в пропасть по пути самодеградации¹³⁸.

В этой связи мы хотим подчеркнуть, что В.И. Вернадский, развивая учение о биосфере, и геоэкологический подход в исследовании эволюции Земли, соотносит деятельность человека с самыми масштабными геологическими процессами, способными к созиданию и разрушению. Его

¹³⁷ Культурный ландшафт Мордовии (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / А.А. Ямашкин, И.Е. Тимашев, В.Б. Махаев и др. Саранск, 2003. С. 8.

¹³⁸ Там же.

современник, тоже крупный ученый (А.Е. Ферсман) прогнозировал, заглядывая на полтысячелетия вперед, удвоение содержания углекислого газа в атмосфере в результате деятельности человека, что мы неразумно и небрежно станем растрачивать запасы природы и столкнемся перед угрозой истощения жизненно важных ресурсов. Увы, эти тревоги ученого себя оправдывают в полной мере, к сожалению, даже гораздо раньше по времени, нежели предрекал ученый.

Отрадно, конечно, что идеи по рациональной эксплуатации и охране земной коры остаются актуальными, находясь в русле пристального исследовательского интереса целой команды отечественных ученых. Особая заслуга в этом отношении связывается с наработками Е.М. Сергеева, автора понятия «геологическая среда» (как составляющей понятия «окружающая среда»). Сегодня мы все просто обязаны понимать: как естественные, так и измененные людьми природные геосистемы, в совокупности формируют геоболочку Земли, будучи одновременно неотъемлемой частью окружающей среды.

В контексте сказанного становится ясным – почему понятие «геоэкологического фактора»¹³⁹, столь актуального в вопросе изучения генезиса культурного ландшафта, представляется целесообразным рассматривать в тесной корреляции с понятием «геоэкология» (оно, наряду с первым, играет крайне важную роль в обеспечении устойчивого развития всего ландшафтного пространства).

Поясним более подробно. Прежде всего, влияние человека на биосферу связано с добыванием пищи. Это вызывает необходимость возделывать и обрабатывать землю во все возрастающем масштабе, постоянно расширять промышленное производство, при этом происходит загрязнение биосферы опасными для жизни веществами и в первую очередь такими, которые не

¹³⁹ Авторство и внедрение термина «геоэкология» (греч. «ge» – Земля, «oikos» – жилище/дом, «logos» – учение) связывают с именем немецкого физикогеографа К. Тrolла, назвавшего в 1939 году этим термином собственную «ландшафтную экологию» (научную дисциплину эколого-ландшафтного уклона).

вовлекаются в круговорот и накапливаются в ней. При этом главную опасность представляет не количество, а качество этих отходов. Многие из них не используются микроорганизмами, не распадаются и не окисляются. Несомненно, в современных условиях начинает осуществляться коренная перестройка биосферы, в первую очередь ее растительного и животного мира, о чем можно судить хотя бы по приведенным ранее данным о количестве исчезающих видов. Жизнь любого организма во всех формах ее проявления возможна только при постоянном взаимодействии с окружающей средой, которую составляет неорганическая и органическая природа и представленная на планете соответствующими ландшафтами.

Следует подчеркнуть еще один существенный аспект, касающийся так называемой «энергетической компоненты». Суть в том, что энергетическая основа функционирования и степень антропогенного воздействия резюмируется в типологии ландшафтов, в их градации, отраженной в классификации: по уровню и степени антропогенного воздействия на природу (естественные, антропогенные естественные и просто антропогенные ландшафты). В свою очередь, сами антропогенные нагрузки неоднородны и представлены в разной мере в названных категориях ландшафтного пространства. Это, с одной стороны. А с другой стороны, мы не можем отрицать ответного воздействия на человека со стороны природных факторов (эта степень нагрузки также идет по восходящей шкале – так свидетельствуют специализированные статистические и аналитические данные).

Анализируя геоэкологический фактор и его роль для процесса генезиса культурного ландшафта, необходимо разобраться, что именно подразумевается под таким направлением в современном ландшафтоведении, как геоэкологические исследования. Поскольку без прояснения специфики этой области, связанной с жизненным функционированием ландшафтов, понять их качественную эволюцию достаточно затруднительно. Сразу скажем, что основная миссия геоэкологических исследований состоит в

изучении ландшафта как относительно однородного участка географической оболочки. Отсюда вытекают и направления, основные параметры, подлежащие изучению и анализу. В их ряду назовем: закономерности сочетаний явлений, протекающих на почве ландшафта; характер и модели взаимосвязей между компонентами географической оболочки; специфика взаимодействия и «поведения» менее крупных территориальных единиц, почвы, вод, атмосферы и т.д.

Иными словами, это попытка охватить все сведения о Земле с целью лучшего и глубокого ее понимания и закономерностей функционирования. При этом особому анализу подвергается, во-первых, геосферная составляющая Земли, которая претерпевает трансформации под влиянием природных и техногенных факторов как многокомпонентных, иерархично построенных, динамичных системах с многоступенчатыми процессами саморегулирования; сюда примыкают и исследования в области уникальных природных оболочек, отличающихся друг от друга своим геовещественным составом и многослойной структурной иерархией. Более того, вся совокупность изменений исследуется с позиции их влияния на живую природу. Во-вторых, под прицел ученых тщательного изучения все чаще сегодня попадают природно-технические системы (по вполне понятным, разумеется, причинам в наш техногенный век).

Заметим, техносфера понимается сегодня как сфера искусственно созданных человеком, производственных процессов, техники, средств и орудий труда, находящихся и функционирующих на поверхности и в недрах земли. В-третьих, геоэкологический фактор предполагает изучение процессов в геосферах под влиянием природных и техногенных факторов, упреждение сугубоприродных или же природно-техногенных катастроф). А также рациональное использование водных, земельных, минеральных и энергетических ресурсов Земли в направлении минимизации возможного вреда естественной «живой» природе, а тем самым, и обеспечение безопасного существования человечества.

Наиболее распространенные изменения в геологической оболочке охватывают собой: изменение ландшафтов урбанизированного пространства, сельскохозяйственных и горнодобывающих районов; деформирование поверхности Земли в результате откачки воды, газообразных и жидких полезных ископаемых; подъем уровня грунтовых вод и, как следствие, частое подтопление территорий при разных категориях работ (строительстве водохранилищ, орошении земель и пр.), следствием чего является угроза трансформации грунта, и что особенно опасно – идет ослабление их «несущей способности», влекущей за собою сейсмические риски и угрозы на таких территориях. В этот же ряд мы относим процесс, касающийся интенсификации деструкции природной среды по части истощения ресурсов (преимущественно как результат чрезмерной урбанизации (сеть мегаполисов и их пространственно-сосредоточенное, можно говорить «силовое» влияние на окружающую среду).

В целом практически всякая деятельность людей в той или иной форме неизбежно оказывает свое воздействие на природную среду. Но особенно сильным и долговременным является воздействие техносферы – искусственных объектов, самым плотным образом функционирующих рядом с окружающей средой. Разумеется, данные процессы это реальность, от которой никуда не уйти, если мы живем в современном культурном ландшафте. Но если его понимать и принимать как Дом, жилище, то и поведенческая модель человека как жителя такого Дома, должна быть гармоничной. Таково наше убеждение в данном вопросе. Ведь, по большому счету, вся история человечества – это история взаимодействия его с природой.

Подчеркнем: с позиции геоэкологического фактора целесообразен учет всего комплекса характерных составляющих культурного ландшафта, в связи с чем, например, И.Д. Сапожников уточняет, что «гармоничность культурного ландшафта определяется прежде всего антропогенным фактором, способностью и стремлением социума вести экофильное,

рациональное природопользование»¹⁴⁰. То есть, в культурном ландшафте социальная составляющая должна обладать высокой экологической культурой хотя бы на том основании, что такая работа – это в том числе напряжение души.

Активная роль человека по отношению к окружающей его среде находит выражение самых разных видах преобразовательной деятельности оказывающей влияние на динамику культурного ландшафта. Она находит свою непосредственную реализацию в следующих направлениях.

1) В рациональном или же нерациональном природопользовании – особой сфере хозяйственной деятельности по целевому освоению, преобразованию, а также по охране окружающей среды. Поясним такой нюанс: рациональная форма взаимодействия с ландшафтом – это гармоничное сочетание социально-экономического развития с деятельностью человека по освоению и охране географического ландшафта, в то время как обратная (то есть нерациональная) характеризуется с позиции «негативной нормы», то есть выражается в утилитарно-потребительской модели взаимодействия с природной средой, ее восприятие преимущественно в качестве неисчерпаемого источника средств своего существования. Такая модель, конечно же, неприемлема и должна преодолеваться в направлении отношений с природой как с равноправным и самодостаточным партнером.

2) В преобразовании геологической среды с доминирующей «ролевой функцией» в этом процессе городов (особенно и в первую очередь – современным крупным техногенно-промышленным центрам). Например, характер и степень интенсивность воздействия синергии городской среды на геологическую среду во многом детерминирован такими характеристиками города как: профиль, исторический возраст, территориальный масштаб (размер) и пр. качественные и количественные показатели.

Здесь следует подчеркнуть процессы взаимовлияния и взаимоизменения обеих сторон: природной среды и городского

¹⁴⁰ Сапожников И.Д. Культурные ландшафты. Йошкор-Ола, 2015. С. 4-5.

ландшафтного пространства, что в значительной степени обусловлено масштабной деятельностью многоотраслевого строительства. В этом ряду назовем, прежде всего, ряд направлений, распространенных в современном ландшафте – гражданское, промышленное, транспортное, гидротехническое, коммунальное и др., с разными типами конструкций, глубиной их заложения, нагрузок на грунты и т.д.

Надо сказать, геоэкологические факторы, влияющие на генезис культурного ландшафта, заявляют о себе и активно функционируют по целому ряду направлений: во-первых, едва ли ни основным компонентом геологической среды выступает рельеф (поверхность земли), который по мере антропогенной эволюции претерпевает определенные исторические изменения. Особенно активно претерпевает изменения естественный рельеф территории под городом – в связи с процессами и тенденцией урбанизации в общемировом масштабе.

В этой связи можно указать на ряд закономерностей такого характера в отношении трансформационных тенденций рельефа: общее нивелирование рельефного природного ресурса, сокращение разницы высот; нивелировка (точнее сказать – стирание, геоморфологических граней; сокращение (в сторону исчезновения) естественного и, напротив, расширение (развитие) антропогенного микрорельефа; Возрастание отрицательных рельефных формообразований (оврагов, балок, мелких речных долин и пр.) в так называемое «погребенное» состояние; доминирование тенденции на понижение рельефа (как правило, это следствие чрезмерного «выкачивания» и опустошения недр Земли по ходу потребительской деятельности человека, возрастания промышленно-бытовых залежей «вторсырья», то есть отходов (в наиболее явном виде это мы наблюдаем в местностях с горным географическим ландшафтом, особо привлекательным богатством своих недр).

Разумеется, антропогенные изменения рельефа меняют режим склоновых геологических процессов, в большинстве своем не в лучшем

направлении. Кроме того, это массовые процессы урбанизации, о которых мы уже говорили, чрезмерно нагружают природный ландшафт; трансформация подземной гидросферы, начиная, скажем, от таких показателей как питание, температурный режим, до химико-бактериологического состава подземных грунтовых вод. Причем, заметим: проникновение городов, промышленных центров опускается на все большую глубину. Достаточно привести такие показатели: в городах нефтепромыслового типа эти процессы идут на 8-10 км в глубину, в шахтного типа городах – на 2-4 км и т.д. Это опасный симптом, чреватый нарушением природного баланса.

Во-вторых, следует отметить, что отличительной чертой геологической среды городских и промышленных территорий является формирование своеобразной специфической зоны в верхних слоях литосферы. В этой среде природные геологические образования в той или иной мере замещены антропогенными накоплениями и строительными объектами. Природные и искусственные элементы находятся здесь в тесном взаимодействии, а геологические, прежде всего, гидрогеологические и инженерно-геологические процессы подчинены как естественной (сезонной) ритмике, так и техническим циклам. Еще одной не менее важной проблемой является реакция геологической среды на строительство автомобильных дорог, которые исторически располагаются в самых различных (по рельефу, геологическому строению, гидрогеологии и пр. отличиях) ландшафтных территориях. Причем, нередко в таких условиях, в которых другие инженерные сооружения стараются не возводить (заболоченность, сложный климат и пр.). Скажем, в таких местах, как северная часть Тюмени, Томской области, уровень заболоченности «зашкаливает» свыше 90%.

В таких случаях дорожное строительство сопряжено с необходимостью корректировки рельефа (часто прибегают, например, к методу насыпей, выемок с соответствующим воздействием на геологическую среду. Как следствие этого – создание новых геоморфологических форм, изменение

поверхностного стока, зачастую чреватое осушением, или же наоборот, переувлажнением этой и близлежащих земель. Одновременно нарушается режим грунтовых вод.

Однако геоэкологический фактор особенно зримо проявляется в ряде важнейших для человека и природы сфер: в сфере сельскохозяйственной деятельности, то есть, в земледелии как в специализированном древнейшем виде деятельности на ранних стадиях, точнее, еще на «заре» человеческой цивилизации. Самое масштабное влияние земледелия на окружающую среду состоит в уничтожении природной растительности на огромной площади и замена ее растительностью культурных полей. Статистика свидетельствует: 8% суши, представленные антропогенными пустынями и бедлендами, – прямое наследие прошлой сельскохозяйственной деятельности человека, земли, исключенные из биологической продуктивности за историческое время. На 38% суши биологическая продуктивность значительно понижена в результате деятельности человека, из них 13% – это сельскохозяйственные земли, где в среднем биологическая продуктивность существенно меньше (по сравнению с природной отдачей).

Заметим, что крайне важное значение имеет изменение биологического круговорота веществ природных экосистем при их замене агросистемами, что приводит в общепланетарном масштабе и к изменению геологического круговорота веществ. Так, например, вынос биофильных элементов в геологический круговорот после распашки территории возрастает от двух до десяти раз (в зависимости от зоны).

Одним из активных (в общем ряду многообразных) воздействий человека на биосферу таковых, имеющих глобальное значение, является вырубка лесов, и, что печально и тревожно, скорость сокращения которых сегодня поистине устрашающая. Например, еще в первые века нашей эры большая часть Европы была покрыта девственными лесами, которые безжалостно вырубались, а иногда и выжигались. Существовало даже религиозно-этическое обоснование уничтожения лесов как «свидетелей

дикости страны, господства язычества и варварства». Для нас парадоксально, но... в средневековой Франции король нередко жаловал лесными угодьями дворян, дававших обещания вырубать леса. Сегодня в Европе уже не осталось первичных девственных лесов (им на смену пришли «вторичные», или же «самовосстановившиеся», или «рукотворные», посаженные людьми. Примечательно, что примером наиболее крупных лесных массивов сегодняшнего мирового ландшафтного пространства, являются леса нашей страны и лесные зоны Бразилии (по площади леса занимают почти 66% ее территории).

Не менее глобальное значение для генезиса ландшафтов (и большой проблемой) имеет процесс опустынивания – деградации почв, детерминированный изменением климата и антропогенным фактором. Оно является прямым следствием сокращения площади лесов и связанным с этим изменением круговорота воды. Наиболее явным последствием опустынивания, как мы уже отмечали ранее, являются деградация пастбищных угодий и падение производства продуктов питания. Опустынивание сопровождается снижением биологической продуктивности земель, сменой доминантов растительного покрова. Факты таковы: на данный момент о площадь пустынь мира составляет 48 млн. км или 36,3% поверхности суши; причем антропогенные пустыни составляют примерно 6,7% поверхности суши. Более того, уже 70% всех засушливых земель планеты ощущают опустынивание. Чрезвычайно тревожная симптоматика. Природа в таком ракурсе, безусловно, нуждается в защите охране и приумножении своих ресурсов.

Обобщая, скажем, что главные особенности геоэкологической концептуализации культурно-ландшафтно сферы состоят в следующих моментах: а) в гармонизации природной, социальной и производственной подсистем; б) в оптимальном и стабильном функционировании; в) минимизации деструктивных факторов и самих процессов; г) в хорошей с точки зрения здоровая среде обитания; д) в периодичности мониторинга; е) в

антропогенной регуляции, охрана и уход; ж) наконец, в высоком художественном достоинстве пейзажного облика. Так должно быть в идеале. Сюда же мы относим наличие продуманной законодательно-правовой базы. Но, к сожалению, практика эксплуатации культурного ландшафта не всегда удовлетворительная.

Однако мы полагаем, одного законодательного «волеизъявления» и правоохранительной государственной политики, конечно же, недостаточно. Нужна модель перестройки массового общественного культурно-исторического сознания – речь идет, прежде всего, о «собственно российской» действительности. И вот здесь важен, на наш взгляд, «курс знаний» – накопительный багаж, раскрывающий непростую жизненную панораму очеловеченной природы¹⁴¹. Тем более, что, не столько в мире осталось «частей суши», то есть такой земли, на которую бы ни ступила «нога человека. Как раз наоборот – большинство земель уже подверглась далеко не положительному воздействию «от руки» антропогенного фактора: печально, но факт.

В целом же нам представляется, что сказанное выше свидетельствует о том, что все рассмотренные природно-антропогенные и геоэкологические процессы, так или иначе опосредованные взаимодействием человеческого ресурса, не просто изменяют облик ландшафта (это достаточно очевидно), но, с учетом упреждения отрицательного эффекта, требуют пристального взвешенного их изучения и, что важно, научно обоснованных рекомендаций специалистов.

Здесь представляется важным заострить внимание на аспекте, связанному со смыслами и коннотациями понятия «ценностное отношение к миру». Феномен «ценностного отношения к миру» имеет весьма длительную историю, эволюционируя (развиваясь) по мере развития общества и культуры. Поскольку, на наш взгляд, оно находится в корреляции с

¹⁴¹ Николаев В.А. Учебно-методический комплект дисциплины: Ландшафтоведение. Саранск, 2007. С. 5.

концептом «культурный ландшафт», который (в одной из множеств его трактовок, определений) мы склонны обосновывать в качестве формы «ценностного отношения человека к миру». Как показывает изучение источников, в которых исследуется тематика аксиологического, то есть ценностного отношения к миру, в данную область включаются предельно общие вопросы, касающиеся любви к природе, бережному к ней отношению, реализации (особенно в традиционной культуре) принципа природосообразности.

Все они образуют собой предельно широкую сферу отношений «человек – мир». Причем, в первую очередь, окружающий человека мир рассматривается здесь с точки зрения его значения для человека, то есть ценностно. В самом деле, человек в своих отношениях и различных взаимодействиях с окружающим миром проявляет себя, всесторонне, то есть универсально. Это означает, что в силу своей «человеческой природы» человеку генетически свойственно стремление к творческому многогранному и всестороннему самовыражению. Это та платформа, на которой строится наше деятельное отношение человека к миру, находящее свое непосредственное проявление в самых разнообразных формах. Исходя из такой установки, человек мотивированно созидает и преобразовывает окружающий мир, реализуя свои основные интересы и потребности.

Можно сказать, что взятые в своей совокупности различные формы отношений и взаимодействий «человек-окружающий мир» образуют собой предельно широкую форму жизненного мироотношения и трактуются представителями философского и культурологического знания как «ценностное отношение к миру», которое означает, во-первых, восприятие мира с точки зрения его смысла и значения для человека. Во-вторых, раскрытие роли материальных и духовных явлений, предметов и процессов в человеческой жизнедеятельности. И в этом плане человек представляет собой «существо оценивающее» (так говорил, например, Н.А. Бердяев), а Протагор, античный философ, называл человека «мерой всех вещей»,

подчеркивая тем самым высокий статус человека как деятельного и мыслящего существа, отличного от природного мира.

То есть, понятие ценностного отношения к миру, будучи вплетенным в общую ткань всей духовно-практической деятельности, можно полагать как специфическую органичную субъектно-объектную связь, сопряжение мыслящего человека и «молчаливого» (неодушевленного) миров. Как правило, именно в рамках ценностного отношения мы проявляем себя как существа мыслящие и разумные, полноценно и многогранно раскрывая свою «человеческую сущность». Причем, данное отношение к миру не возникает «ниоткуда», а, являясь достаточно древним культурно-историческим феноменом, устанавливается и прогрессирует по мере становления самого человека как мыслящего и деятельного существа.

Так мы подошли к тому, чтобы попытаться сформулировать сущность ценностного отношения. По ним, на наш взгляд, правомерно будет понимать особого рода связь, взаимодействие субъекта и объекта, в рамках чего происходит выявление, переживание и осмысление социокультурного значения объекта (предмет, явление, процесс и т.д.) для бытия субъекта. Это многоаспектный феномен, включающий в себя: объективный аспект (качества, свойства вещей), так и субъективный (личностное восприятие и мироосмысление), психологический (чувства и переживания), социологический, педагогический и другие аспекты и грани. Обобщенно можно сказать, что ценностное отношение к миру – это и есть содержание культуры, которая в свою очередь, является способом существования человека в качестве человека, живущего в природном и культурном ландшафте. В этом смысле культура – это мера человеческого в человеке, а культурный ландшафт – синтетический и пограничный (на стыке естественных, гуманитарных наук, промышленности и искусства) феноменом. А шире – феномен, функционирующий в границах двух миров: человеческого и природного.

В русле наших рассуждений следует подчеркнуть, что на общем фоне рисков современной техногенной цивилизации важное значение приобретает еще один важный аспект мироотношения, связанный с формированием новой парадигмы сопряжения «человек – природа». Он предполагает новый взгляд на понимание места и роли природы в жизнедеятельности человека – жителя третьего тысячелетия. Говоря так мы, прежде всего, имеем в виду, что на момент третьего тысячелетия взаимосвязь системы «Человек – природа» такова, что связь «мира человека» и «мира природы» с необходимостью предстает единой коэволюционной целостностью¹⁴². К сожалению, такая парадигма сосуществования до сих пор не учитывается в полной мере в определении современных научных стратегий, нередко опасных и вредных для человека. Вряд ли сегодня следует спорить с очевидным: природа все чаще предъявляет свои претензии к человеку и выдвигает жесткие, но вполне правомерные требования к нам, жителям планеты Земля.

На фоне изложенного мы склонны согласиться с исследователями, которые, озадачиваясь нарушением экологического баланса планеты Земля, пишут о том, что «Во второй половине XX века человечество столкнулось с рядом принципиально новых глобальных проблем, влияющих на судьбы Земли и человеческой цивилизации в целом. «Впервые за все время существования жизни на Земле столь остро поставлен вопрос вообще о возможности выживания человечества»¹⁴³. Наверное, под этим тезисом подписались бы миллионы. На пороге очередного вызова истории философская рефлексия данных процессов своевременна и необходима¹⁴⁴. С этих позиций свою дополнительную актуализацию приобретает парадигма взаимного и гармоничного взаимодействия человека и природы, в которой в

¹⁴² Калинина Г.Н. Наука: прерванный триумф (философско-культурологическая рефлексия динамики научной рациональности): монография. Белгород, 2008. С. 156.

¹⁴³ Виноградов О.В. Коэволюционные механизмы в традиционной культуре: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.08. Вологда, 2000. С. 10.

¹⁴⁴ Герасимов А.А. Технизированное общество: социально-философский анализ. Автореферат дисс... к. филос. н.: 09.00.11 /Социальная философия по философским наукам. Саратов, 2013. С. 3.

качестве одного из путей преодоления глобального кризиса современного человечества нами рассматривается сохранение, восстановление и развитие культурного ландшафта. И это, на наш взгляд, оптимальная модель ценностного отношения человека к миру.

Нам представляется, что высказанные нами суждения, не будучи чуждыми современной геоэкологии, перекликаются, а точнее – сопрягаются с воззрениями наших соотечественников – ученых, мыслителей, образовавших движение антропокосмизма, который «пытался проанализировать и исследовать механизм взаимодействия внешнего и внутреннего мира человека и его социоприродной среды, а также искал пути достойного ответа на вызовы современности»¹⁴⁵. Е.П. Маркина уточняет: «Идея... об условности апокалиптических пророчеств стала откровением для русской религиозной философии, открыв путь для разработки активной творческой эсхатологии, которая дает надежду на всеобщность спасения»¹⁴⁶. Разве не эти актуальные и новаторские (отчасти даже для сегодняшнего тысячелетия) идеи русских мыслителей, следовало бы взять на вооружение современному человеку? Полагаем, что ответ на этот вопрос по причине своей очевидности и «простоты» ясен и нуждается в уточнении. Мы лишь добавим к сказанному мнение исследователей, согласившись что, конечно, это «была оптимистическая традиция, «иная точка зрения»: взгляд на человека и человечество из Космоса, осознания себя как космического феномена и своей неразрывной, солидарной связи друг с другом, с Космосом и вселенским бытием»¹⁴⁷.

Именно об этом говорил и верил в высокую «миссию» человека сам автор данной концепции развивающейся гармонии, ее разработчик

¹⁴⁵ Маркина Е.П. Философско-культурологическая интерпретация феномена антропокосмизма. Дис. к. филос.н. 09.00.13. Орел, 2016. С 4.

¹⁴⁶ Там же. С. 65-66.

¹⁴⁷ Филенко Л.П. Русский космизм: социокультурный проект и рациональный конструкт / 09.00.13. Белгород, 2012. С. 3-4.

выдающийся русский философ В.Н. Сагатовский¹⁴⁸. В существе своем процессы сопряжения культуры и географического пространства, протекающие в границах семиосферы, апеллируют к пониманию культурного ландшафтной среды как «динамического единства географического пространства и человеческой деятельности во всех ее проявлениях; как «эстафеты поколений»¹⁴⁹, о чем мы не раз писали в цикле ранних работ.

Таким образом, в ходе рассмотрения проблематики данного параграфа мы пришли к ряду обобщений.

1) Культурный ландшафт – это телесно-составной организм с присущей ему морфологией, или анатомией, и одновременно ландшафтная сфера, будучи предельно сплошной и континуальной, то есть непрерывной), закономерно генетически связана и происходит, точнее – вырастает из прошлого. Надо заметить, такое понимание ландшафтного пространства не является новым – история культуры отсылает нас к позапрошлому XIX столетию, когда утверждалась традиция понимания и видения организма как «атома жизни». Это в равной мере как социоприродный, так и знаково-символический феномен.

2) Анализируя природно-антропологический и геоэкологический факторы в контексте проблемы эволюции культурных ландшафтов, мы пришли к выводу о том, что предпочтительнее говорить не о каждом отдельно, а о взаимодействии всей совокупности факторов, участвующих в культурно-историческом генезисе культурного ландшафта. Одновременно мы отмечаем сложности

3). Поскольку культурный ландшафт представляет собой многоуровневое образование, постольку правомерно говорить о синтезе

¹⁴⁸ См. об этом как ранние работы философа, так и его последние труды. Сагатовский В.Н. Целостный подход в образовании целостного человека // Современное образование в контексте целостного подхода. Томск, 2005; Сагатовский В.Н. Философские категории. Ч. 1. Онтология. СПб, 2011. С. 102 с.

¹⁴⁹ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 106-107.

геоэкологического и природно-антропологического факторов, оказывающих воздействие на генезис культурного ландшафта, с учетом индивидуальной специфики всех факторов.

4) С позиций философско-культурологических интерпретаций, «культурный ландшафт» – это универсальное, генетически связанное с культурой, формообразование, генезис которого сопровождается изменениями под воздействием всей совокупности природно-антропогенных и геоэкологических факторов, при том, что последствия современных трансформаций определяются уровнем культурного и нравственного созревания человечества.

В целом, как явление культуры, если рассматривать ландшафт безотносительно к парадигмам ее понимания и трактовок, культурный ландшафт предстает синтетическим пограничным феноменом, объемлющим собой человеческий и природный миры.

2.2. Семиотические смыслы и образы природы в культурно-исторических типах ландшафта

Приступая в рамках данного параграфа к аналитике знаково-символических образов природы в культурно-исторических типах ландшафта, мы постараемся показать (с опорой на предыдущий материал), что, в существе своем современное «геокультурное пространство» представляет собой глобальную культурно-семиотическую знаковую систему, на фоне которой происходят процессы взаимодействия культуры и пространства. Причем данное взаимодействие носит проблемный характер. Частично в главе первой мы уже касались данного аспекта проблемного взаимодействия культуры и пространства в русле семиотического анализа. Поэтому нам представляется важным выявить, каким образом осуществляется знаково-символическая и информационно-знаковая

представленность образов природы в культурно-исторических типах ландшафта.

В этой связи мы считаем целесообразным остановиться вначале на концепте «природы», эволюции его понимания в разных культурно-исторических системах духовного производства, осуществляя рефлексию процессов образов природы на разных стадиях культуры. Одновременно надо понимать, что «Собственно культурная деятельность заключается в том, что ее языки используются для перевода участков реальности в семиотические системы, в тексты. Жизнь становится текстом в связи с необходимостью объяснения ее скрытого смысла или придания ей этого смысла, проживающим жизнь субъектом»¹⁵⁰. Согласимся с Ю.М. Лотманом в том, что «всегда следует постигать не слова, а то, что они обозначают»¹⁵¹.

Генезис рационального познания природы в своем «классическом» варианте связан с основными «технологиями» и парадигмами познания природного мира, восходя к периоду становление классического естествознания и научных революций (первая датируется XVII веком) с установкой на построение абсолютно истинной (механистической по типу) картины природы на основе изучения законов ее регуляции и развития. При этом доминировало натурмагическое отношение к миру и «скрытым силам» природы. Налицо была бинарность оппозиции двух миров: «небесное» (совершенное), с одной стороны, и «земное» – (ситихийное, зависимое, несовершенное). Второй подход лег в основание эмпирического познания, его прообразом, где в явном виде присутствовало соотношение сакрального и профанного¹⁵². «Все это – знаки отнесенности знания к эпохе Нового времени),¹⁵³ когда люди «догадались», что природа познаваема, представима

¹⁵⁰ Климова С.М. Философия текста и возможные интерпретации реальности // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы. Белгород, 2007. С.215.

¹⁵¹ Лотман Ю.М. Риторика – механизм смыслопорождения // Семиосфера. СПб., 2000. С.183.

¹⁵² Калинина Г.Н. Наука. «Другое знание». Человек. Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 147.

¹⁵³ Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. Т. VII. № 1, 2006. Москва. С. 4-14.

в логике понятий, и изобрели соответствующие, основанные на наблюдении и эксперименте орудия познания?»¹⁵⁴. Эти процессы привели к изменению мировоззренческого статуса данного периода, что выразилось в насыщении природы самодвижением, в появлении «законов природы».

Сама же природа на фоне данной модели мироустройства превратилась в «механизм» и оказалась готовой к ее исследованию экспериментальными методами, а человек-субъект провозглашался «активным началом», противостоящим «природной материи», наделяясь правами по изменению природы способами «силового давления» на нее. А сам «тип такого познания был санкционирован как достойный и правомерный тип социально полезной деятельности»¹⁵⁵. Со своей стороны А.В. Ахутин поясняет: «Такое понимание природы выражалось в культуре Нового времени категорией «натура» (в отличие от греческой традиции, где отсутствовало такое понимание и где универсалия «природа» выражалась в категориях «фюсис» (качественно отличная специфика каждой вещи и каждой сущности, воплощенная в вещах) и «космос» – представление, ориентировавшее человека на постижение вещи как оформленной материи, с учетом ее назначения, цели и функции»¹⁵⁶.

В новоевропейском обществе господствует емкий афоризм философа Ф. Бэкона «знание – сила», общество согласно относительно того, что познание мира должно вести к господству над ним. Общенаучная картина мира предстает в виде универсума – гигантской машины, «огромных механических часов со множеством зубчатых колес». Когда искусственная среда, в ходе коренных изменений своего функционирования, обособляется от человека, она начинает развиваться по своим законам, в результате чего «человек имеет дело с отчужденными сущностями, с псевдокультурой. Все это возникает в результате развития деструктивного элемента, когда общество запоздало, несвоевременно реагирует на сложившиеся

¹⁵⁴ Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 315.

¹⁵⁵ Там же. С. 148.

¹⁵⁶ Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время. М., 1978. С. 164.

обстоятельства»¹⁵⁷. Эта тенденция налицо в современной практике отношения к природе, о чем мы не раз говорили в тексте работы.

В эпоху практического рационализма набирает темпы парадигма прагматического, утилитарного и материального интереса к природе, к ее географическому ландшафту, что вытекало и «диктовалось» задачами практики в самых разных формах: от тонкостей обработки земли, выращивания скота, ренты, аренды, горнорудного дела и металлообработки до организации мануфактур и рынка. Нет более «высоких» и «низких» предметов природы и видов труда, – есть лишь интерес к практическому знанию для пользы человека. Эта установка становится моделью для остальной культуры. Иначе говоря, человек на новой культурной почве спешил к освоению новых природных и культурных реалий, благодаря чему и функционализм мануфактурного производства, и разноголосица парламентских дебатов, и многообразие необычной флоры и фауны открываемых земель, и своеобразие обычаев неизвестных ранее народов, – всё воплощались в культурном ландшафте эпохи, запечатлеваясь в культуре в знаково-символических образах, одновременно становясь новыми формами художественной и личной свободы

В контексте изложенного представляется небезынтересной показательная иллюстрация «вхождения» символического образа Декарта – основоположника картезианской методологии – в новоевропейскую культуру уже не как ученого, а как законодателя европейской моды и садово-паркового искусства целого государства. Так, Э. Фридель в книге «История культуры Нового времени» отмечал, что школа Декарта «неудержимо распространяла свое влияние не только через знаменитую логику, «искусство мыслить» Пор-Рояля и «поэтическое искусство» Буало... его школой сделалась вся Франция – государство, экономика, драма, архитектура, дела духовные, стратегия, садовое искусство – все стало картезианским... В трагедии, где страсти

¹⁵⁷ Герасимов А.А. Технизированное общество: социально-философский анализ. Автореф. дисс. к. филос.н. / 09.00.11. Саратов, 2013.

боролись друг с другом в комедии, где развивались алгебраические формулы человеческих характеров в пространстве, окружающим Версаль, где господствовала абстрактная симметрия садов, в аналитических методах ведения войны и народного хозяйства, в дедуктивном церемониале причесок и манер, танцев и светской беседы – везде как повелитель неограниченно царил Декарт. Можно даже утверждать, что до сего дня каждый француз в какой-то мере прирожденный картезианец»¹⁵⁸. По-видимому, с учетом наших рассуждений, мы вправе говорить о том, что ландшафт – это, помимо всего, еще и форма бытия искусства в разных его типах и жанрах.

Обращение к духовной атмосфере античности, «готического (позднего) Средневековья, Ренессансной эпохе, к нововременному периоду Ф. Бэкона и Р. Декарта показывает, что ее идеалы и идеология, основные мировоззренческие парадигмы и культурные универсалии образуют ее неповторимый «интеллектуальный климат» (выражение М.К. Петрова), под влиянием которого создаются новые образы. «Они, в свою очередь, получая свою знаково-символическую визуализацию предметно-материально воплощаются и бытийствуют в культурном ландшафте эпохи. Эти образы становятся ее «говорящими», наглядными символам – текстами и знаками, прочтение которых наполняет их новыми смыслами и коннотациями, скажем, с «высоты» современностью. Тем самым они обретают свою «новую» жизнь на культурно-историческом и природном фоне»¹⁵⁹. Отчасти нашу мысль подтверждает расхожесть термина «ландшафт» в практике проектирования и создания парков: это широко употребляемые сочетания «ландшафты садов и парков», и популярные ныне «садово-парковые ландшафты») и другие вариации при сохранении общей сути понятия «культурный ландшафт».

¹⁵⁸ Федотова В.Г. Меняющаяся повседневность как неизменная граница познания и практики. // Эпистемология и философия науки. Москва. Т. IV. 2005. № 2. С. 99.

¹⁵⁹ Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С. 152-153.

И еще немаловажный аспект, который нам следует прокомментировать с собственных позиций. Анализируя основные концепции культурного ландшафта, принятые в современной культурной географии, Лавренова обращает внимание на то, что «взгляд географа на художественное пространство литературных или живописных произведений определяется желанием увидеть за ним образы географического пространства и, напротив, восприятие географического пространства представителями той или иной культуры во многом определяется искусством»¹⁶⁰. И это так, поскольку, как мы постарались показать по ходу работы, формирование культурного ландшафта в процессе его генезиса является ни чем иным, как вполне закономерным результатом сотворчества человека и природы. Хорошо об этом сказала О.А. Лавренова: «Универсальные категории культуры, такие как ощущение времени, ощущение пространства, дихотомия «сакральное – профанное» и другие имеют свое выражение в культурном ландшафте»¹⁶¹. В основании такого понимания лежит парадигма мироустройства, полноценное жизнеобеспечение которого только и возможно на пути комплиментарного взаимодействия всех формообразований культуры.

Интересно, что в свое время русский мыслитель М.М. Бахтин предложил концепцию поступка, в которой правомерно оговариваются ценностные (этические и эстетические) отношения цельного человека¹⁶². В данной связи обратимся к аспекту, связанному с понятием «деконструкция» и производными от него («машинность» и «симулякр»), не полагая их идентичными. Так, если термин «деструкция» ассоциируется с разрушением, то значение связано с «машинностью» (разборка чего-либо на части для последующего употребления в каком-то, возможно уже другом, качестве и функциональности); понятие «симулякр в классической эстетике употребляется как выражение чего-либо, имеющего похожесть на

¹⁶⁰ Лавренова О.А. Семантика культурного пространства. Автореф. д. дис. /24.00.01. М., 2011. С. 8.

¹⁶¹ Там же. С. 6.

¹⁶² Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986. С. 103.

действительность, подражание ей. Сегодня все чаще этот термин употребим в отрицательном контексте (не имеющее смысла и содержания, проще говоря, как обман. Данный термин широко употребляется в работах Жана Бодрийера именно в этом значении.

Так вот, «деконструкция» (по Ж. Деррида) – это особое отношение к тексту (его «разборка» и «сборка», «репрессия», «расчленение», «перетасовка» текста с последующим изменением «присутствия в нем смысла»). Здесь наличествует своего рода «расставание» с универсальным художественным языком, смешиваются жанры, стили литературы, архитектуры, живописи, театра, кинематографа. По большому счету, происходит размывание, стирание демаркационных линий, а в крайнем варианте – разрушение всех границ между ними. Говорится и о сохранении конфликта между методологиями «описания феномена понимания и ориентирующей на деконструкцию исследуемого текста»¹⁶³. Такие явления культуры, как «деконструкция», «машинность», и уж тем более «симулякр» мы, порой с недоумением, наблюдаем в современном авангардном искусстве (и мировом, и отечественном), в эстетическом его компоненте, прежде всего.

Нередко первым впечатлением от такого «культурного ландшафта» в ходе его визуализированного восприятия мы впадаем в состояние некоторого «эстетического ступора». Отчасти по причине «странности» таких визуализаций, скрытого (и не понятного «рядовому обывателю» коннотаций и смыслов, заложенных авторами в созданные ими образцы искусства. Хотя нередко недопонимание современных шедевров «списывается» на неспособность многих потребителей сегодняшнего искусства проникнуться мотивами элитарного искусства.

Особенно наглядно это проявляется в живописи и архитектуре (в частности, в сфере архитектурного дизайна, стоящего сегодня вне конкуренции с «классическими» его образцами и моделями. Представляется,

¹⁶³ См.: Кротков Е.А., Манохин Д.К. О специфике филологического знания // *Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы* / под ред. В.П. Римского. Белгород, 2007. С. 195.

что такая ситуация одна из иллюстраций разрыва массовой и элитарной слоев современной постмодернистской культуры. Данный разрыв отражается в явном виде и достаточно масштабно на феномене культурного ландшафта, где антропогенный фактор весьма представлен.

Обобщенно скажем так: если допустима констатация системного процесса деконструкции в эстетике современного культурного ландшафта, то ее чертами выступают такие характеристики, как принципиальная несистематичность, незавершенность и открытость конструкции, плюрализм языков, порождающий «миф о мифе», «метафору метафоры», или же «рассказ о рассказе» и пр. Это – первое.

Второе, на что мы обращаем внимание в части процессов семиотизации природы, е знаково-символической и информационно-знаковой представленности ее образов в культурно-историческом контексте ландшафта, это аспект, «замешенный» на традиционной парадигме понимания и трактовки культуры как «второй природы». Здесь наблюдается тенденция замены (замещаемости) органики мира его естественным подобием.

Типовым примером может послужить роман Ж. Перека «Вещи», в котором автор хорошо показывает, как на фоне панорамы жизни героя его «дом-жилище», «родной очаг» подменяется «пустым местом», «ничейной площадью», а «родные вещи» героя становятся хрупкими, превращаются в «вещи-однодневки». В результате происходит кардинальный разрыв с прошлым. От имени героя автор, переживая такую «деконструкцию» прежнего образа мыслей, чувств и состояний, а по сути, от прежней жизни, задается глубоким философским вопросом о способности современных людей человек в новой среде, а шире – о возможности приспособления к новым обстоятельствам жизни, к существованию «в мире симулякров».

Смысловая нагрузка здесь нам видится в проекции эпизода жизни героя на ту или иную модель – образ мира, встроенную в сознание каждого человека, живущего в нем не только объективно, но и индивидуально-

уникально, то есть субъективно. Однако, для того чтобы человек мог существовать в «реальной реальности», а не в иллюзорном его симулякре, его модель должна иметь все же некоторое общее сходство с «настоящей» реальностью, так как же большая их часть образов и представлений человека основывается на информации, получаемой в ходе коммуникации. Изменение общества влечет за собой потребность человека к пересмотру своей системы образов, в приведение их в соответствие с реалиями окружающей среды, с культурным ландшафтом. По сути, «все, что мы называем реальностью, культурой, наукой, миром чувств и т.д., есть ничто иное, как система знаков, семиоз человеческого бытия»¹⁶⁴.

Напомним, общая типология культурных ландшафтов, базируется на классификационных признаках, в зависимости от которых осуществляется их градация. К таковым относятся: во-первых, степень культурных преобразований и жизнеспособность ландшафта; во-вторых, историческая функциональность и ориентация (сельскохозяйственные, и промышленные, заповедные и мемориальные, сакральные и пр. разновидности); в-третьих, тот или иной тип культуры с собственным «подчерком» освоения ландшафтной территории, определяющим ее «лицо», облик ландшафта (это такие ландшафты, как: усадебный, дворцово-парковый, монастырский, горнозаводской, военно-исторический, архаичный – традиционный сельский и городской – исторические кварталы. И, наконец, четвертый классификационный признак – природные характеристики ландшафта.

Причем, оценка культурных ландшафтов осуществляется по оценке степени культурных преобразований и по его жизненной функциональности, в соответствии с чем принято различать их основные категории культурных ландшафтов: целенаправленно созданные; естественно сформировавшиеся и ассоциативные ландшафты. По-видимому, все же для более полной характеристики ландшафта лучше проводить его типологию по нескольким

¹⁶⁴ Климова С.М. Философия текста и возможные интерпретации реальности // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы. Белгород, 2007. С. 215.

классификационным признакам, особенно в связи с оптимизацией решения проблемы культурного наследия ландшафта как национального достояния любой страны.

Наш исследовательский интерес концентрируется главным образом вокруг культурно-исторического типа целенаправленно созданных ландшафтов (они же рукотворные). В эту категорию включаются: ископаемые (памятники археологического или палеонтологического наследия); реликтовые (усадебные, дворцово-парковые и монастырские); развивающиеся при участии и поддержке человека в плане восстановления, сохранения и развития) культурные ландшафты.

Под таковыми мы будем понимать создаваемые по творческому замыслу художника объекты ландшафтной архитектуры – парки и сады, выполненные и развивающиеся согласно целенаправленной планировочной композиции, характерной чертой которых является сопряжение их функциональной миссии (предназначения) и выраженных визуально эстетических параметров. По мере надобности мы коснемся ассоциативных ландшафтов, специфика которых характеризуется с позиции представленности в них разного рода культурных ассоциаций (религиозных, художественных и др.). Сюда же входят и «сугубо природные» – мемориальные и сакральные ландшафты. Они в качестве памятных, сакральных местностей и пр. органично вписываются в историко-культурное ландшафтное пространство без изменения их естественной ритмики и эволюции.

Их специфика, на наш взгляд, состоит в характере культурной компоненты, преимущественно представленной не в материальной, а именно в ментальной форме. А именно – по определенной ассоциации объекта с каким-либо феноменом культуры. Одновременно следует понимать, что поскольку каждый тип ландшафта имеет свои структурные особенности, определяемые типологической принадлежностью, постольку дать унифицированный перечень строгих алгоритмов их описания и

типологических различий, достаточно проблематично и вряд ли вообще целесообразно. Подчеркнем: наш интерес к названным двум типам культурного ландшафта обусловлен, прежде всего, тем, что в них запечатлены и представлены исторически и социокультурно обусловленные знаково-символические образы природы. То есть, отражены процессы ее семиотизации, включающие в себя и эстетический аспект – то, что принято называть географической «эстетикой ландшафта», базирующейся на категориях «эстетического восприятия» и «оценки ландшафта» и потому обращающейся главным образом «не к уму, а к чувству и настроению...»¹⁶⁵.

В одной из публикаций мы писали, что «Данный аспект во многом нам представляется важным по причине того, что с ним связана неповторимая, и невыразимая в строгих рационально-логических понятиях «поэзия ландшафта» (образное выражение А. Геттнера), его представленность не просто и не столько в образном, художественном воспроизведении изучаемого объекта (по аналогии, скажем, с историческим романом), сколько в изучении и оценке его эстетических достоинств как особого ландшафтного ресурса, значимого для человеческой духовности и телесности»¹⁶⁶. «Нужно ли отрицать, что прикосновение к вечным красотам природы, постижение природы во всех ее проявлениях вместе с духовным проникновением в гармонию окружающего мира дает нам ощущение счастья? В этом плане исследование ландшафтного пространства как знаково-символической системы культуры оказывает нам, людям, хорошую «услугу»¹⁶⁷.

Заметим, что в формировании основных исторических типов культурного ландшафта особое место принадлежит «архитектурному стилю» садово-паркового искусства, в связи с чем выделяют, по меньшей мере, два специфически отличных друг от друга стиля: регулярный (он же геометрический или формальный) и пейзажный (ландшафтный). И если для

¹⁶⁵ Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.; М., 1930. С. 141.

¹⁶⁶ Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С. 154.

¹⁶⁷ Там же. С. 154-155.

первого свойственны (строгая продуманная планировка и территориальное деление, визуальная выраженность геометрии и симметрии форм от площадок до водоёмов и посадок (цветники, аллеи и пр. насаждения), их симметрия и специальная формование и др. Парки, оформленные в таком стилевом решении, отличающемся строгостью и симметрией, в историю культуры и искусства вошли под названием «французский сад». То второй (пейзажный) отличается несколько «обратными» – не унифицированными показателями планировки (асимметричность форм и частей (участков), свободное композиционное решение расположения «живых» насаждений¹⁶⁸.

И мы ранее писали: «В русле современных исследований, опирающихся на трехступенчатый анализ пейзажа: чувственный уровень, семиологический и когнитивный, системный¹⁶⁹, правомерно говорить о семиотике природной среды. Данная позиция может рассматриваться универсально-приемлемой как для садово-паркового, так и для городского пейзажа¹⁷⁰, способствуя рефлексии аспектов образности и эмоциональной насыщенности всего семиотического природного пространства. Критерий читаемости и воспринимаемости ландшафтного пространства (в частности, пейзажа), складывается на пути пересечения двух оценочных факторов: числа базовых визуальных кодов (эстетика пейзажа) и силы ключей прочтения (понимание «системы пейзажа»)»¹⁷¹.

И далее: «На сегодняшний день принято выделять постоянные источники символики: во-первых, «открытые символы» предметного мира, характеристику которых находим у Р. Арнхейма. «Все подлинные метафоры, так или иначе, восходят к выразительным формам и процессам в предметном мире. Произведение архитектуры (в том числе и садово-парковой) – и как

¹⁶⁸ Черкашина И.Ф. Азбука экологической культуры. Ландшафтные парки мира. Ростов-на-Дону, 2009. С. 11.

¹⁶⁹ Танги Ф. Чтение пейзажа. Екатеринбург, 1999. С. 45.

¹⁷⁰ Филатова Т.Н., Толстой Н.И. Структура и морфология обрядовых форм народной культуры. Понятие семиотического инварианта. Идея разложимости сложных семиотик. Самара, 2014. С. 19.

¹⁷¹ Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С. 154.

целое, и в каждой своей части – ведет себя как символическое утверждение, которое, посредством чувств, передает нам фундаментальные для существования человека качества»¹⁷². И, во-вторых, глубинные источники символики, соотносимые с фундаментальным человеческим опытом, из которого возник весь прочий опыт. Так, скажем, ступени в сооружении выступают символом «подъема духа» по ступеням очищения на том основании, что заурядность повседневного восхождения по ступеням наполнена чувством преодоления силы тяжести в многотрудном процессе подъема вверх. Художественный образ может быть выражен символом, принадлежащим к определенной культуре или эпохе, что потребует для его прочтения дополнительных знаний»¹⁷³.

Отсюда следует достаточно простая мысль: буквально вся совокупность соотношений, связей, семиотическая роль всех компонентов садово-паркового ландшафта (в том числе и сугубо утилитарных) имеет свою глубинную логику, которая отражает собой конкретно-историческую специфику эпохи, ее мировоззренческие доминанты и эстетические предпочтения, воплотившиеся в знаково-символических образах. Общая семиотика парков и садов такова, что мотивы садового искусства как феномена культуры обладают свойством «повторяемости» временами «оборачиваясь» во времени, но в несколько измененном виде, воспринимаясь нередко уже «с высоты современности», со скидкой на «сегодня» и «сейчас». Как правило, в русле интеллектуального и особо «эстетического климата» меняется форма, значение отдельных элементов и сюжеты эпохи.

Идейный генезис садово-паркового искусства как неотъемлемой грани ландшафтной архитектуры, восходит к библейскому сюжету, к идее-образу Сада Эдема (райского места первых людей). Будучи носителем глубокой духовности, оно явилось прелюдией и основой для развития широкого

¹⁷² Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм. М., 1984. С. 99.

¹⁷³ Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С. 155-156.

спектра разноплановых объемно-пространственных решений для развития как европейской, и азиатской садово-парковой, шире – культуры. Как отмечает С.С. Ожегов: «Исследование семантики ландшафтной архитектуры античной культуры удостоверяет «полнейшую, можно смело говорить – уникальную, слитность ландшафта древних греческих городов с природой и самим человеком»¹⁷⁴, – жителем античного полиса с его тотальным мифологическим миропониманием с большой ролью в нем философии, искусств и теорией формы знания (математики, прежде всего).

В центре знаковой системы античного полиса мы находим подчиненного космосу бога-человека. Произведениям греческой архитектуры и искусства свойственно стремление к гармонии с природой, с тем уточнением, что в «римской модели» было свойственно определенное противопоставление эстетики геометрических и прямолинейных форм живописности природного окружения». В этом плане садово-парковое искусство было «зеркальным» отражением выражением определенного типа социально-политического городского уклада, имеющего в качестве своей семиотической подосновы здесь символы власти, могущества и благ.

Позволим себе небольшую ремарку: реализуя семиотический анализ культурного ландшафта Древней Греции и Рима (садово-парковый комплекс) мы не стремимся к специальному описанию каждого его типа в отдельности, а постараемся выявить общие характерные черты античной модели ландшафтной архитектуры, сопроводив, разумеется, наиболее типическими примерами принципов организации культурного ландшафта, почерпнутыми нами из исторических источников, сохранивших сведения по Древней Греции и Древнему Риму.

Далее, отмечая идейную подоплеку организации ландшафтной сферы в античной Греции укажем на основные черты данной парадигмы: гуманистическая ориентация на общем фоне мифологической картины мира, дополненная устремлением социума на единение и гармоничное

¹⁷⁴ Ожегов С.С. История ландшафтной архитектуры. М., 1993. С. 129.

сосуществование человека с природой. Его кульминация приходится на середину первого тыс. до н.э., совпадая с вершиной развития идеалов гармонии духовного и телесного начал, когда идея постижения мира путем насильственного препарирования его частей противоречила космическому порядку.

Мы вынуждены с сожалением констатировать: в менталитетах техногенной культуры данная парадигма понимания природы и модели взаимодействия человека с природой и космосом оказалась на периферии (а то и вовсе покрылась забвением). Сегодня превалирует традиция оппозиции «фюзис» (как знание о природе) – «техне» (знание об искусственном). Сами же сады и парки несли основную функциональную миссию – далеко не утилитарную, а полагаясь неким жизненным пространством – местом уединения, бесед (как правило, философских) и внутреннего сосредоточения и душевного расслабления. Философы, мудрецы Эллады черпали здесь вдохновение, под сенью оливковых рощ шло обучение полисной молодежи философствованию – именно туда приходили послушать мудрые речи их ученики.

Главная концепция парков того времени – гармоничная сопряженность с природой, была мотивирована (по Аристотелю) универсальной категорией «счастья», именно этой цели, понятной для каждого эллина, была подчинена главная концептуальная идея. Она реализовывалась через ряд основных принципов: органическое вписывание конструкций в природный, естественного рельеф и образование таким способом вполне «естественных» террас для построек, логически завершаемых скульптурными композициями; минимизированные размеры садов и внутренних двориках жилых домов с обязательным их элементом – мозаично украшенным водоемом и дорожками. Вся эта ландшафтно-архитектурная эстетика прекрасно дополнялась цветовой гаммой, завершая цельный образ композиционного решения – «живая природа» дома, а дом – как часть и уголок природы. Так достигалась гармония человека и природы, включая «храмовые», «публично

общедоступные», «философско-образовательные» сады-школы, особо известные в Афинах, Александрии, Олимпии и других древних городах-полисах.

Иначе говоря, внедрение живой природы в ткань и «тело» античных государств протекало в рамках соблюдения «интересов» природы и на пользу человеку. В этом состояла общая и характерная специфика ландшафтной сферы античного мира при наличии конкретных особенностей в греческой и римской моделях: если в типических образцах греческой архитектуры и искусства превалирует живописность, стремление к гармонии с природой, то в римской модели при ближайшем рассмотрении прослеживается противопоставление эстетики геометрических и прямолинейных форм живописности природного окружения¹⁷⁵.

С нашей точки зрения, в контексте сказанного выше, интересно указать еще на одну важную особенность, связанную с семантикой садово-парковой символики. Она состоит в том, что во все исторические эпохи сады имели свой особый стиль, свое «лицо», притом, что одновременно для каждого стиля были характерны свои растения, свои способы их посадки, сочетания и расположения, то есть своя уникальная семантическая окраска (семантика). При этом свою особую специфическую семантику имели (не только, скажем, фонтаны, каскады, ручьи, пруды или оранжереи) но и лабиринты. Садовые постройки, выполняя строго определенное назначение, в каждом стиле получали свою особую семантическую окраску.

Начиная с античной и средневековой традиции, садовые лабиринты символизировали собой сложную и запутанную жизнь человека. Так, например, 7 смертных грехов и 7 добродетелей встречали его на запутанном жизненном пути; лабиринты могли означать и крестный путь Христа. Неслучайно ведь они изображались на стенах церквей как символы противоречий, терзающих во все века душу (и тело) человека. Иначе говоря,

¹⁷⁵ Черкашина И.Ф. Азбука экологической культуры. Ландшафтные парки мира. Ростов-на-Дону.2009. С. 12.

по своей сути (вплоть до нашего времени) лабиринты представляют собой участки сада, прорезанные хитросплетенным рисунком дорожек с одним или несколькими выходами. Согласно русской культурной традиции, лабиринты проектировались и присутствовали в качестве неотъемлемого элемента буквально во всех наиболее значительных петербургских садах. При этом они практически повсеместно украшались тематическими скульптурными группами. Эта традиция, мы считаем, является существенной спецификой русской культуры и одновременно она говорит о преемственности русского садово-паркового искусства с лучшими традициями европейской культуры и искусства.

Надо заметить, своя «философия лабиринта» присутствует и в русском садово-парковом искусстве были «эрмитажи» или «эрмиты», означавшие места обитания отшельников, уединенные уголки сада. Отсюда понятно, что эрмиты, так или иначе выступая символами определенного сада, несли свою специфику нагрузки – отличались друг от друга разнотипностью. При этом каждый из типов имел свое символическое значение, которое передавалось всему саду. В русском искусстве «эрмитаж» олицетворял собой (и отчасти является сегодня) эмблему, являясь «девизом» сада, рядом с которым он находился. Этой теме посвящены исследования многих отечественных специалистов в области садово-паркового искусства.

Во многом поэтому мы наблюдаем выраженное отличие древнеримского садово-паркового искусства в общем контексте ландшафтной архитектуры, которое во многом диктовалось римской традицией, укладом быта и жизни, отражаясь в той или иной форме и устройении образцов «римской виллы», и в регулярно спланированных садово-парковых ансамблях, несущих помимо эстетики определенную утилитарную нагрузку (плодовый сад и огород – обязательный элемент композиционного решения). Исследователи отдают (и не без оснований) дань уважения римским мастерам по части виртуозного использования горного рельефа, прекрасно вписывающегося в сады и парки и дополненного

искусственными водоемами и каскадами («сады на рельефе» – прообраз «итальянских»), наглядно резюмирует специфику композиции сада, эстетика которого сочеталась с эстетикой пластических и цветочных композиций.

Такие образцы искусства содержали в себе основные приемы, правила и принципы культивируемого декоративного садоводства, найдя своих почитателей и в современной культуре – от устройства фонтанных сооружений и декоративной скульптуры до ассортимента живых насаждений. Неслучайно ведь «сегодня на традициях римских садов основываются многие направления европейского садово-паркового искусства»¹⁷⁶.

Если мы обратимся к семиотике ландшафтного садово-паркового искусства европейского средневековья, то без труда обозначим его типические черты: повсеместное укрепление позиций церкви, доктринально обеспечивавшей (диктовавшей свои «правила игры») всю жизнь средневекового мирянина, что отражалось прямым образом на развитии буквально всех сфер жизни: науки, культуры, искусства, соподчиненных в рамках религиозной догматике (идеологии). Отсюда понятно: внешним и внутренним олицетворением средневековья и средневекового культурного ландшафта выступали, конечно-же и в первую очередь, хорошо известные «монастырские сады», основным источниками для образности и символики, соответственно, были «Страсти Господни» и многочисленные библейские сюжеты с их заданным прочтением и «узкой», специализированной (в духе канонической догматики) художественной интерпретацией. Данная тенденция получила название «символического универсализма». Это, с одной стороны.

С другой же стороны, нельзя отрицать не менее характерную черту данного периода, появлявшуюся в культуре Средневековья, в организации и символической представленности культурного ландшафта. Это глубокое, мы

¹⁷⁶ Черкашина И.Ф. Азбука экологической культуры. Ландшафтные парки мира. Ростов-на-Дону, 2009. С. 13.

сказали, сакрально-трепетное поклонение естественной красоте природы в многоплановости всех ее состояний. Данная тенденция закономерно инициировала и питала еще один источник семантики – гармония естественной и первозданной природой, с которой эволюционирующий человек учился разговаривать на своем языке: «... есть условие и результат взаимодействия человека с другими людьми в рамках культуры, ...продуцирующей и питающейся смыслами. То есть человек интерпретирует знаки в контексте культурно обусловленных смыслов, вставляя эти смыслы в собственную систему знаний, он тем самым синтезирует новые смыслы, которые и возвращает культуре»¹⁷⁷.

Теперь мы сосредоточимся на рассмотрении средневековых садов Западной Европы, прибегнув к конкретике характерных моделей и сопроводив их необходимыми коннотациями. По указанным выше причинам первенство отдадим концепции «монастырского сада» – неотъемлемому элементу всякого средневекового монастыря и одновременно – центру науки и искусства данной эпохи. Помимо выраженной образовательной и оборонительно-военной своей миссии монастырь инициировал развитие садово-паркового искусства, идеологически и доктринально обеспечив основные векторы его развития: мы имеем в виду теологические изыскания в области концептуального обеспечения модели «сад – это рай». Специфические черты монастырского сада включают в себя: небольшая территория, однообразие растительного мира (лекарственные и душистые, как правило, растения¹⁷⁸), строго прямоугольная планировка выровненных внутренних двориков, «глухая» закрытость террас как демаркация от внешнего мира с минимизацией архитектурных форм (фонтан – колодец – скамья – вот и весь их типический набор) имели назначение границы от всего «мирского», греховного.

¹⁷⁷ Болотова Е.А. Информация как философская категория: онтологические и гносеологические аспекты. Дис. к. филос.н. / 09.00.01. Краснодар. С. 122-123.

¹⁷⁸ Черкашина И.Ф. Азбука экологической культуры. Ландшафтные парки мира. Ростов-на-Дону. 2009. С. 21.

Отличительной особенностью этого типа ландшафтной архитектуры являлись Данные композиционно-архитектурные решения дополнялись глубоким символизмом и работали в направлении главной смысловой парадигмы – единение с Богом, Творцом, Абсолютом. Неслучайно поэтому лабиринты и эстетически окультуренные кустарники на общем фоне газона, олицетворяли собой символ поисков заблудшей души грешника на пути познания Бога. Примерами могут служить два уникальных апельсиновых сада, находящихся в Испании. Сад в Кордовской мечети существует с VIII века, Севильский соборный сад – с XVI века. Они очень эффектны, особенно в пору созревания апельсинов, когда деревья сплошь покрыты яркими плодами.

То есть, мы видим: искусство создания садов, как и все другие виды искусства, служит, прежде всего, церкви. Поэтому сады решительно уменьшились в размерах по сравнению с античностью. Функциональность монастырского сада, претерпев трансформацию (в сравнении с античным типом) понималась достаточно «узко» она была подчинена интересам церкви, в известном смысле обслуживала ее духовную и мировоззренческую парадигму и миропорядок.

Говоря о семиотике такого культурно-исторического типа ландшафта, как «светский сад» феодальной Европы ренессансного периода культуры с его главенствующей гуманистической парадигмой, центрирующей собой всю культуру Возрождения (особенно «высокого») отметим следующее. «Во-первых, это стилевое смешение, в ходе чего и барокко, и классицизм в выражали разные системы ценностей. Если первый (барокко) в садово-парковом искусстве несет ярко выраженную символику абсолютной власти человека над другими людьми и над природой (показательна в этом отношении Версальская парковая композиция как символ абсолютной власти «Короля солнца» Людовика XIV), то классицизм ориентирован в прошлое – на возвращение гармонии с природой и самим собой, на обретение

паритетных отношений человека и природы»¹⁷⁹. «Данная (натурфилософская, по сути) знаковая система образов и символов отражала аналогии со свободой и гуманизмом, выстраивалась на традициях романтизма античности, с одной стороны, и «тайн» восточной культуры, с другой»¹⁸⁰, находя непосредственную свою реализацию в композиционных решениях пейзажных парков со свободной от всякой унификации планировкой, а также городских открытых пространств.

В культурно-историческом генезисе садово-паркового искусства особая роль принадлежит итальянскому (вилла Ланте) и голландскому направлениям (ансамбль Хетт – Лоо). При том, что если в основу создания первых (итальянских барочных) садов был положен принцип контрастности рельефа, вторые (барочные сады голландского происхождения) вошли в историю ландшафтной архитектуры как «домашний сад» – и по размеру, и по образу, характеризуясь скромностью скульптурных композиций при одновременной пышности насаждений и растительного элемента (особенно при проектировании огибающих аллей-берсо).

Наконец, мы подошли к эпохе просвещения – характеризуется быстрой сменой целого ряда течений, как в философии, так и в сфере искусства и культуры: рационализм, позитивизм, импрессионизм, символизм), оказав существенное влияние на систему знаков и символов. Можно сказать, вся знаковая система культуры выстраивалась по аналогии с современной системой личных и общественных ценностей: на контрасте форм, линий, материалов, легкости конструктивного решения и внимательном отношении к контексту, к окружающей среде. В данной парадигме природа представлена необходимым элементом полноценного функционирования общества, познается в эксперименте, так как он поставлен в искусственно созданные условия, познается в эксперименте, «проявляя свои невидимые сущностные

¹⁷⁹ Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С. 154-155.

¹⁸⁰ Там же.

связи (известное сравнение эксперимента с пыткой природы, посредством которой исследователь должен выведать у природы ее сокровенные тайны)»¹⁸¹. И хотя к природе сохраняется должное отношение (главным образом – как источнике благ), тем не менее, глубокого образного значения она не получает. Потенциальным источником образов и символов выступают в этот период культуры психика и психология (Юнга и Фрейд) – на фоне некоторого интереса к другим течениям (футуризм, конструктивизм, социальные утопии и антиутопии, философско-религиозный символизм, прагматический реализм и пр.).

Рамки работы позволяют лишь обозначить проблему семиотизации природы также и в лоне восточно-азиатской модели культурных ландшафтов. Причем, основы миропонимания человека-буддиста, образ его мышления особо зримо выражались в знаково-символических композициях архитектурного ландшафта. Религиозная философия формировалась здесь совместно с более ранними анимистическими верованиями, обожествляющими силы природы. Особенно интересны для рассмотрения сады крупнейших стран дальнего Востока – Китая и Японии. Отдельным вопросом стоим «российская почва» генезиса культурного ландшафта (садово-паркового искусства) с собственной спецификой история русских садов и парков.

Теперь посмотрим, как выражалась семиотика природы в контексте уникального «английского пейзажного стиля» – одного из первых на европейской территории XVIII века (его классические образцы – это сады Стоу, Кенсингтон, Карлтонхауз), у истоков которого стоял классический английский ландшафтный парк – гордость ландшафтного дизайна. В XVIII столетии в этом стиле мастерами паркового искусства Ланселот Браун и Хамфри Рептон оформлялся целый ряд приусадебных парковых территорий (в Стурхеде – самый первый такой опыт). Английский стиль постепенно

¹⁸¹ Калинина Г.Н. Наука. «Другое знание». Человек. Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 158.

вошел в моду в Европе, Германии (парк в Мюнхене), позже в России. В период правления Екатерины II создан Царицынский парк (Москва), Екатерининский (Царское село), Павловский (под СПб).

Основные каноны «английского пейзажного стиля» – создание живописных перспектив, непрерывная смена открытых и закрытых пространств, распределение света и тени в пейзаже, слияние парка и естественного ландшафта, а пейзажные парки были ориентированы на чувственное восприятие природы, в связи с чем и цветовая гамма, и продуманная до тонкостей текстура, и освещенность – все компоненты были подчинены «эстетике чувств» и визуальному наслаждению, дополняющемуся специальным эффектом – эффектом движения и динамики всех компонентов садово-парковой композиции. Ее отличительным ландшафтным решением был прием метаморфоза традиционного лабиринта, в холм – «Парнас» с целью достижения нюанса обзора. Это холм с обвивающей его спиральной линией дорожки, увенчанный солитером для создания эффекта множества видовых точек на околосоадный ландшафт (нюанс обзора).

Как говорит И.Ф. Черкашина: «Важным становится все – форма и размер листьев, фактура, цвет кроны, строение «скелета» дерева. Появляется интерес к причудливо изогнутым деревьям, имеющим необычную форму»¹⁸². Основная концепция английского стиля – следование канонам природы. В таком соответствии «девственный лес» формируется «поэтажно», когда под кронами высоких сильных деревьев вырастают более низкорослые породы, под которыми, в свою очередь, формируется подлесок, переходящий в разнотравье¹⁸³. Парк подразделяется на участки, создающие иллюзию и эстетику «маленького мира». Естественная красота природы, искусно подчеркнутая в устройстве английских парков – причина их неизменной популярности в прошлом и в будущем¹⁸⁴.

¹⁸² Черкашина И.Ф. Азбука экологической культуры. Ландшафтные парки мира. Ростов-на-Дону. 2009. С. 22.

¹⁸³ Английские парки. URL: http://www.strou-dom.net/angl_park.html

¹⁸⁴ Пейзажный английский парк. URL: <http://www.2uk.ru/culture/kulture6>.

На полном основании шедевром ландшафтного проектирования является французский сад – парк, как правило, внушительных размеров, с ярко выраженной симметричностью и геометрически правильной планировкой. «Классический французский парк» – это плоское пространство внушительных размеров, его композиция имеет ось, находящуюся четко посередине, а центрируется такой сад обычно фонтаном или же прудом, или, скажем, статуей или памятником. Этот ландшафтный дизайн щепетилен в выборе флоры, растительного компонента и отличается обилием античных скульптур. Основные принципы, по которым формируется французский стиль – целостность, пропорциональность и повторяемость элементов. Для такого сада характерны прямые аллеи, по периметру могут располагаться террасы, с которых открывается потрясающий вид на парк. Его мотивация – удивить роскошью и целостностью ландшафтного проекта, центральный объект которого – здание (верхняя точка парка, оформленного в регулярном стиле, с которой открывается вся композиция)

Аллеи сада формируются при помощи боскетов двух видов: искусственная роща и зеленый зал – для формирования аллей, имитации архитектурных элементов: арки, башни, колонны. Отдельная роль принадлежит газонам, занимающих большую часть парка и водной системе (фонтанов, искусственных водопадов и прудов), центрирующих всю композицию, а так же скульптурам: согласно театральной традиции времен Людовика XIV, когда они служили декорациями при постановке спектаклей и представлений (особенно на мифологические сюжеты, столь популярные у сообщества зрителей). Наиболее типичными примерами регулярных французских парков являются: Во-ле-Виконт (первый значительный садово-парковый комплекс регулярного стиля), сады Версаля¹⁸⁵. Вообще же мы должны понимать: «ландшафтный архитектор работает с естественной

¹⁸⁵ Французский парк. Регулярный парк. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

природной средой»¹⁸⁶, преобразуя ее в согласии, прежде всего, со своим собственным эстетическим чувством (в разумных пределах, разумеется).

То есть, безупречная и разнообразная семиотика данного стиля, воплощаемая исключительно на больших и просторных ландшафтных участках, и, будучи возможной лишь на лоне роскошных дворцовых территорий, символизировала роскошь, красоту природы, одновременно погружая человека в атмосферу торжественности и театральности. В этом, на наш взгляд, кроется главный подтекст семиотизации природной среды и ее тайна, выраженная системой знаков и символов в шедевральных и прекрасных образцах «классического французского парка».

Согласимся с С.С. Веселовой в том, что «растения, особенно цветущие, постепенно входили в повседневный быт... Не теряя своего символического значения, здесь они напоминали о природе как таковой. Культивируемые участки, «отвоеванные» у дикой природы, противопоставлялись ей – и это было не столько облагораживание, сколько создание подобия мироустройства»¹⁸⁷. В целом же можно говорить о закономерности и универсальности процессов семиотизации природы, прослеживающихся во всех культурно-исторических типах ландшафта, так или иначе опосредованных преобразовательно-творческой деятельностью человека («мастера», «художника» и пр.), то есть в «рукотворных» ландшафтах.

Система символов, знаков и образов, которыми был представлен «природный мир», складывалась в культурном ландшафте под непосредственным влиянием многоплановых, нередко сложных и противоречивых процессов и факторов (социально-культурных, идеологических, религиозно-философских и др.), определяющих «дух», умонастроение, интеллектуальный климат конкретной эпохи.

«Вся эта «гамма человеческого бытия», в преломлении ее на конкретно-историческую ландшафтную специфику, находила свое

¹⁸⁶ Ожегов С.С., Ожегова Е.С. История ландшафтной архитектуры. М., 2011. С. 5.

¹⁸⁷ Веселова С.С. Искусство озеленения интерьеров и создания зимних садов: От Древней Руси до эпохи модерна. М., 2012. С. 6.

непосредственное проявление в системе знаково-символических образов. Они, со своей стороны, несли определенную семантическую нагрузку, то есть наполнялись глубокими символическими, аллегориями, метафоричными смыслами, контекстами и коннотациями. Такие «тексты» и «подтексты» нередко содержали в себе какие-то скрытые, тайные, закодированные, сакральные смыслы, требуя особого ключа-кода для их прочтения и истолкования (интерпретации)¹⁸⁸. Особенно если они пришли в культуру «из глубины веков» и «ключ» к их раскодированию утерян. М.Н. Соколов, рассуждая в контексте структурной семантики об «онтологии сада», глубоких смыслов, которыми наполнена пространственная природная символика, пишет: «...но, с другой стороны, существует некая «нить Ариадны» способная предоставить нам в образах»невозможную науку уникального бытия, где всякий «вид» останется «неисчерпаемым», невыразимым в дискурсе, если он проходит «эстетический отбор»¹⁸⁹. Строго говоря, культура взаимодействует, разговаривает, общается с «природным миром» через систему знаков и символов, опосредованно представленных ландшафтными визуализациями.

С позиции культурно-исторической логики, ведущим лейтмотивом всех знаково-символических и информационно-знаковых образов природы в культуре, на наш взгляд, выступала, во-первых, та или иная модель мироустройства и, во-вторых, парадигма взаимоотношения в рамках бинарной оппозиции «человек-природа», при доминировании общей тенденции на абсолютизацию красоты и эстетики природы, визуализируясь в культурно-исторических типах ландшафта.

Позволим по ходу коротенькую (но уместную) ремарку. Классик садово-паркового искусства Андре Лефевр отмечая эстетическую пользу и наслаждение от знакомство с историческими садами мира, говорит, что

¹⁸⁸ Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С. 155.

¹⁸⁹ Соколов М.Н. Три пути в рай: Природа, религия и искусство в пространстве сада. М., 2014. С. 714.

«покорив царство животных, человек должен был овладеть землей, подчинить своей воле растительность. «Нужда-изобретательница» вызвала появление скромного сада, впоследствии превращенного праздностью и роскошью в обширные и великолепные парки и сады»¹⁹⁰. Тем самым мы удостоверяемся: изначально человеком двигал утилитарный интерес, и как прекрасно, что он стал мотивацией мирового садово-паркового искусства, позволив нам наслаждаться его шедеврами.

Таким образом, в ходе анализа проблемы знаково-символической и информационно-знаковой представленности образов природы в культурно-исторических типах ландшафта, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, процесс семиотизации ландшафтного пространства (как результата сотворчества человека и природы) идет по пути его освоения как культурно-семиотической знаковой системы в русле взаимодействия культуры и пространства, эволюционируя по мере смены «картин мира» (моделей мироустройства и миропонимания) и парадигм познания природы (от мифологической, натурмагической, к современной – рационально-прагматической). «Параллельно менялась семантика основных бинарных мировоззренческих оппозиций: «небесное – земное», «сакральное – профанное» и др., отражаясь на семиотизации среды (в том числе и в художественных образах) и реализуясь в культурно-историческом контексте ландшафта на всех стадиях его генезиса»¹⁹¹.

Поэтому правомерно говорить «не только об исторически и социокультурно обусловленном характере знаково-символических образов природы и универсальности процессов семиотизации природной среды, но и о том, что семиотизация среды включают в себя «эстетику» («поэзию»)

¹⁹⁰ Лефевр А. Парки и сады. М., 2010. С. 9.

¹⁹¹ Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С.155.

ландшафта»¹⁹² («эстетическое восприятие» плюс «оценка ландшафта», в совокупности составляющие «критерий читаемости и воспринимаемости» ландшафтного пространства (в частности, пейзажа). Он, в свою очередь, образуется двумя оценочными факторами: числом базовых визуальных кодов (эстетика пейзажа) и силой ключей прочтения (понимание «системы пейзажа»).

Во-вторых, «на сегодняшний день принято выделять постоянные источники символики: во-первых, «открытые символы» предметного мира, восходящие к его выразительным формам и процессам, и, во-вторых, глубинные источники символики, соотносимые с фундаментальным человеческим опытом»¹⁹³. Отсюда вытекает семиотическая роль, назначение всех компонентов культурного ландшафта (в том числе, утилитарных) и их семантика.

В существе своем, процессы семиотизации природы отражают социокультурную «генетику» эпохи (ее мировоззренческий и интеллектуальный климат, эстетические доминанты и пр.), которые воплощаются и предстают в знаково-символических образах природы в культурном ландшафте.

¹⁹² Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С.155.

¹⁹³ Там же.

Заключение

Проведенное исследование проблемы, лежащей в русле философско-культурологического анализа процессов семиотизации природы в основных культурно-исторических типах культурного ландшафта, в том числе в горизонтах аксиологического измерения геокультурного пространства в ноосферных моделях проектирования будущего, позволило нам подвести определенные итоги и сформулировать основные выводы.

Первая группа выводов связана с понятием и методологией исследования культурного ландшафта с позиции его репрезентации в культурно-исторической типологии как семиотической системы, в ходе чего было выявлено следующее.

Объем современной литературы посвященной проблематике культурного ландшафта (шире – ландшафта) достаточно широк уже сам по себе. С учетом же обострения глобальных проблем общепланетарного масштаба, кризиса парадигмы «человек-природа» и ряда других факторов современной культуры продолжает втягивать проблему ландшафтного пространства в эпицентр современных теоретических дискуссий и методологических контrovers. На этом фоне она принимает неоднозначные трактовки от научной дисциплинарной традиции, философской школы или фокуса исследовательского интереса, вплоть до тех или иных авторских предпочтений. Это приводит к еще большему изобилию работ, посвященных феномену ландшафта и процессов семиотизации природы.

Культурный ландшафт и сопряженные с ним вариации («природный», «антропогенный» ландшафт и др.) – это междисциплинарный феномен, концептуально изучающийся специалистами самых различных областей знаний: от права, градостроительства, ландшафтоведения или же, скажем, геоэкологии (актуальной на фоне «таймированной проблематики» (экологический кризис планеты), до искусствоведения и эстетики и др., что приводит к «размыванию» концепта «культурный ландшафт», повышает

степень неоднозначности его понимания и трактовки. Такая ситуация, иллюстрируя сложность данного феномена, существенно затрудняет не только его целостную аналитику в области современной гуманитаристики, а также в сфере естественных и технических наук.

Тенденция такова, что в исследовании культурных ландшафтов на фоне последних десятилетий активизируются взаимодополняющие подходы, по-разному выделяющие основные его цели и особенности – геоэкологический, сближающийся с эколого-ландшафтным, и культурологический. Если первый подход центрируется на факторах антропогенной регуляции, мониторинга для устойчивой функциональности (включая охрану и уход), на эстетической компоненте, то второй работает в парадигме целостного представления о характере взаимодействия вмещающего ландшафта и национальной культуры. То есть, в этой модели культурный ландшафт – «эстафета» поколений».

Мы, со своей стороны, склонны в большей мере разделять синтетический подхода, объединяющий оба направления и трактующий культурный ландшафт как многоуровневое образование. То есть, при том, что длительное время под концептом «культурный ландшафт» понимался любой природно-антропогенный его вариант, невзирая на характер изменений-трансформаций, то сегодня приоритет отдается геоэкологической концепции.

В целом анализ концептуальной сферы в исследовании проблемы культурного ландшафта в рамках российской школы указывает на основную тенденцию в определении его сущности: главным критерием здесь выступает фактор взаимодействия и взаимовлияния культуры и природы, что, разумеется, правомерно. В этой связи мы приоритеты отдаем ноосферному подходу, в центре которого – концепция ноосферы. Ее генезис связан с именами Тейяр де Шардена и В.И. Вернадского, с направлением «русского космизма» – Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и их

последователи: Н.П. Петерсон, Н.А. Умов, Н.Г. Холодным, плюс русская религиозно-православная ветвь.

Данная парадигма особо значимому для нашей проблематики на том основании, что она указывает ориентиры культурно-пространственного взаимодействия в горизонтах диалектики мира. На этом фоне в фокус исследовательского интереса многих зарубежных и отечественных авторов попадает парадигма «культура – природный мир» и шире – «культура – пространство».

Мы пришли к выводу о том, что, в своей интегральной оценке выявленный концептуально-теоретический и методологический плюрализм исследования культурного ландшафта, призван не столько отрицать, сколько дополнять друг друга, и обусловлен как сложностью самой проблематики, так и многообразием аспектов взаимодействия культуры и пространства, процессов семиотизации образов природы в культурно-историческом генезисе типологии ландшафтной сферы. А реализованный опыт критической реконструкции концепта «культурный ландшафт» позволил нам идентифицировать данный феномен не как сугубо географический феномена (узкая, на наш взгляд, трактовка), а как специфическую форму ценностного (в том числе художественно-эстетического) отношения человека к миру, и способ самоидентификации себя в мире. Это, во-первых.

Во-вторых, исследуя генезис культурного ландшафта как знаковой системы в ракурсе семиотического подхода к исследованию культуры, мы взяли за основу семиотическую концепцию М.К. Петрова, сопрягающуюся по ключевым моментам с трактовкой семиосферы Ю.М. Лотмана, тем самым изначально определяясь с собственной базовой теоретико-методологической установкой, важной для раскрытия «всеохватности» семиотических процессов, зачастую когерентных в кардинально разнящихся меж собой культурах). До расширенной интерпретации – как «среды, обеспечивающей возможность появления и существования культур». Такая динамика говорит о важности исследований по изучению семиотического пространства

культуры в ее знаково-символической презентативности, о наполнении концепта семиосферы пространственным смысловым значениями.

Мы постарались показать, что такой подход в совокупности с избранной нами методологией исследования культуры позволяет рассматривать культуру как географическую реальность, «представленную знаково-символическими образами природы, а ландшафтное пространство – как сферу и универсальную культурно-историческую форму бытия культуры»¹⁹⁴.

Все это позволило осуществить репрезентацию культурного ландшафта как универсальной семиотической системы и целостного семиотического, то есть, знаково-символического пространства культуры, функционирующего в границах социокультурных кодов – основного системнообразующего ядра, подвижной матрицы, изменяющейся в разные культурно-исторические периоды и определяющей собой все процессы самоорганизации социума. И заключить, что, в существе своем, проблема семиотизации природы в культуре, решаясь с позиции разных философских и культурологических концепций культуры, так или иначе опосредована парадигмой взаимоотношений «человек – природа», с выходом на модель «развивающейся гармонии между ними (как идеальная модель будущего). Не будем забывать, что все проблемы отражаются в самом человеке.

Вторая группа выводов охватывает аналитику геокультурного пространства как знаковой системы с позиции семиотического анализа проблемы взаимодействия культуры и пространства и ее последующего развития в современном гуманитарном дискурсе. В границах этого проблемного поля нами были исследованы, во-первых, природно-антропогенные и геоэкологические факторы генезиса культурных ландшафтов. В данной связи мы, анализируя данные факторы в контексте проблемы эволюции культурных ландшафтов, пришли к заключению о том, что предпочтительнее говорить не о каждом отдельно, а о взаимодействии

¹⁹⁴ Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №17(238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 106-107.

всей совокупности факторов, участвующих в культурно-историческом генезисе культурного ландшафта. Одновременно мы отмечаем сложности их вычленения в дистиллированном, «чистом» виде, поскольку вся окружающая среда генетически взаимосвязана с культурной сферой, будучи опосредована ею.

Во-вторых, нами были отрефлексированы знаково-символические и информационно-знаковые образы природы в культурно-исторических типах ландшафта, в ходе чего мы пришли к следующему выводу о том, что семиозис взаимодействия культуры и пространства идет по пути его освоения как культурно-семиотической знаковой системы, эволюционируя по мере смены «картин мира» (моделей мироустройства и миропонимания), а также парадигм познания природы (от мифологической, натурмагической, к современной – рационально-прагматической). «Параллельно менялась семантика основных бинарных мировоззренческих оппозиций: «небесное – земное», «сакральное – профанное» и др., отражаясь на семиотизации среды (в том числе и в художественных образах) и реализуясь в культурно-историческом контексте ландшафта на всех стадиях его генезиса»¹⁹⁵.

С одной стороны, уже достаточно давно динамика семиотизации культурного ландшафта опосредована интенсивным воздействием мощных внешних факторов (особенно процессами территориальной урбанизации, потеснившими «дикую», первозданную природу»). А, с другой стороны, мы видим, что и сегодня, в наш техногенный век, семиозис взаимодействия культуры и пространства создаёт особую, уникальную атмосферу образов и образности, построенной не только на исторической фактологии, но зачастую «питается» из других источников: от «преданий старины глубокой» до мифологических сюжетов, «привязанных» к конкретной географии ландшафта.

¹⁹⁵ Тикунова С.В. Знаково-символические образы природы в культурно-исторических типах ландшафта // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (266). Вып. 41, сентябрь 2017. Белгород, 2017. С. 152-153.

В этом плане культурный ландшафт функционально нагружен, его миссия весьма широка и многогранна – от эстетической и историко-культурной до интегративной и коммуникативной функции. Так рождается сопряженность и территориально-культурный диалог не только людей, но целых эпох, а культурный ландшафт представляется уже как ландшафт-образ, ландшафт-метафора. «Именно из подобных метаморфоз ландшафта рождается семиотический концепт культурного ландшафта, который представляет наглядный образец гармоничного сотворчества природы и культуры, биосферы и ноосферы»¹⁹⁶.

В завершение мы полагаем, что сегодня концепт «культурный ландшафт», закономерно входя в научный, философско-культурологический оборот, все более сопрягаясь с аксиологическими измерениями всего геокультурного пространства в ноосферных моделях проектирования будущего.

В данной связи мы обозначаем важный аспект, не вошедший в параметры диссертации, но чрезвычайно актуальный сегодня. Он касается рефлексии культурного ландшафта как актуального способа ценностного мироотношения в ракурсе парадигмы сотворчества «Человек – природа», а шире – взаимодействия культуры и пространства.

Мы уверены: поскольку, как мы обосновали, культурный ландшафт – это в равной мере как социоприродный, так и знаково-символический феномен, постольку такой ракурс понимания актуализирует данную проблематику в горизонтах бытия человечества, позволяя не забывать, что, по большому счету, культура – это мера человеческого в самом человеке.

¹⁹⁶ Дроздов А.В. Проблемы семиотики культурного ландшафта Коктебеля // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Т. 27 (66). 2014. № 1. С. 61.

Библиографический список

1. *Августин*. «О христианской науке». Col. 19, 89.
2. *Абеляр, П.* Августин Аврелий. Исповедь / Абеляр П. // История моих бедствий: пер. с латыни. – М.: 1992. Кн. X.
3. *Алаев, Э. Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
4. *Аристотель*. Метафизика / Аристотель // Соч.: в 4 т. – М.: 1975. – Т. 1.
5. *Аристотель*. О душе / Аристотель // Соч.: в 4 т. – М.: 1976. – Т. 1.
6. *Арманд, Д. Л.* Наука о ландшафте / Д. Л. Арманд. – М.: Мысль, 1975.
7. *Арнхейм, Р.* Динамика архитектурных форм / Р. Арнхейм. – М.: 1984.
8. *Ахутин, А. В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время / А. В. Ахутин. – М.: 1978.
9. *Баландин, Р. К.* Закон природы в жизни общества / Р. К. Баландин // Новый мир. – 1993. – № 5.
10. *Барышников, П. Н.* Миф и метафора: лингвофилософский подход / П. Н. Барышников. – СПб.: Алетейя, 2010. – 216 с.
11. *Бахтин, М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – 1975. – С. 234-407.
12. *Берг, Л. С.* Предмет и задачи географии / Л. С. Берг // ИРГО. – 1915. – Т. 51, вып. 9. – С. 133.
13. *Берестовская, Д. С.* Культурные ландшафты Крыма / Д. С. Берестовская // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 210. – С. 7-10.
14. *Берестовская, Д. С.* Синтез искусств в художественной культуре / Д. С. Берестовская, В. Г. Шевчук. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 120 с.
15. *Берестовская, Д. С.* Синтез искусств и символический мир художественного творчества / Д. С. Берестовская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2011. – 158 с.

16. *Берг, Л. С.* Географические зоны Советского Союза / Л. С. Берг. – 3-е изд. – М.: Географгиз, 1947. – 397 с.
17. *Берг, Л. С.* Предмет и задачи географии / Л. С. Берг // ИРГО. – 1915. – Т. 51, вып. 9. – С. 463-475.
18. *Библер, В. С.* От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 312 с.
19. *Болотова, Е. А.* Информация как философская категория: онтологические и гносеологические аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Е. А. Болотова. – Краснодар. – 127 с.
20. *Брагин, А. В.* Онтологический аспект ноосферного соотношения мира и человека: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / А. В. Брагин. – Иваново, 2003. – 350 с.
21. *Булатов, В. И.* Функциональная организация и управление в антропогенных ландшафтах / В. И. Булатов // Вопросы географии. Сб. 106. Влияние человека на ландшафт. – М.: 1977. – С. 44-53.
22. *Бэкон, Ф.* О достоинстве и приумножении наук / Ф. Бэкон // Соч.: в 2 т. Сер. Философское наследие. – М.: Мысль, 1971. – Т. I. – С. 59-84.
23. *Веденин, Ю. А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения / Ю. А. Веденин // Изв. АН СССР. Сер. География. – 1990. – № 1. – С. 3-17.
24. *Веденин, Ю. А.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова // Изв. РАН. Сер. География. – 2001. – № 1. – С. 7-14.
25. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
26. *Вейнмейстер, А. В.* Символическая интерпретация культуры в концепции Э. Кассирера и А. Ф. Лосева: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / А. В. Вейнмейстер. – СПб., 2006. – 194 с.

27. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: 1976.
28. *Вернадский, В. И.* Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Рольф, 2002. – 576 с.
29. *Веселова, С. С.* Искусство озеленения интерьеров и создания зимних садов: От Древней Руси до эпохи модерна / С. С. Веселова. – М.: ЗАО «Фитон+», 2012. – 240 с.
30. *Виноградов, О. В.* Козволюционные механизмы в традиционной культуре: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / О. В. Виноградов. – Вологда, 2000. – 134 с.
31. Водные ресурсы Республики Мордовия и геоэкологические проблемы их освоения / А. А. Ямашкин, В. Н. Сафонов, А. М. Шутов и др. – Саранск: Б. и., 1999. – 188 с.
32. *Володарский, В. М.* Образ природы в творчестве Парацельса / В. М. Володарский // Природа в культуре Возрождения. – М., 1992. – 278 с.
33. *Гайденко, П. П.* Космос и душа. Учения о Вселенной и человеке в Античности и в Средние века / П. П. Гайденко, В. В. Петров. – М.: Прогресс, 2005.
34. *Галахова, Э. Н.* Климат Мордовии и сопряженных с ней областей Нечерноземья в погодах (по материалам исследований в Мордовской АССР): автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Э. Н. Галахова. – М., 1979. – 25 с.
35. *Гаспаров, Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М: Новое литературное обозрение, 1996. – 304 с.
36. *Гвоздецкий, Н. А.* Основные проблемы физической географии / Н. А. Гвоздецкий. – М.: Высш. шк., 1979. – 222 с.
37. *Герасимов, А. А.* Технизированное общество: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А. А. Герасимов. – Саратов, 2013. – 24 с.

38. *Геттнер, А.* География, ее история, сущность и методы / А. Геттнер. – Л.; М.: Госиздат, 1930.
39. Геоэкология населенных пунктов Республики Мордовия / науч. ред. и сост. А. А. Ямашкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. – 240 с.
40. *Глазовская, М. А.* Геохимические основы типологии и методики исследования природных ландшафтов / М. А. Глазовская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 230 с.
41. *Глазовская, М. А.* Геохимия природных и техногенных ландшафтов СССР / М. А. Глазовская. – М.: Высш. шк., 1988. – 338 с.
42. *Глазовская, М. А.* Методологические основы оценки эколого-геохимической устойчивости почв к техногенным воздействиям / М. А. Глазовская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 102 с.
43. *Глазычев, В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды / В. Л. Глазычев. – М.: Наука, 1984. – 180 с.
44. *Гоготшивили Л. А.* Платонизм в Зазеркалье XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. – С. 922–942.
45. *Голубев, Г. Н.* Геоэкология / Г. Н. Голубев. – М., 1999. – 336 с.
46. *Горшков, С. П.* Концептуальные основы геоэкологии / С. П. Горшков. – Смоленск: , 1998. – 445 с.
47. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Республики Мордовия в 1999 году. – Саранск, 2000. – 201 с.
48. *Григорьев, А. А.* Артикуляции бытия культуры / А. А. Григорьев // Теоретическая культурология. – М., 2005.
49. *Гумбольдт, В.* Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985.
50. *Данилов, Г. Г.* Из истории земледелия Мордовии / Г. Г. Данилов. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1964. – 112 с.
51. *Дедков, А. П.* Развитие склонов в плейстоценовом перигляциальном климате Среднего Поволжья / А. П. Дедков // Склоны, их развитие и методы изучения. М., 1971. – С. 142-151.

52. *Дежкин, В. В.* Концепция системы особо охраняемых природных территорий России. Авторская версия / В. В. Дежкин, Ю. Г. Пузаченко. – М.: Изд-во Рос. представительства ВВФ, 1999. – 67 с.
53. *Джеймс, П.* Все возможные миры. История географических идей / П. Джеймс, Дж. Мартин. – М.: Прогресс, 1988. – 672 с.
54. *Дирин, Д. А.* Влияние идей А. Гумбольдта на формирование и развитие географии культуры и концепции культурного ландшафта / Д. А. Дирин // Гумбольдтовские чтения: материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – С. 16–25.
55. *Докучаев, В. В.* Наши степи прежде и теперь / В. В. Докучаев // Избр. соч.: в сколькои т. М.: , 1949. – Т. 2. – С. 161–228.
56. *Дьяконов, К. Н.* Геофизика ландшафта. (Метод балансов) / К. Н. Дьяконов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 96 с.
57. *Жекулин, В. С.* Историческая география: предмет и методы / В. С. Жекулин. – Л.: Наука, 1982. – 224 с.
58. *Жиганов, М. Ф.* Память веков / М. Ф. Жиганов. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976. – 136 с.
59. *Замятин, Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – СПб.: Алетейя, 2003.
60. *Замятин, Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов: монография / Д. Н. Замятин. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
61. *Замятин, Д. Н.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы: монография / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, И. И. Митин; отв. ред. Д. Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2008. – 760 с.
62. *Илюхина, Н. А.* Образ как объект и модель семасиологического анализа: дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Илюхина. – Уфа, 1999. - 417 с.
63. *Исаченко, А. Г.* Понятие «тип местности» в физической географии (в связи с вопросами ландшафтнoй систематики и картирования) / А. Г. Иса-

ченко // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Геология и география. – 1960. – № 12. – С. 100–109.

64. *Исаченко, Г. А.* Культурный ландшафт как объект дискуссии / Г. А. Исаченко // Культурный ландшафт: теория и практика: материалы науч. конф., Москва, 3–11 ноября 2003 г. / МГУ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 40 – 43.

65. *Исаченко, А. Г.* Методы прикладных ландшафтных исследований / А. Г. Исаченко. – Л.: Наука, 1980. – С. 212–213.

66. *Исаченко, А. Г.* О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» / А. Г. Исаченко // ИРГО. – 2003. – Т. 135, вып. 1. – С. 5–16.

67. *Исаченко, А. Г.* Основные вопросы физической географии / А. Г. Исаченко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1953. – 391 с.

68. *Исаченко, А. Г.* Синтетическое картографирование природных объектов / А. Г. Исаченко, Т. И. Исаченко // Синтез в картографии. – 1976. – № - С. 28–38.

69. *Каганский, В. Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии / В. Л. Каганский // Обсерватория культуры. – 2009. – № 1. – С. 62–70.

70. *Каганский, В. Л.* Мир культурного ландшафта / В. Л. Каганский // Наука о культуре: итоги и перспективы. – 1995. – Вып. 3. – С. 31–46.

71. *Каганский, В. Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии / В. Л. Каганский // Обсерватория культуры. – 2009. – № 1. – С. 62-70.

72. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах / Отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин; авт. Белоусов С., Вахрушев В., Глушкова И. и др. - Вып. 5. - М.: Институт Наследия, 2008. - С. 243-246.

73. *Каганский, В. Л.* Ландшафт и культура / В. Л. Каганский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 134–145.

74. *Калинина, Г. Н.* Наука. «Другое знание». Человек / Г. Н. Калинина; ред. К. Nesipurenko. – Саарбрюкен: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 564 с.
75. *Калуцков, В. Н., Красовская Т. М.* Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого / В. Н. Калуцков, Т. М. Красовская // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 5. География. – 2000. – № 4. – С. 3–6.
76. *Климова, С. М.* Философия текста и возможные интерпретации реальности / С. М. Климова // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: монография / под ред. В. П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 213–238.
77. *Ковальчук, О. В.* Миф: первичные формы знания и логического мышления / О. В. Ковальчук, В. П. Римский // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: монография / под ред. В. П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 7–35.
78. *Ковальчук, О. В.* Между мифом и рациональным знанием: к истории европейской философии и социально-гуманитарных наук / О. В. Ковальчук, В. П. Римский // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: монография / под ред. В. П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 166–195.
79. *Колбовский, Е. Ю.* Ландшафтное планирование и формирование сетей охраняемых природных территорий / Е. Ю. Колбовский, В. В. Морозова. – М.; Ярославль: Ин-т географии РАН; Изд-во ЯГПУ, 2001. – 152 с.
80. *Колбовский, Е. Ю.* Ландшафт в зеркале культурологии / Е. Ю. Колбовский // Культурный ландшафт: теория и практика: материалы науч. конф., Москва, 3–11 ноября 2003 г. / МГУ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 43–45.
81. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: материалы Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Париж, 17 октября – 21 ноября

- 1972 г., 17-я сессия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/archive/convention.ru>.
82. *Королев, В. А.* Геоэкологическая оценка зон влияния инженерных сооружений на геологическую среду / В. А. Королев, С. К. Николаева // Геоэкология. – 1994. – № 5. – С. 25–37.
83. *Кочуров, Б. И.* География экологических ситуаций (экодиагностика территории) / Б. И. Кочуров. – М.: Ин-т геогр. РАН, 1997. – 131 с.
84. *Кравченко, А. И.* Культурология: словарь / А. И. Кравченко. – М.: Акад. проект, 2000. – 317 с.
85. *Крауклис, А. А.* Проблемы экспериментального ландшафтоведения / А. А. Крауклис. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1979. – 232 с.
86. *Куайн, У. В. О.* Еще раз о неопределенности перевода / У. В. О. Куайн // Логос. – 2005. – № 2. – С. 28–41.
87. *Кузьменко, Н. М.* Семиотическая концепция культуры М. К. Петрова: Лингвокультурологический контекст и специфика: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Н. М. Кузьменко. – Ростов н/Д, 2001. – 145 с.
88. *Кулешова, М. Е.* Культурные ландшафты: общие представления, понятия, подходы к оценке / М. Е. Кулешова // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. – М.: Изд. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. – 2000. – С. 37–52.
89. Культурный ландшафт Мордовии (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / А. А. Ямашкин, И. Е. Тимашев, В. Б. Махаев и др.; науч. ред. А. А. Ямашкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. – 2003. С. 59–60.
90. Культурный ландшафт // Культурология: краткий тематический словарь / под ред.: Г. В. Драч, Т. П. Матяш. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 192 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/858/word/kulturnyi-landshaft>.

91. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
92. Лавренова, О. А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта / О. А. Лавренова. – М.: Институт Наследия, 2010. – 330 с.
93. Лавренова, О. А. Семантика культурного ландшафта: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / О. А. Лавренова. – М., 2010. – 38 с.
94. Лапшин А. С. Редкие птицы Мордовии / А. С. Лапшин, Е. В. Лысенков; под ред. доц. А. Е. Лугового. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. пед. ин-та, 2001. – 176 с.
95. Лефевр, А. Парки и сады / А. Лефевр. – М.: ЗАО «Фитон+», 2010.
96. Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – С. 498.
97. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
98. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996.
99. Лотман, Ю. М. Риторика – механизм смыслопорождения // Семиосфера. – СПб., 2000.
100. Майданов, А. С. Мифологическое мышление как уподобление разнородного С.170-185//Эпистемология и Философия науки. Москва. «Канон+». Т. XIII. № 3. 2007. – С. 179-183.
101. Макунина, А. А. Ландшафтоведение и региональная физическая география / А. А. Макунина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1975. – № 6. – С. 45–50.
102. Маркина, Е. П. Философско-культурологическая интерпретация феномена антропокосмизма: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Е. П. Мааркина. – Белгород, 2016. – 155 с.
103. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М., 1976.

104. Методическое пособие по подготовке номинаций природных объектов для включения их в список всемирного наследия ЮНЕСКО. – М.: Луч, 2000. – 96 с.
105. *Мильков, Ф. Н.* Словарь-справочник по физической географии / Ф. Н. Мильков. – М.: Географгиз, 1960.
106. *Мильков, Ф. Н.* Общее землеведение / Ф. Н. Мильков. – М.: Высш. шк., 1990. – 336 с.
107. *Мильков, Ф. Н.* Эколого-географические районы Воронежской области / Ф. Н. Мильков, Б. В. Михно, В. И. Федотов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 216 с.
108. *Мухин, Г. Д.* Культурные ландшафты в системе охраняемых территорий / Г. Д. Мухин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1999. – № 1. – С. 76–78.
109. *Нестеров, А. И.* Обсуждение проблем антропогенного ландшафтоведения (хроника) / А. И. Нестеров, В. И. Федотов // Вопросы географии. Сб. 106. Влияние человека на ландшафт. – М.: , 1977. – С. 175–178.
110. *Неретина, С. С.* Символизм / С. С. Неретина // Теоретическая культурология. – М.: , 2005. – 350 с.
111. *Неретина, С. С.* Комментарий к книге Августина «О христианской науке» / С. С. Неретина // Электронная библиотека по философии. Режим доступа: [http:// filosof.historic.ru](http://filosof.historic.ru).
112. *Никитина, А. В.* Специфика философско-культурологической репрезентации культурного ландшафта: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.0. / А. В. Никитина. – Казань, 2013. – 196 с.
113. *Николаев, В. А.* Ландшафтоведение. Эстетика и дизайн: учеб. пособие / В. А. Николаев. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 176 с.
114. *Николаев, В. А.* Классификация и мелкомасштабное картографирование ландшафтов / В. А. Николаев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 62 с.
115. *Николаев, В. А.* Ландшафтоведение / В. А. Николаев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 94 с.

116. *Николаев, В. А.* Культурный ландшафт – геоэкологическая система / В. А. Николаев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2000. – № 6. – С. 3–8.
117. *Низовцев, В. А.* Антропогенный ландшафтогенез: предмет и задачи исследования / В. А. Низовцев // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1999. – № 1. – С. 26–30.
118. *Ожегов, С. С.* История ландшафтной архитектуры / С. С. Ожегов, Е. С. Ожегова. – М.: ООО «Изд-во “Мир и Образование”», 2011. – 256 с.
119. *Ожегов, С. С.* История ландшафтной архитектуры / С. С. Ожегов. – М.: ,1993.
120. *Кротков, Е. А.* О специфике филологического знания / Е. А. Кротков, Д. К. Манохин // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: монография / под ред. В. П. Римского. – Белгород: Изд-во Бел ГУ, 2007. – С.195–213.
121. Охрана ландшафтов: толковый словарь. – М.: Прогресс, 1982. – 272 с.
122. *Павилёнис, Р. И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка [Электронный ресурс] / Р. И. Павилёнис. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/logicheskaya-teoriya-smysla-v-analiticheskoi-filosofii-ot-logicheskogo-empirizma-k-kholizmu#ixzz4HQSeeM6d>.
123. Пейзажный английский парк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.2uk.ru/culture/kulture6>
124. *Петров, М. К.* Античная культура / М. К. Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 352 с.
125. *Петров, М. К.* Историко-философские исследования / М. К. Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. – 512 с.
126. *Петров, М. К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность / М. К. Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1995. – 140 с.
127. *Петров, М. К.* Самосознание и научное творчество / М. К. Петров. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – 272 с.

128. *Петров, Ю. В.* Философия как философия культуры / Ю. В. Петров // Вестник Томск. гос. ун-та. – 1999. – Т. 268. – С. 98–101.
129. *Пирс, Ч. С.* Логика как семиотика: теория знаков / Ч. С. Пирс // Метафизические исследования. Язык. – 1999. – Вып. 11. – С. 199–217.
130. *Подорога, В. А.* Метафизика ландшафта / В. А. Подорога. – М.: Наука, 1993.
131. *Пойкер, Х.* Культурный ландшафт. Формирование и уход / Х. Пойкер. М.: Агропромиздат, 1987. – 120 с.
132. *Полунин, Г. В.* Экзогенные геодинамические процессы гумидной зоны умеренного климата (физические аспекты экзогенных процессов) / Г. В. Полунин. – М.: Наука, 1983. – 249 с.
133. *Потебня, А. А.* Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М., 1976. – 487 с.
134. *Раменский, Л. Г.* Введение в почвенно-геоботаническое исследование земель / Л. Г. Раменский. – М.: Сельхозгиз, 1938. – 619 с.
135. Рациональное природопользование и охрана природы в СССР / под ред. Н. А. Гвоздецкого, Г. С. Самойловой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 208 с.
136. *Рикёр, П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М.: Медиум, 1995. – 415 с.
137. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
138. *Римский, В. П.* Проблема соотношения мифа и религии: методологический анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / В. П. Римский; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1985. – 200 с.
139. *Римский, В. П.* Тоталитаризм как культурно-цивилизационный тип: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / В. П. Римский; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1998. – 42 с.
140. *Розин, В. М.* Семиотические исследования (знак, схема, семиотический организм, феномен человека) / В. М. Розин. – М.: Университетская книга, 2001.

141. *Родоман, Б. Б.* Пространственная концентрация антропогенных явлений (поиски географических законов) / Б. Б. Родоман // Региональные проблемы развития 203 социально-экономических пространственных систем: учен. зап. Тартус. гос. ун-та, 1981. – Вып. 578. – С. 52–78.
142. *Руднев, В. П.* Реальность / В. П. Руднев // Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2001. – 608 с.
143. *Руднев, В. П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста: в сколько т., ч. кн. II. / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. – Ч., Т., Кн. II. – 432 с.
144. Руководство по ландшафтному планированию: в 2 т. Т. 1. Принципы ландшафтного планирования и концепция его развития в России / Гос. центр экол. программ. – М., 2000. – 136 с.
145. Руководство по ландшафтному планированию: в 2 т. Т. 2. Методические рекомендации по ландшафтному планированию / Гос. центр экол. программ. – М., 2001. – 73 с.
146. *Сагатовский, В. Н.* Философские категории. Ч. 1. Онология / В. Н. Сагатовский. – СПб: СПбНИУ ИТМО, 2011. – 127 с.
147. *Саушкин, Ю. Г.* Культурный ландшафт / Ю. Г. Саушкин // Вопросы географии. – М.: ОГИЗ, 1946. – Сб. 1. – С. 97–106.
148. *Свасьян, К. А.* Проблема символа в современной философии / К. А. Свасьян. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980. – 226 с.
149. *Свасьян, К. А.* Философия культуры Э. Кассирера. (Истоки, своеобразие, критика) / К. А. Свасьян // Вопросы философии. – 1984. – № 9. – С. 95–103.
150. *Свасьян, К. А.* Философия символических форм Э. Кассирера: крит. анализ / К. А. Свасьян. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1989. – 238 с.
151. *Соболева, М. Е.* Система и метод в философии символических форм Э. Кассирера / М. Е. Соболева // Вопросы философии. – 2000. – № 2. – С. 87–102.

152. *Соколов, М. Н.* Три пути в рай: Природа, религия и искусство в пространстве сада / М. Н. Соколов. – М.: Страдиз, Феория, Минувшее, 2014. – 714. -720 с.
153. *Сокулер, Е. А.* Семантика и онтология: к интерпретации некоторых моментов концепций Р. Карнапа и Л. Витгенштейна / Е. А. Сокулер // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН. – М., 1999. – С. 49–59.
154. *Солнцев, Н. А.* Основные этапы развития ландшафтоведения в нашей стране / Н. А. Солнцев // Вопросы географии. – М., 1948. – Сб. 9. – С. 49–78.
155. *Солнцев, Н. А.* Природный географический ландшафт и некоторые его общие закономерности / Н. А. Солнцев // Тр. II Всесоюз. геогр. съезда: в 2 т. М., 1948. – Т. 1. – С. 258–269.
156. *Солнцев, Н. А.* Учение о ландшафте / Н. А. Солнцев // Избр. тр. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 383 с.
157. *Сочава, В. Б.* География и экология / В. Б. Сочава // Материалы V съезда ГО СССР. – Л.: Наука, 1970. – 28 с.
158. *Сочава, В. Б.* Введение в учение о геосистемах / В. Б. Сочава. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1978. – 319 с.
159. *Степин, В. С.* Философия науки: общие проблемы / В. С. Степин. – М., 2006. – 348 с.
160. *Степанов, Ю. С.* В мире семиотики / Ю. С. Степанов // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 5–37.
161. *Стрелецкий, В. Н.* Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность / В. Н. Стрелецкий // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
162. *Стульцев, Ю. К.* Эколого-геохимическая оценка загрязнения снежного покрова селитебных ландшафтов Республики Мордовия / Ю. К. Стульцев // Новые подходы в естественных исследованиях: экология, биология, сельскохозяйственные науки. – 2001. – Вып. 1. – С. 13–14.

163. *Сухова, Н. Г.* Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии / Н. Г. Сухова. – Л.: Наука, 1981.
164. *Танги, Ф.* Чтение пейзажа / Ф. Танги. – Екатеринбург: Архитектон, 1999.
165. *Тикунова, С. В.* Культурный ландшафт как форма ценностного отношения к миру / С. В. Тикунова // Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф., Белгород, 25–26 февр. 2016 г.: в 4 т. – Белгород: ИПК БГИИК, 2016. – Т.1. – С. 361–364.
166. *Тимашев, И. Е.* Ландшафтопользование: теоретический подход / И. Е. Тимашев // Изв. ВГО. – 1991. – Вып. 2. – С. 134–139.
167. *Тимашев, И. Е.* Геоэкологический русско-английский словарь-справочник / И. Е. Тимашев. – М., 1999. – 168 с.
168. *Тимашев, И. Е.* Геоэкология: первоисточники, подходы, перспективы / И. Е. Тимашев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2000. – № 5. – С. 18–22.
169. *Тимашев, И. Е.* Парадокс геоэкологии / И. Е. Тимашев // География в школе. – 2001. – № 3. – С. 22–26.
170. *Троль, К.* Ландшафтная экология (геоэкология) и биоценология / К. Троль // Изв. АН СССР. Сер. География. – 1972. – № 3. – С. 34–37.
171. *Туровский, Р. Ф.* Культурные ландшафты России / Р. Ф. Туровский. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 1998. – 210 с.
172. *Феньвеш, Т. А.* Ноосферная концепция в системе космического направления развития научного и философского знания: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Т. А. Феньвеш. – Красноярск, 2003. – 153 с.
173. *Филенко, Л. П.* Русский космизм: социокультурный проект и рациональный конструкт: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Л. П. Филенко. – Белгород, 2012. – 181 с.

174. Физико-географическое районирование СССР. Характеристика региональных единиц / под ред. Н. А. Гвоздецкого. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 575 с.
175. *Филатова, Т. Н.* Структура и морфология обрядовых форм народной культуры. Понятие семиотического инварианта. Идея разложимости сложных семиотик / Т. Н. Филатова. – Самара, 2014.
176. *Фонтенель, Б.* Рассуждения о религии, природе и разуме / Б. Фонтенель. – М: Мысль, 1979.
177. Французский парк. Регулярный парк [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E5%E3%F3%EB%FF%F0%ED%FB%E9_%EF%E0%F0%EA.
178. *Фреге, Г.* О смысле и значении / Г. Фреге // Логика и логическая семантика. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – С. 230–246.
179. *Фролов, И. Т.* Многомерный образ человека. Комплексное междисциплинарное исследование человека / И. Т. Фролов, Б. Т. Юдин. – М.: Наука, 2001. – 237 с.
180. *Хайдеггер, М.* Творческий ландшафт / М. Хайдеггер // Избранные произведения ; пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Гнозис, 1993. – 334 с.
181. Хартия ИКОМОС об интерпретации и презентации культурного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.enamecharter.org/downloads/ICOMOS_Ename_Charter_RU%
182. *Шишкина, А. А.* Культурный ландшафт: основные концепции / А. А. Шишкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 151–157.
183. *Червяков, В. А.* Концепция поля в современной картографии / В. А. Червяков. – Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1978. – 180 с.
184. *Черкашина, И. Ф.* Азбука экологической культуры. Ландшафтные парки мира / И. Ф. Черкашина. – Ростов н/Д, 2009.

185. *Чернышева, А. В.* Культура как способ социальной наследственности: философия культуры М. К. Петрова: в 4 ч. / А. В. Чернышева. – Тамбов: Грамота, 2011. – Ч. III.
186. *Чибилев, А. А.* Введение в геоэкологию (эколого-географические аспекты природопользования) / А. А. Чибилев. – Екатеринбург, 1998. – 122 с.
187. *Щюц, А.* Символ, реальность и общество / А. Щюц // Культурология. Дайджест. – 2003. – № 1 .
188. *Эко, У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер.с англ. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 543 с.
189. *Яблонский, Э. Г.* Философско-мировоззренческие основания русского космизма: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Э. Г. Яблонский. – СПб., 1999. – 139 с.
190. *Ямашкин, А. А.* Геоэкологический анализ процесса хозяйственного освоения ландшафтов Мордовии / А. А. Ямашкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. – 232 с.
191. *Daniels, S.* Introduction: Iconography and Landscape / S. Daniels, D. Cosgrove // *The Iconography of Landscape*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 43–82.
192. *Drexler, D.* Landscape Perceptions – The Symbolic Meaning of Landscape and Its Role in Mental Wellbeing [Electronic resource] / D. Drexler URL: www.openspace.eca.ac.uk/conferenceproceeding/summary/Drexler.htm
193. *Gambino, R.* Landscape Analysis and Planning. Master World Heritage at work: Planning and Management for World Heritage Sites / R. Gambino / UNESCO, ILO, SITI, Venaria Reale. – Turin, 2008.
194. *Geertz, C.* Local Knowledge: Further Essays in Interpretative Anthropology / C. Geertz. – New York: Basic Books, 1983.
195. *Goffman, E.* The presentation of Self in Every Da Life. Garden City / E. Goffman. – NY: Doubleday. Greider, T. and R. L. Little, 1974.
196. *Kassirer, E.* Philosophie der symbolischen Formen / E. Kassirer. – Berlin, 1923–1929, Bd. 1–3.

197. *Kaufmann, F.* Das Verhältnis der Philosophie Cassirers zum Neokantianismus und zur Phänomenologie / F. Kaufmann // Cassirer E. Hg. Von P. Schillpp. – Stuttgart, 1966. – S. 118–146.
198. *Lévi-Strauss, Cl.* Anthropologie structurale / Cl. Lévi-Strauss. – P.: Plon, 1958.
199. Norberg-Schulz, C. Architecture: Presence, Language and Place / C. Norberg-Schulz. – Milan: Skira, 2000.
200. *Foucault, M.* Questions on Geography / M. Foucault // Power-knowledge: Selected interviews and other writings, 1972–1977. – N.Y.: The Harvester Press, 1980.
201. *Frislid, R.* Man in Nature. Cultural Landscapes of Norway / R. Frislid. – Oslo: Landbruksforlaget, 1990.
202. *Fuller, P.* The Geography of Mother Nature / P. Fuller // The Iconography of Landscape. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 11–13.

Электронные ресурсы

1. Культурно-просветительный сайт «Адамант». – Режим доступа: <http://www.lomonosov.org/index.html>.
2. Сайт «VOX. Философский журнал». – Режим доступа: <http://vox-journal.org>.
3. Портал «Экополис». – Режим доступа: <http://fundconstellation.net>.
4. Философский портал «Philosophy.ru». – Режим доступа: <http://philosophy.ru>.